

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

ВЫПУСК 4

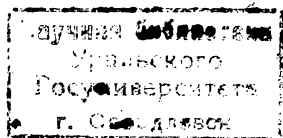
СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОРЕЧИЯ

СВЕРДЛОВСК
1975

к293

Печатается по постановлению редакционно-издательского
совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета имени А. М. Горького

Ответственный редактор — доцент В. В. КИМ

7878/2

В. В. Ким

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТРУКТУРА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Противоречие — коренная основа существования и развития всех явлений мира. Поэтому решающим условием познания всех процессов мира в их самодвижении является познание их как единства противоположностей. При характеристике источника саморазвития В. И. Ленин указывал на «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества»¹. Творческое исследование с различных сторон проблемы диалектического противоречия, являющегося основным законом бытия и познания, в современных условиях приобретает особое значение.

В настоящей статье ставится задача осветить сравнительно мало разработанный аспект предметного противоречия, связанный с изучением возникновения противоречия и его структуры.

Возможность возникновения противоречия содержится в различии, вне различий нет противоречия. Чтобы возникло противоречие, объекты, их составные элементы должны обладать различиями. В свою очередь, противоречия исчезают лишь тогда, когда исчезают различия, служащие условием и базой их существования. Противоречия возникают лишь там, где различные вещи или явления, их элементы вступают в определенную взаимосвязь между собой как противоположности. Стало быть, противоречия объективно возможны между всеми вещами и явлениями, их элементами и т. д., так как все они в своей конкретной определенности индивидуальны, неповторимы, так или иначе различны. Суть вопроса лишь в том, как, при каких условиях и из каких различий вырастают противоположности, какие различия являются противоположностями или могут стать таковыми.

Таким образом, хотя возможность противоречия заложена

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55.

уже в различии, не всякое различие есть противоречие. Противоречие связано не со всякими различиями вообще, а только со специфическими их типами.

Категория различия выражает многообразие бытия, характеризует неповторимую индивидуальность объектов, неодинаковость и несовпадение их составных элементов. Противоположной различию является категория тождества, которая выражает единство разнокачественных вещей и явлений, совпадение их составных элементов. Как всякие соотносительные понятия, тождество и различие получают свой смысл только при раскрытии их взаимного отношения, взаимной связи.

Различия между явлениями объективного мира, а поэтому и между собственно отображающими их понятиями, можно подразделить на отдаленные, существенные и несущественные.

Отдаленные различия, или «разность», — это различия между вещами или явлениями, далекими по своей сущности: они выражают различающиеся соотношения вещей за пределами их соотношения со «своим другим». К. Маркс именно эти различия характеризует как различия между сущностями, различие двух сущностей². Им соответствует в сознании «обычное» представление о различии, отображающее различия между всеми вещами и явлениями объективного мира. Подчас эти различающиеся объекты не имеют сферы общего взаимодействия, они настолько отдалены и отличны друг от друга, что их различия совершенно неопределенны, — это просто разные вещи, «они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга»³. В существенных свойствах и признаках эти вещи несравнимы, что дало возможность Гегелю эти различия характеризовать как «неистинные различия».

Существенные различия — это те, которые раскрываются из природы самого тождества; именно через тождество эти различия выступают как существенные. Если отдаленные различия Маркс называет различием между сущностями, то существенное различие им характеризуется как «различие существования», как «различенное определение сущности»⁴. Так «северный полюс и южный являются *одинаково полюсами, их сущность* тождественна; точно так же *мужской пол и женский* образуют один и тот же *род, одну сущность* — человеческую сущность. Север и юг — противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности на высшей ступени ее развития»⁵. Таким образом, определяя существенное различие как «дифференцированную сущность»,

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

как «различие в пределах существования одной сущности»⁶, Маркс имеет в виду не обычное представление о различии, отражающее отличия между всеми вещами и явлениями объективного мира, а то различие, которое свойственно тождественным по своей сущности вещам и явлениям. Следовательно, существенные различия объединяет общая сущность, общие закономерности, а отличает специфика формы их проявления. Такое различие Гегелем характеризовалось как «свое другое».

Несущественные различия — это различия, представляющие внешние формы проявления общей сущности. Например, все особи, относящиеся к одному биологическому виду, обнаруживают свое тождество в общности определенного типа обмена веществ, который и составляет их сущность. А бесчисленное множество различий в виде специфичности тех или иных признаков, сторон и т. д. представляет собой не что иное, как лишь особые формы проявления их сущности. Таким образом, несущественные различия — это чаще всего единичные и особенные отличительные признаки вещей и явлений. Таковы, например, расовые различия между людьми. Этот тип различия в гегелевской терминологии определяется как «иное».

Следует отметить, естественно, что различия, как существенные, так и несущественные, не абсолютны, а относительны: в зависимости от конкретных связей, отношений они переходят друг в друга. Все зависит от того, в каких объективных отношениях находятся вещи и явления и в каких отношениях, исходя из потребности практики, они исследуются.

Различия отдаленные и существенные по характеру являются качественными, однако совершенно разного порядка. Качественные различия по масштабу, по степени, по глубине и т. д. отличаются друг от друга. Так, к примеру, если взять восходящий ряд форм движения материи и структурных уровней материи, т. е. рассматривать формы движения материи генетически, то в этом ряду обнаруживается определенная закономерность: возрастание степени различия при одновременном убывании степени тождественности между объектами. Чем выше и сложнее качественный уровень развития материи, тем больше индивидуального, особенного у однородных структурных образований, больше качественных градаций в пределах одного и того же уровня, и наоборот, чем ниже уровень развития материи, тем меньше индивидуальности, особенности между объектами структурного уровня организации материи и тем труднее их отличить друг от друга. Иначе говоря, по мере усложнения форм движения материи возрастают индивидуальные качественные и количественные различия между явлениями, входящими в одну совокупность. Например, если инди-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 322.

видуальные различия между молекулами газа ничтожны, то в общественной жизни различия между человеческими индивидуумами поистине безграничны.

Все формы движения материи, соотносящиеся друг с другом как взаимосвязанные низшая и высшая формы, включают и общее, что делает их в некотором отношении тождественными, и особенное, что их отделяет друг от друга. При этом тождество их исключительно бедно и недостаточно для характеристики как высшей, так и низшей формы, ибо оно не выражает их сущности. Тождество как раз упускает то, что приобретено материальным образованием в процессе его качественного усложнения, т. е. то, что именно специфически отличает его от материальных образований предшествующих стадий развития. В этом случае не тождество, а различие схватывает специфическую сущность этих образований. Для иллюстрации возьмем атомные и молекулярные образования, между которыми много общего, что характеризует их тождественность. Они состоят из тех же «элементарных» частиц (причем молекула, в свою очередь, содержит в себе атомы), взаимодействие которых и обуславливает в конечном итоге наличие определенных общих свойств у данных материальных образований. Причем, если в атоме «элементарные» частицы взаимодействуют непосредственно, то в молекуле оно (взаимодействие) преломляется через взаимодействия атомов. Это и порождает различия между атомами и молекулами как по свойствам, так и по структурным элементам. О качественной специфике молекулы, как своеобразного уровня структурной организации материи, свидетельствует такая характеристика, как наличие у молекул энергии вращательного и колебательного движения.

Еще более сложной является связь между атомом, молекулой и живым организмом. Те свойства, которые были присущи атомному и молекулярному образованиям, в данном случае преломляются через форму движения белковых тел, обладающую еще большей качественной спецификой, чем формы движения молекул или атомов, составляющих неживое образование. Очевидно, что проявление этих свойств здесь значительно более преобразовано, существенно изменено, ибо они выступают как снятые моменты.

В объектах же, относящихся к одной и той же ступени развития материи, тождество есть именно то, что составляет их сущность, то, что появляется специфического на данном уровне. Здесь тождество совпадает с сущностью. Все специфическое, отличное между объектами, относящимися к данному уровню развития, не касается их сущности, а есть лишь различные формы ее проявления, специфический способ ее существования.

Таким образом, различия между объектами в пределах

одного и того же структурного уровня материальной организации принципиально отличны от различий между объектами качественно различных уровней развития материи. Если первые существуют в рамках общих закономерностей и потому различия между объектами носят **количественный** характер, то вторые подчиняются качественно иным закономерностям и потому различия между объектами имеют **качественный** характер. Очевидно, что несущественные различия в самом широком, философском смысле и есть количественные различия. Это — различия между качественно однородными вещами и явлениями.

Предметное диалектическое противоречие есть «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»⁷. И коль скоро все вещи и явления, их элементы в своей конкретной определенности индивидуальны, единичны, неповторимы, т. е. так или иначе различны, то противоречия объективно возможны между всеми вещами и явлениями, их составными элементами. Но возможность противоречий реализуется только при соответствующих условиях, когда из определенных типов различий вырастают противоположности и возникают взаимоотношения между ними.

Предметное противоречие связано только с определенными специфическими типами различия, а именно с различиями существенными. Только те различия, которые могут быть рассмотрены в рамках единой субстанциальной основы, в рамках тождества, служат основой и условием возникновения противоречия. Различия приобретают значение для понимания противоречия — источника саморазвития вещей — лишь постольку, поскольку они могут быть сведены к тождеству, к единству сущностей. Только через субстанциональное тождество различия выступают как существенные различия, как противоположности. Причем во взаимодействии существенных различий возникает противоречие лишь тогда, когда они действуют не в одном направлении, а в разных, когда они находятся в единых, но взаимоисключающих отношениях. Только в этом случае существенные различия выступают как противоположности.

Противоположности — это стороны противоречия, имманентно присущие каждому явлению, одновременно тождественные и различные, взаимно дополняющие и исключающие друг друга. Так, установив, что товар, созданный трудом рабочих, представляет собой единство стоимости и потребительной стоимости, Маркс указывает, что именно в этой двойственности товара лежит основа противоречия между такими сторонами единого процесса, как купля и продажа, производ-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

ство и обращение. Эти противоположности внутренне связаны между собой, находятся в единстве, хотя и имеют тенденцию отделяться друг от друга и становиться самостоятельными. Это противоречие особенно явно обнаруживается в экономических кризисах. «Именно в *кризисе*, — пишет Маркс, — обнаруживается действенная сила их единства, единства различных моментов. Та самостоятельность по отношению друг к другу, которую приобретают связанные и друг друга дополняющие моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, стало быть, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства кажущихся безразличными по отношению друг к другу моментов не было бы и кризиса»⁸.

Таким образом, тождество выражает совпадение вещей, но как определенная характеристика противоречия оно охватывает не просто внешнее сходство, а прежде всего совпадение вещей, их составных элементов в наиболее глубокой сущности, общую субстанциальность, через которую происходит их взаимное обусловливание, взаимное исключение и отрицание, взаимный переход друг в друга. Например, элементарные частицы и соответствующие им античастицы суть материальные образования одного и того же структурного уровня и в этом смысле они тождественны. В рамках этой субстанциальной общности они существуют как различные, прямо противоположные материальные образования: в этом тождестве они взаимно обусловливаются, взаимно уничтожаются, переходя в новое качество. Вне субстанциального тождества различия остаются чисто внешними, как говорит Гегель, «безразличными различиями».

Объективное, предметное противоречие возникает и существует как раздвоение единого (вещи, явления или их составных элементов) на взаимоисключающие противоположности и возникновение взаимоотношений между ними. В противоречии противоположности существуют не рядом, а каждая содержит в себе свою противоположность, «свое другое». Так, электрическое и отрицательное электричество, которые отличаются друг от друга. Каждое из них существует постольку, поскольку существует другое. При этом связь взаимоисключающих моментов характеризует единое отношение в одно и то же время. Так, Маркс, анализируя процесс антагонистического раздвоения буржуазных экономических отношений, писал: «...С каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой, что в рамках

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 556.

тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение...»⁹ Каждая вещь противоречива уже потому, что является той же и не той, прерывной и непрерывной, конечной и бесконечной, иначе, является единством тождества и различия. Отсюда очевидно, что противоречие носит абсолютный характер: оно представляет собой универсальную форму материальной действительности, присущую любому предмету в любом его аспекте.

В противоречие с другими вещами каждая вещь вступает своей определенной стороной, определенными свойствами, признаками и т. д. Так, атом обладает бесконечно многими сторонами, чертами, свойствами и может выступать во взаимодействии в «роли» то частицы химического элемента, то составной части молекулы, то необходимого элемента в структурном молекулярном построении, то системы, обладающей квантовыми состояниями с соответствующими энергиями, то системы действия сил между электронами, ядром и т. д. Вступая при этом в различные противоречия, атом каждый раз в качестве своей противоположности имеет не всякое другое, а определенное «свое другое».

Связи и взаимосвязи действительности многообразны и многосторонни, но всякое противоречие дихотомично, т. е. всегда представляет двустороннюю связь. В приведенном примере видно, что атом, вступая в различные взаимоотношения, выступает всегда определенной стороной. Во всех без исключения противоречиях неизменно имеет место пара противоположностей. Причем, если в каждом отдельном противоречии всегда наличествует одна пара, то в процессе может участвовать множество таких пар противоположностей. Более того, между парами противоположностей также может возникнуть противоречие как между двумя сторонами одной целостности, так как каждая пара противоположностей образует единство, характеризующее определенную целостность вещи. Таким образом, в общих противоречиях эти пары противоположностей в их единстве выступают как стороны противоречия. Следовательно, и в этом случае действует естественно лишь пара противоположностей.

При этом следует обратить внимание и на то, что стороны противоречия играют неодинаковую роль. Маркс отмечал, что хотя противоположности выражают одну и ту же сущность, они не могут быть и не бывают равнозначными, их положение всегда неодинаково, обычно «одна из крайностей берет верх над другой», и поэтому «действительного дуализма *сущности*

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 144.

не бывает»¹⁰. Следовательно, для глубокого и всестороннего познания природы предметного противоречия необходима не простая фиксация противоположностей как определенных его сторон, а уяснение конкретной роли каждой из них во взаимоотношении. Таким образом, термин «противоположность» обозначает соотносящиеся стороны любого диалектического противоречия, любых противоречий в природе, обществе и мышлении. Отсюда при характеристике предметного противоречия ни в коем случае нельзя разграничивать различие и противоположности, что можно и необходимо делать при исследовании степени развития и развертывания противоречия¹¹.

Итак, возможность возникновения противоречия заложена в различии и реализуется она в действительности только в субстанциальном тождестве. Поэтому сущность предметного противоречия нельзя понять и раскрыть без привлечения диалектического соотношения тождества и различия. Довольно распространенные в философской литературе мнения о том, что «там, где есть различие, там и есть противоречие», что «различие уже есть противоречие», что «всякое различие есть противоречие», что «различие, развившееся до крайности, или предельный случай различия, есть противоположности» и т. п., исходят именно из того, что, говоря о противоречиях, рассматривают лишь категорию различия вне ее связи с категорией тождества. А это недопустимо. Если основными структурными элементами объективного противоречия являются противоположности и их взаимодействия, то тождество и различие обязательно включаются в структуру противоречия. Следовательно, без понимания диалектического соотношения тождества и различия невозможно раскрыть сущность и структуру объективного противоречия.

Таким образом, рассмотрение вещей и явлений как самопротиворечивых в их сущности позволяет понять их самодвижение как таковое. Каждая вещь тождественна себе и вместе с тем в себе самой содержит нетождество (различие) с собой. И благодаря изменению «своих» противоположностей вещь изменяется сама и собственными изменениями вызывает изменение других. Если бы от каждой вещи исходили всегда одни и те же тенденции, а взаимодействие вещей отличалось бы однообразием и однонаправленностью, то мир в целом, несмотря на обилие различий и противоположностей, оставался бы застывшим, неподвижным, лишенным импульсов к изменению и развитию.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 322.

¹¹ Термин «противоположность» многозначен: кроме общего и основного значения — соотносящиеся стороны диалектического противоречия, — обозначает и степень развертывания противоречия (определенную фазу его обострения), и в целом противоречие вообще (в особенности при характеристике социальных противоречий).

Наряду с различием сторон противоречия — противоположностей, в каждом противоречии необходимо различать еще и моменты противоречия, составляющие также важнейшие структурные элементы объективного противоречия. Речь идет о таких моментах противоречия, как единстве и «борьбе» противоположностей, называемых Гегелем «противоположными определенностями».

Между двумя сторонами противоречия, противоположностями, всегда имеется как момент единства, так и момент «борьбы». На эту сторону вопроса особо обращал внимание К. Маркс, когда подчеркивал необходимость понимания двух неразрывно связанных моментов противоречия: момента единства, взаимоперехода и взаимообусловленности и момента «борьбы», расхождения противоположностей. Если бы капиталистическое производство и обращение были только разделены, не представляя одновременно единства, то невозможно было бы и насильственное восстановление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они представляли лишь нечто единое, нераздельное, то невозможно было бы их разделение, а следовательно, возможность кризиса также отпала бы. «А кризис, — отмечает К. Маркс, — есть не что иное, как насильственное осуществление единства фаз процесса производства, обособившихся и ставших самостоятельными по отношению друг к другу»¹². Борьба противоположностей возможна благодаря их единству, лишь в рамках единства и, наоборот, единство противоположностей всегда предполагает их борьбу. Единство и «борьба» противоположностей характеризуют два неразрывных момента взаимодействия сторон, которые никогда не парализуют друг друга, а находятся в определенном соотношении, при котором один из этих моментов может быть преобладающим. И в известном смысле характер предметного противоречия во многом определяется преобладанием того или иного момента в них, а следовательно, от него в значительной мере зависит и способ разрешения противоречий.

Таким образом, гегелевские «противоположные определенности» относятся друг к другу не внешним образом, а наоборот, каждая определенность в процессе своего развития переходит в «свое другое». Эту мысль Гегеля весьма высоко оценивал В. И. Ленин: «Очень верно и важно: «другое» как *свое* другое, развитие в *свою* противоположность»¹³. О сторонах противоречия можно сказать, что они находятся в единстве как не одно и то же (различное) и в «борьбе» как одно и то же (тождественное). Единство и «борьба» — это два неразрывных момента, аспекта противоречия, это отношения, в

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 566.

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 235.

которые необходимо вступают стороны противоречия, противоположности. Эти противоположности выступают одновременно и как тождественные, ибо они стоят в одном и том же отношении друг к другу и, следовательно, заключают в себе реальную возможность взаимоперехода друг в друга, и как нетождественные, ибо как взаимоисключающие различия они неравнозначны (неодинаковы), и потому абсолютного перехода их друг в друга нет.

Подведем итог. Противоречие означает прежде всего внутреннюю раздвоенность, расчлененность вещей и явлений и взаимодействие разделенных сторон друг с другом, их взаимопроникновение в рамках тождества. Стало быть, структура объективного противоречия характеризуется не только устойчивыми субстратными элементами — противоположностями, но и повторяющимися связями и зависимостями между ними — единством противоположностей и «борьбой» противоположностей. Поэтому нельзя отождествлять категорию противоречия с законом единства и «борьбы» противоположностей, ибо последний лишь схватывает и выражает существенные, устойчиво повторяющиеся отношения между важнейшими конституирующими элементами объективного противоречия. Противоречие же есть и внутренняя раздвоенность вещи, и взаимодействие разделенных сторон, которое всегда характеризуется как их единство и «борьба»¹⁴. Противоречие состоит именно в двойственности взаимодействия сторон, наделенных различными возможностями, тенденциями и т. д. И пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, конечно, мы не наталкиваемся ни на какие противоречия в них. Мы находим здесь только, как пишет Ф. Энгельс, «определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия... Но совсем иначе обстоит дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга, здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия»¹⁵. И действительно существенные различия, взятые как таковые, характеризуют отдельную вещь или явление с разных сторон, остаются равнодушными друг к другу и сами по себе не переходят друг в друга. Но они тут же утрачивают свою неподвижность, как только приводятся в субстанциальные отношения, в единое тождественное отношение в виде взаимоисключающих противоположностей, характеризующих процесс развития.

¹⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 134.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 123.

ОТНОШЕНИЕ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Положение В. И. Ленина о том, что противоречие есть «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»¹, предполагает необходимость рассмотрения отношения между противоположными сторонами в качестве одного из важнейших компонентов, составляющих основу содержания противоречия.

В истории философской мысли уже имели место попытки рассматривать противоречие через отношение, хотя и делалось это преимущественно на идеалистической основе. У пифагорейцев, например, многообразие мира было «уложено» в десяти числах, из которых двойка связывалась с противоположностью и отрицанием в природе. В свою очередь противоположность расчленялась ими на десять начал: предел и беспредельное, единое и множество, правое и левое, свет и тьма и т. д. Более четко мысль о противоречии как особом виде отношений выразил Аристотель: «Вещам соотнесенным присуща и противоположность: так, например, добродетель противоположна порочности, между тем, и та и другая принадлежат к числу соотнесенного и точно так же знание противоположно невежеству»². Гегель использовал отношение в качестве одного из важнейших принципов построения системы категорий диалектики, переход, «текучесть» которых основана у него на отношениях, включающих в свое содержание противоположные и тождественные стороны. «Характер, которым содержание обладает благодаря моменту своего устойчивого существования, — писал Гегель по поводу диалектики содержания и формы, — существенен для содержания явления, положенное таким образом представляет собой отношение, в котором одно и то же содержание есть развитая форма, внешность и противоположность самостоятельных существований и их тождественное соотношение, и только в этом тождественном соотношении различные и суть то, что они суть»³.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

² Аристотель, Категории. М., 1939, гл. 7, 6б.

³ Гегель. Соч., т. 1, стр. 228.

Некоторые советские философы (В. П. Тугаринов, А. И. Уемов и др.) основывают исследование проблемы отношений на принципе трихотомичности вещи, свойства и отношения. В системе трехчленного деления объектов действительности В. П. Тугаринов считает отношение или связь между явлениями или их свойствами третьим членом. И если свойство «субординировано предмету, то отношение субординировано предмету и свойству»⁴. Первичным в этой иерархии выступает предмет (тело, вещь, вещество), который является носителем свойств и отношений, выполняя функции основы их существования и развития.

Однако подобная точка зрения имеет целый ряд недостатков, органически вытекающих из онтологизации содержания философских категорий. В самом деле, признание вторичности свойств и отношений логически предполагает возможность существования предметов вне их свойств и отношений, так как фиксирует однонаправленность процесса развития от вещи к свойству, от свойства к отношению. В конечном счете, как справедливо отмечает И. Б. Новик, «теория первичности вещи по сравнению с отношением приводит к методологическому выводу: «Только познав вещи, можно познать их отношения»⁵.

В действительности же познание тех или иных материальных образований, явлений или процессов не обязательно идет по схеме «вещь — свойство — отношение». Так, например, Маркс выводил сущность человека из системы общественных отношений, а не из особенностей его как биологического существа или физического объекта. Различная направленность в субординации в системе «вещь — свойство — отношение» проявляется не только на уровне социальной формы движения материи. Явление аллотропии, к примеру, показывает, что такие простые вещества, как уголь, графит и алмаз, обладают различными свойствами, хотя их вещественный состав однороден. Определяющим фактором здесь выступает расположение элементов углерода, их структура или способ связи элементов. Поэтому первичность вещи в рамках трихотомичной системы «вещь — свойство — отношение» вряд ли может быть признана универсальной. И в этой связи можно констатировать, что противоречие генетически и функционально не обязательно и не однозначно связано с изменением самой вещи, а в значительной степени проявляется в изменениях ее свойств и отношений.

В решении проблемы отношений А. П. Шептулин стремится обозначить путь исследования не в аспекте системы

⁴ В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, стр. 39.

⁵ И. Б. Новик. О категориях «вещь» и «отношение». — «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 220.

«вещь — свойство — отношение», а в аспекте движения человеческого познания, подчеркивая при этом, что труд предполагает знание человека о связях предметов между собой и с человеческими потребностями⁶. Данное направление весьма плодотворно в том отношении, что в нем акцентируется внимание на роли субъекта в процессе познания и преобразования им окружающего мира и на основе принципа общественно-исторической практики человека делается попытка раскрыть социальную обусловленность содержания философских категорий. Но тем не менее, как нам представляется, выделение различных «срезов» или аспектов философского исследования всегда носит условный, относительный характер, и потому необходимо гармонично сочетать как онтологический, так и гносеологический аспекты анализа философских категорий.

В чем же специфика отношения, выступающего важнейшим компонентом содержания противоречия? К. Маркс в свое время писал, что «...свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»⁷ Данное положение можно понимать, во-первых, как отрицание какой-либо субординации между свойством и отношением и, во-вторых, как указание на их неразрывное диалектическое единство. Это единство не означает совпадения отношений со свойствами⁸ и не выступает в той форме, какую предлагает А. В. Дроздов: «...свойство есть потенциальное отношение, а отношение есть актуальное, реально существующее свойство»⁹.

Свойство безусловно существует и проявляется в отношениях, но нельзя его сводить лишь к возможности существования определенных отношений, а само отношение к действительности свойства, поскольку реально и действительно как то, так и другое. В силу этого они не могут быть различны по существованию в возможности и действительности. Их единство проявляется прежде всего в том, что свойство всегда выступает стороной (членом) отношения, обуславливая возникновение, существование, изменение и развитие другой стороны (члена) отношения, т. е. другого свойства. «Уже самый факт, что это есть *отношение*, — писал Ф. Энгельс, — означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»¹⁰. Отношение, таким образом, представляет собой обусловленность свойств, определенным образом воздействующих друг на друга материальных или идеальных образований. Поэтому отношение обеспечивает взаимность существования противоположных сторон любого противоречия, но поскольку свойства

⁶ См.: А. П. Шептулин. Система категорий диалектики. М., 1967, стр. 185.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 67.

⁸ См.: А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

⁹ А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Л., 1966, стр. 23.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497—498.

могут быть внутренними или внешними, существенными или несущественными и т. д., постольку и противоречия носят многовидовой характер.

Состояние обусловленности свойств (как членов отношения или сторон противоречия) может проявляться в форме причинно-следственной или функциональной зависимости. Например, в классовых отношениях действия одного класса влекут за собой действия другого класса (противоречие между трудом и капиталом проявляется в многообразных формах забастовок, демонстрациях трудящихся масс и т. д.), что характеризует причинно-следственную зависимость. Подобное же положение имеет место и в отношении между базисом и надстройкой, общественным бытием и общественным сознанием и т. д., когда одна из сторон отношения противоречия лежит в основе другой, вызывая ее к жизни, детерминируя и определяя особенность ее существования, изменения и развития. Однако причинность не покрывает универсальности отношений, поскольку она является, по словам В. И. Ленина, лишь моментом «всемирной взаимозависимости»¹¹. Но именно в причинно-следственной зависимости наиболее полно проявляется абсолютность борьбы противоположностей и относительность их тождества, именно в ней находят свое разрешение противоречия развития.

На различных структурных уровнях организации материи существование целостных образований невозможно без функциональных связей и отношений, характеризующихся взаимной определенностью и направленностью свойств. Данная форма обусловленности свойств выступает необходимым условием существования и разрешения противоречия функционирования. В ней наиболее четко проявляется единство противоположных сторон, устойчивость и взаимность их сосуществования. Так, например, в органическом мире так называемые «жесткие» и «звездные» системы (процессы кровообращения и пищеварения, ассимиляции и диссимиляции и т. д.)¹² сосуществуют в качестве необходимых взаимных условий, поэтому разрешение противоречия в данном случае не может идти путем элиминирования одной из его противоположных сторон.

А имеются ли отношения и, соответственно, противоречия между явлениями, не обуславливающие в своем возникновении, функционировании и развитии друг друга, т. е. вне процесса их однонаправленного или взаимного воздействия? Иначе говоря, существуют ли отношения, например, между органическими дискретными системами, имеющими единый генотип, общность эволюционного развития, в принципе одну

¹¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 143.

¹² См.: А. А. Малиновский. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии.— В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

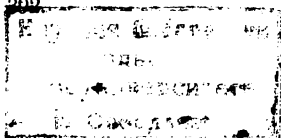
и ту же внутреннюю организацию и т. д.? Несмотря на то, что эти системы функционируют автономно и не находятся во взаимодействии, некоторые авторы все же усматривают наличие отношений между ними¹³.

На наш взгляд, однако, в отношении как элементе противоречия находятся только те материальные или идеальные образования, которые одинаправленно (генетическая зависимость) или взаимно воздействуют друг на друга. Следовательно, анализ содержания категории «отношение» должен быть основан на принципе неразрывного единства связей и отношений с движением и взаимодействием, на что указывали и основоположники марксизма. «В том обстоятельстве, — писал Ф. Энгельс, — что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это... есть именно движение»¹⁴.

7878/12
Связи и отношения выступают способами осуществления движения и взаимодействия, их атрибутами. Особенность содержания того или иного вида отношений и противоречий определяется, видимо, многообразием структурных уровней организации материи и многообразием форм ее движения. Причем в рамках любого вида отношений оно (отношение) проявляется наиболее четко там, где взаимодействуют одновременно существующие системы. Так, например, физический вид отношений может проявляться и как взаимное притяжение или отталкивание взаимодействующих тел, и как сложение, уравнивание или преобладание сил и т. д. В данном случае мы имеем дело с непосредственным и взаимным воздействием одной системы на другую, протекание которого может быть в форме обмена энергией, массой, структурой и т. д. Но воздействие может быть и одинаправленным (генетическая и причинно-следственная зависимость), когда в каком-либо определенном качестве или на определенном уровне организации материи воздействие одного образования на другое является преобладающим. Однако в любом случае должна быть проявлена активность вступающих в отношение друг с другом предметов, процессов или явлений действительности. «*Отношение* одной вещи к другой, — писал Маркс, — есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта спо-

¹³ См.: А. И. Уёмов. Системы и системные исследования. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 202.

способность остается «скрытой», пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты»¹⁵.

Одним из существенных моментов, характеризующих связи и отношения, выступает взаимное изменение свойств или переход свойств одного явления в свойства другого. Не случайно поэтому, оценивая диалектику Гегеля, В. И. Ленин писал, что «изложение *связи и переходов* (связь и есть переходы), вот задача Гегеля»¹⁶. На основе универсальных связей и отношений¹⁷, когда их сторонами или членами являются противоположности, возникают и разрешаются противоречия. Таким образом, существование и разрешение противоречия возможно лишь в рамках определенного отношения между противоположностями, в котором изменение или переход свойств характеризует то, чем является данное образование в другом, фиксируя тем самым и свою определенность.

Необходимым условием существования отношений и противоречий выступает наличие тождества и различия однонаправленно или взаимно воздействующих друг на друга образований¹⁸. В тождестве находит свое выражение относительная устойчивость, повторяемость явлений, непрерывность и единство свойств существующих систем. Деньги, например, представляют не только и не столько специфическую вещь, которая противостоит в качестве эквивалента товару и взаимодействует с ним при обмене, а представляет собой и обособившийся внутренний момент самого товара в эквивалентной форме. В товаре, как и в деньгах, скрыты социальные тождественные моменты деятельности, благодаря которым и возникают определенные отношения между людьми, происходит обмен результатами деятельности и т. д.¹⁹ На основе объективной тождественности свойств взаимодействующих систем мы можем говорить о том, что есть данная система в другой, какова ее родовая сущность. Но поскольку тождество положено в различии, то обусловленность свойств характеризует не только их единство, но и отграничение, несовместимость или обусловленность обратного порядка (в классовых отношениях, например, это может выступать в форме непримиримости классовых интересов, в борьбе классов, в их антагонизме и т. д.).

Итак, отношение как обусловленность свойств явлений выступает объективным и необходимым компонентом содержания любого вида противоречий, условием их возникновения, существования и разрешения.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 3, стр. 143.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

¹⁷ О соотношении категорий «связь» и «отношение» см.: Ю. П. Андреев. Категории «связь» и «отношение». — В кн.: Ленин и диалектика. Свердловск, 1970.

¹⁸ В. В. Ким. Тождество и различие. — «Философские науки», 1965, № 6, стр. 29.

¹⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 59.

ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ПРИЧИНА РАЗВИТИЯ

При анализе функции противоречия обычно отмечается, что противоречие — это источник, движущая сила, импульс, стимул, ускоритель, жизненность и корень всякого движения; что противоречие движет миром, выступает потенциальной основой другой формы развития, является принципом всякого самодвижения; что все движется путем противоречий и т. д. Казалось бы, при этом речь идет о причине всякого конкретного изменения, движения, развития. Тем не менее термин «причина» в функциональных определениях противоречия почти не употребляется.

Сама возможность использования термина «причина» при выявлении диалектики отношения противоречия и развития отрицается часто из-за известной тавтологичности в функциональных определениях противоречия. «Нельзя сказать, — писал, например, С. Т. Мелюхин, — что взаимодействие притяжения и отталкивания является причиной развития, оно характеризует внутреннее содержание развития. Понятие причины и следствия здесь неприменимо, поскольку с равным правом можно сказать, что развитие вызывает действие противоположных сил»¹. Нетрудно заметить, что автор стремится избежать круга в функциональном определении противоречия путем противопоставления понятий содержания и причины. Однако эти понятия не исключают друг друга, как, собственно, не исключают друг друга любые две категории диалектики.

Некоторые авторы считают «совершенно бездоказательными» все определения противоречия, даваемые с помощью понятий, синонимичных понятию «причина». Так, например, П. И. Трифоненков пишет: «Тезис о противоречиях как источниках развития «доказывается» в литературе лишь одной фразой: «Если бы не было противоречий, то не было бы развития». Если уж угодно говорить об этом, то надо говорить иначе: «Если бы не было развития, то не было бы и противоречий». Но развития, а значит, и противоречий не может не быть, ибо развитие является атрибутом материи, претерпевающей самые различные превращения в силу взаимодействия,

¹ С. Т. Мелюхин. Проблема конечного и бесконечного. М., 1958, стр. 207.

взаимного влияния ее конкретных видов и форм друг на друга»².

Автор прав в том смысле, что если развитие понимать как атрибут материи, то говорить о причине развития не имеет смысла. Но когда противоречие определяется как источник развития, то этим выражается не «творческая способность» противоречия порождать развитие из ничего, но скорее всего момент тождества между противоречием и развитием. Но последнее не столь очевидно и без должного пояснения может вызвать серьезные возражения. Тем более, что вопрос о правомерности определения противоречия как причины развития в литературе по существу еще не обсуждался.

Против взгляда на противоречие как на причину развития, движения выступают иногда со следующим аргументом: «Между противоречием и самодвижением нет временной последовательности, так как они представляют единую целостность — единство сущности и существования. Поэтому применительно к ним нельзя ставить вопрос: что вначале — что после? Что причина — что следствие?»³ Противоречие и движение (как самодвижение), противоречие и развитие (как саморазвитие) нельзя разрывать во времени. Следовательно, бессмысленно ставить вопрос о предшествовании того или другого, если между ними имеется отношение сущности и существования. И с этим следует согласиться. Трудно согласиться лишь с имплицитно полагаемой мыслью, что определение противоречия как причины неизбежно ведет к временному разрыву противоречия и движения, противоречия и развития. Такой разрыв кажется неизбежным, если придерживаться концепции временного предшествования причины следствию. Однако, как известно, имеется и другая концепция причинности, согласно которой причина и следствие даны одновременно. Поэтому рассмотрение вопроса о возможности использования понятия причины для определения противоречия требует выяснения связи между этими двумя концепциями причинности: если между причиной и следствием имеется какой-то временной промежуток (пусть как угодно малый), то при понимании противоречия как причины разрыв между противоречием и развитием неминуем, что не соответствует положению о их неразрывной связи во времени; если же, напротив, такого промежутка нет, то следует уточнить, каким образом это согласуется с представлением о предшествовании причины следствию.

В нашей литературе по вопросу о соотношении причины и

² П. И. Трифоненков. Против отождествления закона единства и борьбы противоположностей с вопросом о противоречиях.— В кн.: Диалектика современного общественного развития. М., 1966, стр. 225.

³ Ф. Ф. Вяккерев. Диалектическое противоречие в свете концепции самодвижения.— В сб.: Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967, стр. 24.

следствия сложились три основные точки зрения: концепция последовательного отношения причины и следствия (М. А. Леонов, В. И. Свидерский, Я. Ф. Аскин и др.), концепция одновременности причины и следствия (А. С. Уемов, А. М. Парнюк и др.) и точка зрения, считающая, что причина предшествует следствию и существует одновременно со следствием (И. В. Кузнецов, Г. А. Свечников, А. Е. Фурман и др.). Рассмотрим подробнее возможности использования указанных концепций причинности при анализе функций противоречия.

Некоторые сторонники концепции одновременности подчеркивают, что причиной выступает активная вещь, которая вызывает определенные изменения⁴. Однако это утверждение нуждается в уточнении, ибо не ясно, на чем здесь акцентируется внимание — на активности причины по сравнению со следствием или на том, что в качестве причины выступает отдельная активная вещь.

Известно, что если вещь активна, то ей присуще определенное движение. Но данное движение может существовать и проявиться лишь в условиях взаимодействия с другой. Вещь же, испытывающая какое-то воздействие, в свою очередь, оказывает обратное воздействие, в связи с чем вряд ли имеет смысл говорить о причине как об отдельной активной вещи, а не как о взаимодействии вещей. Другое дело, конечно, когда в рамках взаимодействия выделяется активная вещь с тем, чтобы показать связь прошедших изменений с качественными особенностями одной из взаимодействующих сторон. При этом необходимо учесть то обстоятельство, что структура следствия формируется при активном участии обоих элементов взаимодействия. Поэтому представление о причине как об отдельной активной вещи является односторонним и, по существу, скрывающим внутреннюю структуру причины.

По нашему мнению, более строгим будет утверждение, что активной является сама причина по отношению к следствию, так как в этом случае активность не приписывается лишь одному из элементов взаимодействия, а равно может быть отнесена и к другому. И тогда активность причины выступает уже не как обусловленность характера изменений пассивного элемента особенностями другого, а как обусловленность изменения обоих взаимодействующих элементов качественными особенностями самих этих элементов. Отсюда не составляет труда вывести одновременность причины и следствия. Действительно, причина активна, ибо представляет собой процесс взаимодействия, предполагающего одновременно существование взаимодействующих сторон. Вместе с тем взаимодействие выступает как взаимоизменение сторон, иначе оно теряет всякий

⁴ См.: М. А. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967, стр. 110.

смысл. «Причина, — писал Энгельс, — которая не действует, не есть вовсе причина»⁵. Но взаимоотношение, выражающееся в возникновении, преобразовании и ликвидации свойств данных сторон, собственно и есть следствие. Таким образом, из представления об активности причины следует одновременность причины и следствия. А если причина и следствие даны одновременно, то преодолевается принципиальная трудность, стоящая на пути определения противоречия как причины.

Переходя к рассмотрению концепции последовательного отношения причины и следствия, попытаемся выяснить: действительно ли данная концепция противоречит первой? Если же этого нет, то почему понятие причины не используется при анализе функций противоречия?

В рассматриваемой концепции причина и следствие принимаются за различные элементы, соответствующие разным состояниям процесса, за последовательные во времени явления. Так, по мнению Я. Ф. Аскина, выражение «причина предшествует следствию» является сокращенной формулировкой. «В более полном виде следовало бы говорить о том, что явление, представляющее причину, предшествует явлению, соответствующему ее следствию»⁶. И основанием вывода о временном предшествовании причины следствию является четкое различие причины, следствия и причинного действия. При этом последнее понимается как длящийся во времени процесс, который соединяет два явления — причину и следствие⁷.

Таким образом, по мнению Я. Ф. Аскина, причина и следствие в конечном итоге — суть начало и конец причинного действия: «Причинное действие носит диалектический характер развивающегося во времени процесса, процесса становления новых вещей и свойств, а не мгновенного акта. Из временной длительности причинного действия вытекает последовательность во времени причины и следствия»⁸. Такое же понимание причины и следствия допускает и Г. А. Свечников: причина предшествует следствию, если причину относить к моменту начала, а следствие — к моменту его завершения⁹.

Возникающее в процессе взаимодействия изменение, естественно, не сразу приводит к появлению какого-либо существенного свойства. Напротив, появившиеся существенные изменения являются как бы результатом предшествующего количественного накопления. Поэтому отношение следствия к концу действия причины оправдано в том смысле, что здесь обращается внимание лишь на сформировавшееся новое свойство или

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 570.

⁶ Я. Ф. Аскин. Время и причинность. — «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 76.

⁷ См.: Я. Ф. Аскин. Время и причинность, стр. 76.

⁸ Там же.

⁹ См.: Г. А. Свечников. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971, стр. 139.

новое качество. Понятие следствия выражает в этом случае совокупность всех предшествующих изменений. Сведение же причины к началу взаимодействия, видимо, имеет смысл только в связи с тем, что действие причины в конечном итоге ослабевает. Следовательно, всегда можно сказать, что основные изменения возникли главным образом в период, предшествовавший полному окончанию действия причины. Далее. Отнесение причины и следствия, соответственно, к началу и концу действия причины имеет еще и тот смысл, что позволяет выявить между ними генетическую связь. Если, например, в концепции одновременности причины и следствия данная связь затемнена (ибо здесь всякий раз причину и следствие нужно брать одновременно), то в концепции предшествования причины она выражена непосредственно. Это, собственно, и лежит в основе определения причинности как генетической связи явлений.

Таким образом, из всего сказанного можно заключить, что концепция предшествования причины следствию вполне правомерна и не противоречит по существу концепции одновременности. Но в таком случае при функциональном анализе противоречия обе названные концепции могут быть использованы; что это действительно так, можно показать на основе уточнения связи, фиксируемой в традиционном определении противоречия как источника движения (самодвижения), развития (саморазвития).

Наиболее строго, на наш взгляд, эта связь выражена в работах Ф. Ф. Вьяккерова¹⁰, где единство противоречия и развития рассматривается как единство сущности и существования, где само противоречие понимается как процесс самодвижения и саморазвития. Полагая, что позиция Ф. Ф. Вьяккерова вполне корректно выражает диалектическое тождество противоречия и движения, развития, а также акцентирует внимание на процессуальный, динамичный характер противоречия, тем не менее нам представляется возможным и необходимым выразить эти положения на языке концепций о причинности.

Противоречие есть причина бинарной структуры: противоположные стороны противоречия суть взаимодействующие элементы причины. Взаимодействие предполагает, что между элементами имеет место тождество и различие, взаимополагание и взаимоотрицание. Взаимодействие всегда есть процесс, есть причинное действие. Потому всякое существующее противоречие — это актуальное причинное действие, а связь состояний причинного действия выступает как связь фаз развивающегося противоречия. В процессе причинного действия возникает

¹⁰ См.: Ф. Ф. Вьяккерев. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972; Он же. Сущность предметного противоречия и особенности его теоретического воспроизведения. — В сб.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973.

следствие, т. е. нечто новое, которое «переводит» взаимодействующие элементы (противоположности) в качественно новое состояние. Это, собственно, и объясняет, почему противоречие выступает как саморазвитие: оно представляет собой причинно-следственный механизм, из которого только и возможно выведение нового. Иначе говоря, определить противоречие как причину не только можно, но и необходимо, если мы желаем знать простейший механизм развития.

Определение противоречия как причины наталкивается на ряд трудностей. Так, в одной из работ утверждается, что существуют такие противоречия, к противоположным сторонам которых «неприменимо понятие реальной борьбы»¹¹. Это представление базируется на противопоставлении формул: «в одном и том же отношении» и «в разных отношениях». Э. Б. Шур, например, развивает мысль, что если структура противоречия выражается первой из этих формул, то его противоположности не находятся в отношении реальной борьбы, а значит, и взаимодействия. Иначе говоря, признается существование противоречий, не являющихся источником развития. Наряду с этим утверждается, что противоречия, структура которых выражается формулой «в разных отношениях», являются источниками развития. Таким образом, признание противоречий со столь различными функциональными характеристиками исключает возможность определения противоречия как причины, последовательное проведение идей всеобщности функционального определения противоречия с использованием понятия причины.

Как видно, трудности проблемы структуры противоречия оказались непосредственно связанными с пониманием функций противоречия. И это вполне естественно, ибо следует из взаимосвязи структуры и функции. В рассмотренном случае двойственная позиция по вопросу о структуре противоречия привела к двойственному пониманию функции противоречий. На наш взгляд, исходным в решении проблемы связи структуры противоречия и функций противоречия является трактовка любого противоречия как причины конкретного изменения, развития. И когда обсуждение вопросов структуры противоречия приводит к альтернативным суждениям, то для проверки следует их интерпретировать в свете концепции причинности; и если получающаяся структура противоречия не является структурой причины, то она несостоятельна.

Рассмотрим другую трудность, лежащую на пути определения противоречия как причины развития. Речь идет об аргументе, указывающем на тавтологичность в данном определе-

¹¹ Э. Б. Шур. Два основных типа диалектического противоречия.— «Философские науки», 1971, № 6, стр. 58. (Аналогичная точка зрения проводилась и в работе: С. Т. Мелюхин. Проблема конечного и бесконечного. М., 1958, стр. 91—111).

нии. Действительно ли в формуле «противоречие есть причина развития» содержится круг?

Ранее уже отмечалось, что противоречие как причина есть взаимодействие элементов, которым присуще некоторое движение. Но в рассматриваемой формуле утверждается, что следствием является также движение, точнее, определенное движение — развитие. Следовательно, при абстрактном рассуждении получается, что «движение есть источник движения». На самом же деле это не так, ибо в конкретных случаях одно движение порождает другое движение. Например, пусть противоположностями или элементами причины выступают рентгеновские лучи и хромосомы. Тогда способ существования этих лучей и внутривещные связи в хромосомах составляют движение, присущее причине. При облучении хромосом из атомов молекул, поглотивших кванты энергии, выбиваются электроны. Образующиеся отрицательно и положительно заряженные частицы в конечном итоге приводят к некоторым химическим изменениям в генах или к хромосомным поломкам. Данное изменение в генах, как и в структуре хромосом, уже выступает как обусловленное движение. Таким образом, определение противоречия как причины не порождает круга. Причем круг не возникает, используется ли при этом причина в смысле предшествования или одновременности по отношению к следствию.

Рассмотрев вопрос об определении противоречия как причины и считая его правомерным, нельзя, разумеется, его противопоставлять пониманию противоречия как источника, импульса, стимула, движущей силы развития. Последние представления верны, но менее предпочтительны, ибо понятия «источник», «импульс», «стимул» и т. д. не являются категориями диалектики. Поэтому с их помощью можно лишь приблизительно передать то, что более строго выражается определением противоречия как причины развития.

УСЛОВИЯ, СПОСОБЫ И ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Становление диалектического противоречия с необходимостью перерастает в его разрешение. Значение момента разрешения для предметного противоречия настолько велико, что можно смело утверждать: противоречие постольку осуществляется, поскольку содержательно и фактически разрешается.

В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать «механизм» разрешения предметного противоречия, раскрыть его основные моменты, исходя из фундаментальных черт структуры и генезиса, внешнего и внутреннего уровней диалектического противоречия.

Так как диалектическое противоречие определяет сущность развивающегося предмета и выступает как тождество противоположностей, предполагающих друг друга как свое иное, разрешение его ничего общего не имеет с грубым отбрасыванием одной из противоположностей. Отрицательное, метафизическое «разрешение» объективного противоречия означает лишь насильственное разрушение самого предмета, а следовательно, отрицание возможности дальнейшего развития, независимо от того, какая сторона сохраняется — «положительная» или «отрицательная». На эту сторону проблемы обращал особое внимание К. Маркс, когда к разрешению противоречия труда и капитала подходил с позиций революционного пролетариата: «Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность»¹. Таким образом, при положительном, диалектическом разрешении предметного противоречия одновременно, хотя и по-разному, отрицаются обе противоположности.

Важнейшей характеристикой диалектического противоречия является абсолютность «борьбы» противоположностей. Поэтому разрешение предметного противоречия не может осуществляться путем опосредствования противоположностей, ибо опосредствование лишь полагает условия, внутри которых существуют и функционируют противоположности. Единство

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

противоположностей опосредуется тем целым, абстрактными моментами которого они выступают. Следовательно, от того, что одна противоположность находится в тесной связи с другой, противоречие не является разрешенным. Реальное разрешение предметного противоречия состоит не в опосредствовании противоположностей, не в их примирении, а прежде всего в уничтожении основания существующего противоречия.

При исследовании предметного противоречия всегда следует иметь в виду, что одна из противоположностей является ведущей и, следовательно, определяющей характер развития и способ разрешения предметного противоречия. Именно «неравноценность», «неравновесность» противоположностей выступает как необходимое условие разрешимости противоречия. При этом, хотя роли противоположностей в процессе становления конкретной системы меняются в зависимости от реальных условий, по существу, если рассматривать всю историю целостной системы, одна из противоположностей, как показал К. Маркс, абсолютно преимущественна².

Создатели материалистической диалектики неоднократно подчеркивали, что одна из противоположностей (тезис) является положительной, или консервативной, стороной противоречия, пытающейся сохранить свое собственное существование, а тем самым и существование своей собственной противоположности, а другая противоположность (антитезис) выступает как отрицательная, или революционная, сторона противоречия, вынужденная упразднить саму себя и тем самым обуславливающую ее противоположность³. Антитезис является активной стороной в процессе разрешения противоречия, так как в момент разрешения в нем фактически оказывается сконцентрировано все содержание конкретной целостности, в снятом виде содержится также и тезис. Именно в антитезисе противоположность имеет «значение истинной действительности».

Анализ «механизма» разрешения предметного противоречия включает прежде всего рассмотрение таких важнейших его моментов, как условие, способ и форма разрешения.

Условие разрешения диалектического противоречия не совпадает с условием существования и условием развития противоречия. Необходимым условием существования последнего является основание, в котором опосредуются противоположности. Так, частная собственность, опосредующая противоположности — пролетариат и буржуазию, выступает в качестве их основания и поэтому полагает условия, внутри которых существуют и функционируют указанные противоположности.

Условием развития предметного противоречия является развитие антитезиса. При этом вехами развития имманентного

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 322.

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 38—39.

противоречия выступают ступени развития внешнего выражения антитезиса. Например, ступени развития стоимости, являющейся антитезисом имманентного противоречия товара, совпадают со ступенями развития внешнего ее выражения — меновой стоимости, полюсами которой являются эквивалентная и относительная формы стоимости. Поэтому вехами, фиксирующими ступени развития противоречия товара, являются ступени случайной, полной и всеобщей формы стоимости.

Исходным условием и предпосылкой разрешения предметного противоречия в самом общем виде в таком случае становится объективно максимальная степень его зрелости, а следовательно, и степень зрелости антитезиса. На высшей ступени развития противоречие создает необходимые и достаточные условия для своего разрешения. При этом все существенные черты противоречия на этой ступени суть одновременно черты и характеристики объективных условий разрешения последнего. «Зрелость противоречий, — справедливо отмечает В. Е. Козловский, — объективное условие возможности разрешения всякого противоречия»⁴.

Разрешение предметного противоречия становится возможным лишь после того, как произошло окончательное становление противоречия, когда имманентное противоречие стало выступать как внешняя противоположность. Оно наступает тогда, когда заканчивается становление антитезиса, когда он достиг крайней степени самопротиворечивости, ибо реальное разрешение есть в конечном счете развертывание всех конструктивных потенций антитезиса.

Способом разрешения предметного противоречия выступает диалектическое отрицание основания противоречия, т. е. необходимого и достаточного условия его существования, и замена его антиоснованием, в результате чего будет осуществлен качественный скачок предмета. В таком случае противоречие труда и капитала, опосредуемое частной собственностью, разрешается таким образом, что частная собственность диалектически отрицается общественной. А противоречие между консервативными производственными отношениями и бурно развивающимися производительными силами, имеющее основание в определенном способе производства, разрешается путем диалектического отрицания старого способа производства новым. Следовательно, для разрешения предметного противоречия совершенно недостаточно одного только уничтожения основания, необходима конструктивная и последовательная деятельность по созданию антиоснования. При этом следует отметить, что с момента возникновения до зрелой формы антиоснование

⁴ В. Е. Козловский. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. М., 1966, стр. 182.

проходит несколько ступеней, специфика которых определяется содержанием развивающегося предмета.

В силу преимущественности одной из сторон противоречия — антитезиса — оно разрешается посредством одержания верха в борьбе противоположностей революционной стороной противоречия (антитезисом) над консервативной стороной (тезисом). Таким образом, практическое разрешение предметного противоречия осуществляется посредством действительного отрицания реального тезиса историческим антитезисом и качественного преобразования последнего. Следовательно, разрешается предметное противоречие всегда в пользу той противоположности, которая в снятом виде сохраняется в новообразующемся целом.

Это важнейшее положение материалистической диалектики сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Исследуя противоречие капиталистического общества, они пришли к выводу, что его разрешение есть тот революционный процесс, в котором сам творец — пролетариат — переделывает себя и очищается от «всей старой мерзости». «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету»⁵. Именно пролетариат является тем средством разрешения социального антагонизма, которое, упраздняя самого себя как угнетаемый и неимущий класс, упраздняет одновременно и основание социального антагонизма — частную собственность в капиталистической форме.

«Механизм» разрешения предметного противоречия будет раскрыт не полностью, если процесс разрешения не будет рассмотрен в плане соотношения внутреннего и внешнего уровней противоречия.

На внешнем уровне противоречие существует как внешняя противоположность в форме полярности или двойственности. Так как внешние противоположности рядоположены и относительно самостоятельны, они не могут одновременно существовать в обеих формах. Необратимость перехода — характерная черта противоположностей на внешнем уровне. На внутреннем же уровне противоположности взаимно исключаются и вместе с тем переходят друг в друга, находясь в состоянии динамического взаимопроникновения. Если на внешнем уровне противоречие не имеет в самом себе своего основания, а внешняя противоположность реализуется во взаимодействии одной стороны с другой, выступая как «противоречие между...», то на внутреннем уровне противоречие, имея в самом себе свое

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

основание, выступает как «противоречие внутри...», как самопротиворечивость.

Что касается отношения внешнего и внутреннего уровней предметного противоречия, то внешняя противоположность является, во-первых, формой проявления внутреннего, имманентного противоречия, и, во-вторых, завершающим этапом становления внутреннего противоречия, т. е. «...имманентное противоречие получает в противоположностях... развитые формы своего движения»⁶. Поэтому возникновение внешней противоположности не снимает имманентной противоречивости, а дает ей более глубокую и развитую форму движения, закономерно переходящую в разрешение. Так, например, имманентное противоречие потребительной и меновой стоимости находит свое выражение во внешней противоположности двух товаров, один из которых выполняет функцию относительной, другой — функцию эквивалентной формы стоимости. Здесь внешняя противоположность выступает как форма проявления имманентного противоречия.

Становление внутренней противоречивости товара, осуществляющееся в зависимости от поляризации эквивалентной и относительной форм стоимости, завершается раздвоением товарного мира на товар и деньги. Самопротиворечивость товара становится противоречием между товаром и деньгами, возникает новая, более высокая ступень развития имманентного противоречия, т. е. возникает более развитая форма движения целостного предметного противоречия.

Разрешение противоречия начинается с внешнего уровня, так как связи между внешними противоположностями ослабевают, легко рвутся и борьба между ними достигает максимальной степени обострения, а сами внешние противоположности распределяются между различными предметами. Разрешение имманентного противоречия происходит посредством победы одной противоположности над другой на внешнем уровне противоречия, в результате чего победившая сторона заменяет основание прежнего противоречия на антиоснование и качественно изменяет как саму себя, так и то конкретное целое, в границах которого она существует. Так, имманентное противоречие капиталистического общества — противоречие общественного характера производства и капиталистической формы присвоения, на внешнем уровне выступает как внешняя противоположность, как классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Основанием этого противоречия является частная собственность в развитой капиталистической форме. Разрешение этого противоречия означает диалектическое отрицание частной собственности общественной. Отрицание же частной собственности и установление общественной собственности

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 124.

на средства производства возможно лишь посредством уничтожения пролетариатом буржуазии как класса, ибо она всеми силами пытается сохранить основание капиталистического способа производства.

Из всего сказанного следует, что разрешение противоречия выступает как осуществляемое **отрицание отрицания**. При этом диалектическое отрицание основания предметного противоречия выступает как способ разрешения противоречия и выражает момент преемственности, удержания всего положительного, и момент преодоления и отрицания всего отжившего, консервативного⁷.

Разрешение предметного противоречия означает также качественный скачок в развитии предмета. Причем эти скачки не мгновенны, а обнимают различные периоды времени в зависимости от формы движущейся материи и степени ее самоорганизации. При этом самому качественному скачку предшествует период накопления количественных изменений. Иначе говоря, разрешение предметного противоречия в свою очередь представляет единство качественных и количественных изменений, эволюционных и революционных преобразований.

Таким образом, процесс разрешения предметного противоречия длится во времени, не являясь одномоментным, мгновенным актом. Причем длительность процесса разрешения определяется в конечном счете промежутком времени, необходимым для становления антиоснования. Так, например, в классовой борьбе пролетариата против буржуазии на первый план ставится вопрос о политической власти. В момент же захвата политической власти пролетариатом еще сохраняются капиталистические производственные отношения, основанные на частной собственности на средства производства. Затем посредством проведения политики социалистической национализации устанавливается общественная собственность и в течение определенного периода создаются социалистические производственные отношения. Но общественная собственность в своем становлении проходит определенные исторические ступени. И когда в обществе восторжествуют коммунистические производственные отношения, основанные на единой общественной собственности на средства производства, это будет означать окончательное разрешение противоречия труда и капитала. Следовательно, разрешение диалектического противоречия есть развитие самого предмета, выступающее как саморазвитие.

Формы разрешения диалектических противоречий в первую очередь зависят от принадлежности данного противоречия к той или иной форме движущейся материи, от качественных и существенных характеристик этой формы. Так, неумолимое

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 773.

развитие противоречий природы приводит в конце концов к их стихийному разрешению и появлению новых качественных образований. Что касается человеческого общества, то ввиду того, что законы общества проявляются и осуществляются посредством практической деятельности людей, формы разрешения предметных противоречий в значительной мере зависят от субъективного фактора. Роль субъективного фактора особенно возрастает в период разрешения противоречия. «Субъективный фактор, — пишут С. П. Дудель и Г. М. Штракс, — т. е. степень сознательности и организованности масс, классов, партий, связанный с непосредственной деятельностью, может способствовать или препятствовать назревшему разрешению противоречия. Субъективные условия разрешения противоречий благоприятны тогда, когда силы, способствующие разрешению, организованы, боеспособны, а силы, препятствующие разрешению, слабы и дезорганизованы»⁸.

В процессе становления природных противоречий не существует конфликта, так как он как ступень противоречия возможен только в общественных противоречиях, заключающих в себе в качестве важнейшего момента сознательные действия субъекта. Наступление конфликта между противоположностями совпадает во времени с переходом диалектического противоречия на ступень противоположности. При этом ступень противоположности свидетельствует только о том, что мы имеем дело со ставшим противоречием, но ничего не говорит о форме проявления и разрешения конкретного предметного противоречия.

Ставшее противоречие общественной жизни всегда выступает в форме конфликта в силу действия субъективного фактора. Причем социальные конфликты бывают двух видов: 1) классовые конфликты в антагонистическом обществе как максимальная степень обострения классовой борьбы и 2) конфликты между новым и старым в условиях социалистической действительности. Если классовый конфликт в конечном счете ведет к социальной революции, то конфликт между сторонами и противниками нового в условиях социализма ведет к проведению необходимых реформ в экономической и социальной сферах жизни общества, к усовершенствованию системы управления, перестановке и обновлению кадров. И это связано с тем, что за старым при социализме стоят не классы, а незначительные группы людей, по тем или иным причинам выступающие против нового (слабая теоретическая и научная подготовка руководителя или специалиста, моральный «износ» полученных в прошлом знаний, личностные качества,

⁸ С. П. Дудель, Г. М. Штракс. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967, стр. 125.

отрицательно сказывающиеся на выполнении общественных функций и др.).

Принципиальное отличие форм разрешения социальных противоречий в антагонистических формациях и в условиях социализма и коммунизма не только в этом. Следует учесть, что в классово антагонистическом обществе как антагонистические, так и неантагонистические противоречия, кроме основного противоречия капитализма, разрешаются стихийно (в социальном смысле) после того, как, достигнув максимальной степени обострения, они объективно начинают тормозить дальнейшее развитие общества. Другими словами, становление и разрешение социальных противоречий антагонистическим обществом не осознается. Это тем более очевидно, если учесть, что законы общественного развития становятся известными человечеству только после возникновения идеологии марксизма-ленинизма.

С появлением идеологии марксизма-ленинизма и коммунистических партий разрешение противоречий становится задачей целенаправленной деятельности людей. С победой социалистической революции как формы разрешения основного классового антагонизма капиталистического общества, предполагающей помимо объективной революционной ситуации, в качестве существенного фактора — субъективный, впервые в истории возникают благоприятные возможности для сознательного использования объективных законов, для предвидения отдаленных общественных последствий действий людей. Одним словом, общественная собственность обуславливает объективную необходимость и возможность планомерного развития общества.

Неантагонистические противоречия при социализме отличаются тем, что их становление осознается обществом, а поэтому разрешение носит планомерный характер. Разрешение противоречий при социализме осуществляется и будет осуществляться своевременно, сразу же с момента появления первых симптомов конфликтной ситуации.

В связи с тем, что вопрос о формах разрешения предметных противоречий тесно связан с вопросом о их специфике, всестороннее конкретное представление о формах разрешения можно получить только на пути специального рассмотрения различных противоречий действительности, в соответствии с принадлежностью их той или иной форме движущейся материи.

СТРУКТУРА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Разрешение объективного диалектического противоречия есть, по сути дела, его развитие: «Постоянное возникновение и одновременное разрешение... противоречия, — писал Энгельс, — и есть именно движение»¹. Поэтому структура разрешения противоречия является структурой развивающегося противоречия и в этой связи правомерно употребить термин «развитие-разрешение».

Поскольку развитие связано сущностно с факторами времени и качественного изменения, постольку структура развития-разрешения противоречия включает в себя как элементы время и качество. Ее третий элемент — само противоречие. Структурная пара «время — качество» константна для всякого развития, особенность которой придается третьим элементом. Поскольку в нашем случае им является диалектическое противоречие, универсальное по своей природе, постольку особенность структуры развития-разрешения противоречия обладает универсальной значимостью.

Структура диалектического противоречия включает в себя: а) по крайней мере, две противоположности, б) их основание как источник и как сущностный элемент единства, в) разные взаимообусловленные отношения, составляющие борьбу противоположностей. Это — статическая структура диалектического противоречия². Развитие-разрешение противоречия может осуществляться лишь путем развертывания его элементов (а, б, в) в пространстве пары «время — качество». Жизнь противоречия в этих условиях обладает тем неперменным свойством (константой), что статическая структура противоречия сохраняется всегда при всех изменениях его составляющих: противоречие постоянно воспроизводит свою сущностную структуру за счет вечного обновления содержания этих элементов. Тем самым обнаруживается глубинная связь, обоюдная зависимость противоречия, качества и времени, кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 123—124.

² Анализ и обоснование такой структуры см.: Л. М. Семашко, Структуры диалектического противоречия. — В сб.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973, стр. 26—36.

рые составляют общий механизм развития-разрешения противоречия и в онтологическом, и в методологическом аспектах.

Система «противоречие-качество-время» в методологическом плане функционирует как некое метапротиворечие, в котором роли противоположностей и основания принадлежат либо противоречию, либо качеству, либо времени. Обнаружение в них аспектов тождества и различия, устойчивости и изменчивости позволит выявить систему разных взаимообусловленных отношений между ними.

Тождественность противоречия, качества, времени заключается в их противоречивости: абсолютности-относительности, тождестве-различии, устойчивости-изменчивости, качестве-количестве, непрерывности-прерывности. Их различие — в качественной особенности каждого, т. е. противоречие, например, качественно отлично (и в определенном отношении — противоположно) и от качества, и от времени. То же самое можно сказать и о качестве, и о времени по отношению друг к другу и к противоречию.

Разные взаимообусловленные противоречивые отношения между качеством, противоречием и временем складываются из таких действий каждого элемента к двум другим, которые одновременно, но в разных отношениях и сохраняют, и разрушают друг друга, причем разрушение понимается как смена новым, переход в другое. Сохранение и разрушение, в свою очередь, одновременно, но в разных отношениях служат причиной и следствием друг для друга. Так, например, противоречие есть причина и сохранения, и разрушения качества. Если противоречие — источник развития и движения, то, следовательно, оно — причина разрушения всякого качественного состояния. Поскольку развитие есть в то же время возникновение нового, постольку противоречие является причиной порождения и сохранения качества (не определенного качества, а способности к их порождению). Разрушение определенных качеств сохраняет качество вообще, и наоборот. С другой стороны, качество есть причина и сохранения и разрушения противоречия. Действительно, за счет чего разрушается, сменяется противоречие? Только за счет качественных изменений его структурных элементов. Почему сохраняется структура противоречия, почему она постоянно воспроизводится? Потому что вечен и постоянен процесс качественного обновления элементов противоречия. И, наконец, абсолютность и непрерывность времени обусловлены постоянством противоречия, а его дискретность и относительность порождаются сменой качественных состояний противоречия. Противоречие и сохраняет время и разрушает его.

Аналогичны и другие связи противоречия-качества-времени, которые можно обобщить так: каждый из трех элементов у каждого другого разрушает конкретные состояния, но в то

же время за счет этого сохраняет его общую структуру, которая служит условием и причиной постоянного разрушения. Таким образом, обнаруживается противоречивость категориального поля исследования самого противоречия.

Как мы уже определили, структура развития-разрешения противоречия создается единством «противоречие-качество-время» и разворачиванием, сменой элементов самого противоречия (противоположностей, основания и борьбы противоположностей) в границах и условиях данного единства. Отражение объективного развития-разрешения в исследовании будет выглядеть развитием-разрешением противоречий категориального пространства. В конечном счете разрешение противоречия «возможно только практическим путем, только благодаря практической энергии человека»³.

Рассмотрим сначала изменения противоположностей в рамках структуры разрешения. Поскольку структура противоречия, а следовательно, и ее элементы абсолютно воспроизводимы как таковые, постольку аналогично формулам Маркса, раскрывающим взаимосвязанное развитие денег и товара, правомерны следующие формулы: противоречие-развитие-противоречие, противоположность-развитие-противоположность, борьба-развитие-борьба, основание-развитие-основание, развитие-противоречие-развитие.

Развитие противоречия есть переход и превращение противоположностей друг в друга, есть «не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность?)»⁴. Причем взаимопереход противоположностей не может быть полным и абсолютным, не может быть просто их «оборачиванием», просто сменой мест, что имеет место (да и то относительно) лишь в механических движениях. На более высоких уровнях движения противоположности не столько переливаются друг в друга, сколько качественно превращаются в «более высокие формы»⁵. С другой стороны, качественное изменение противоположности во время перехода не означает ее полного, абсолютного уничтожения и «зряшного» отрицания. В процессе перехода сохраняются, удерживаются на новой качественной основе некоторые «свои» свойства и свойства другой противоположности, не потерявшие прогрессивного значения. Тем самым переход противоположностей, их разворачивание, развитие двояко и противоречиво и складывается из превращения противоположности в свое другое (например, эксплуатируемый пролетариат после социалистической революции становится неэксплуатируемым рабочим классом, оставаясь трудящимся классом) и ее превращения

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 628.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203 (см. также стр. 98, 128).

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 526.

в другое (подчиненный пролетариат в результате социалистической революции становится классом-гегемоном, руководящим классом общества). Оба эти перехода неразрывно взаимосвязаны, едины, относительно, но первый играет ведущую роль, определяет второй.

Переход, развертывание противоположностей характеризуется также неравномерностью и неоднозначностью изменения каждой из них: «первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает»⁶. Развитие противоположностей происходит через «посредство промежуточных членов» и осуществляется путем «непрерывных бесконечно малых изменений»⁷. Таким образом, развитие, развертывание противоположностей характеризуется такими признаками: 1) качественное изменение содержания при сохранении всего прогрессивного, переход в свое другое, а не в чужое другое; 2) неравномерность, неравнозначность развития каждой из противоположностей; 3) развитие через промежуточные члены и этапы, моменты равновесия; 4) развертывание через непрерывные «малые изменения».

Источником изменения противоположностей прежде всего является «борьба» между ними, которая «абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁸. Или, как писал Энгельс, во всей природе господствуют «движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой»⁹. С другой стороны, каждая противоположность — тоже противоречие, вернее, «субпротиворечие» со своей «субборьбой», которые до поры до времени играют второстепенную роль, не выходя на сцену генеральных конфликтов и схваток. Однако, когда главная линия борьбы разрушит одну противоположность и приведет к победе другую, когда энергия и активность борьбы обернутся самоотрицанием и ликвидацией данной формы борьбы, — вот тогда на сцену выходит субборьба и занимает ведущее место. Например, борьба между трудом и капиталом приводит в конечном счете к победе труда и самоликвидации данной формы борьбы. Но на смену ей приходит качественно другая неантагонистическая борьба между различными сферами труда, разными формами социалистической собственности, между различными тенденциями в развитии труда. Вот почему «с победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность»¹⁰. Таким образом, борьба противоположностей является источником качественного самопревращения, но не непосредственно, а через посредство качественного измене-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 432.

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 529.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 526.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

ния противоположностей, через раскрытие субборьбы, заложенной в побеждающей противоположности.

Наконец, остается рассмотреть качественное изменение во времени основания противоположностей, которое также является противоречием, точнее субпротиворечием. Оно отличается от субпротиворечия противоположности своей значимостью, своей первичностью, своей существенностью. Так Маркс, в отличие от Гегеля, рассматривая основание как противоречие, подчеркивал: «Главная ошибка Гегеля заключается в том, что он противоречие явления понимает как единство в сущности, в идее, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно — существенное противоречие»¹¹. Основание противоположностей связано с противоположностями разными взаимообусловленными отношениями, взаимодействиями, основание по-разному порождает противоположности. «Пролетариат и богатство — это противоположности... Оба они порождены миром частной собственности»¹². Частная собственность как основание испытывает разные действия от капитала и труда: «от первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»¹³.

Внутреннее противоречие самого основания, в данном случае капиталистического способа производства, оказывается глубокой тайной, сущностной причиной классовой борьбы как противоречия явления. Качественное изменение основания подготавливается внутренним объективным и закономерным развитием его, но осуществляется через деятельность объективно прогрессивной противоположности, которая в процессе борьбы с другой противоположностью лишает ее основания, превращает прежнее основание только в свое. Преобразуя основание только в свое основание, «разрушительная» противоположность уничтожает тем самым и другую противоположность, и данную форму их борьбы, и качественно изменяет саму себя. Значит, фундаментом и первопричиной качественных изменений как противоположностей, так и их борьбы является изменение отношений противоположностей с основанием, в конечном счете порождаемое изменениями самого основания, самой сущности. Но изменения основания происходят опосредованно, через «бесконечно малые изменения» противоположностей и их борьбы.

Таким образом, перед нами раскрывается картина развития-разрешения противоречия в виде очень сложной системы непосредственных и опосредованных взаимодействий, внутренних и внешних переходов, качественно-количественных изменений всех элементов структуры противоречия. В целом дина-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 324.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 38.

¹³ Там же, стр. 39.

мическая структура развития противоречия представляется в виде вытеснения, замещения старого противоречия новым. Механизм вытеснения, замещения как механизм разрешения противоречия рисуется таким: 1) внутреннее противоречие основания определяет развитие «борьбы» противоположностей; 2) «борьба» противоположностей ведет к ликвидации консервативной противоположности, к качественному преобразованию разрушительной противоположности; 3) «борьба» противоположностей, самоликвидируя данную конкретную свою форму, превращает, качественно изменяя, прежнее основание в основание только прогрессивной противоположности; 4) на смену прежней борьбе приходит новая, заключенная в недрах победившей противоположности, которая ассимилирует в себе и своем основании все жизнеспособные элементы разрушенных противоположности и основания. Такое органическое замещение одного противоречия другим, одновременное разрушение прежнего противоречия и возникновение нового составляет суть разрешения диалектического противоречия и его развития.

О СПЕЦИФИКЕ И СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Общество представляет собой систему отношений между людьми. А поскольку носителями общественных отношений являются люди и существуют эти отношения лишь в человеческой деятельности, то противоречия общественной жизни являются всегда противоречиями тех или иных субъектов.

В связи с тем, что общество есть продукт взаимодействия людей, все общественные отношения непременно предметно опосредованы¹. Так труд индивида становится доступным другим людям только овеществившись в продукте, через продукт, ибо этот последний, заключая в себе «часть» субъекта, его создавшего, является субъективированным объектом, имеет самостоятельное физическое существование и может переходить в распоряжение других людей. В предметах, созданных человеком, выражается его человеческая сущность, предметы являются материальными носителями общественных отношений и вплетены в деятельность всех субъектов, начиная от личности до общества в целом. Следовательно, предметность входит и в структуру всех социальных противоречий:

При всем разнообразии предметности, в которой реализуются общественные отношения, она может быть подразделена на три основных класса: биосоциальную, вещную и институциональную. Под **биосоциальной** формой предметности понимается телесная организация человека, его анатомо-физиологические особенности. **Вещная** предметность выступает в виде орудий, продуктов труда, всей совокупности материальных благ. Наконец, **институциональная** форма предметности представляет собой всевозможные общественные институты, которые выполняют многообразные объективные функции в обеспечении коллективной жизнедеятельности человеческого общества².

В структуру всех противоречий общественной жизни входят в качестве элементов те или иные институты, а к тако-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 47.

² См.: Ю. П. Андреев. Категория «общественные отношения». Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1972, стр. 14.

вым относятся всевозможные организации, учреждения, нормы и т. п. Вещная предметность — обязательный структурный элемент всех противоречий процесса производства, экономики. Биосоциальная предметность присутствует в тех противоречиях, где, по крайней мере, одной из противоположных сторон выступает индивид. На протяжении истории человечества место и роль разных форм предметности в общественных отношениях неодинаковы. В период перехода к бесклассовому обществу возникает тенденция сокращения роли такой формы предметности, как вещная, хотя бы с исчезновением товарных отношений, в которых отношения обмена труда прикрыты вещной оболочкой, и биосоциальная форма предметности станет играть меньшую роль в связи с тем, что в коммунистическом обществе будет иметь место всестороннее развитие личности. Это, естественно, приведет к тому, что данные формы предметности станут все реже выступать элементами социальных противоречий.

Отмечая включенность в структуру социальных противоречий тех или иных форм предметности, нужно еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что противоречия общественной жизни есть противоречия субъектов, ибо предметы как материальная сторона общественных отношений сами по себе, вне деятельности людей не только не могут взаимодействовать, но и теряют свое качество социальной предметности. В социальной предметности выражается сущность человека, через предметы объективируются потребности, интересы, цели действующего человека, но нести в себе это содержание предметы могут лишь будучи включены в реальную деятельность людей.

Субъекты, выступающие противоположными сторонами социального противоречия, будучи элементами той или иной общественной системы объективно взаимопредполагают и взаимоотрицают друг друга. То обстоятельство, что в деятельности людей, в их взаимодействии объективно существующие отношения единства и борьбы субъектов реализуются, проходя через их сознание, через повторяющиеся процессы отражения, субъективизации и последующей объективизации, делает структуру противоречий общественной жизни чрезвычайно сложной. Ведь опосредованность отношений субъектов предметностью, неоднородность самих субъектов, например классов, социальных групп, не говоря уже о других моментах, обуславливают значительную неадекватность отражения ими их объективных отношений взаимодействия, взаимопредположения и взаимопроникновения. Этот субъективизм, неадекватность отражения, объективируясь через деятельность людей, меняет и само взаимоотношение субъектов.

Деятельность людей направляется потребностями и инте-

ресами. Интересы субъектов, являющихся противоположными сторонами противоречия, частично совпадают, оказываются однонаправленными, а частично сталкиваются, выступая как разнонаправленные, противостоящие друг другу. Но суть любых социальных противоречий состоит в разнонаправленности, борьбе, столкновении интересов. «...Все то, — писал Маркс, — за что человек борется, связано с его интересом...»³ Так, основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением продуктов производства, обнаруживает себя, становится явственным как столкновение коренных интересов буржуазии и пролетариата, как их классовая борьба. В этом смысле противоречия субъектов — это столкновение их интересов. Отсюда и различие социальных противоречий, их типы определяются тем, какие по важности, по степени существенности интересы субъектов сталкиваются.

В марксистской литературе давно стало традицией разделение всех социальных противоречий на два типа: антагонистические и неантагонистические. Определяются, однако, эти типы противоречий по-разному. Прежде всего бытует точка зрения на антагонистические противоречия как выражающие непримиримость интересов. Но с ней невозможно согласиться, ибо всякое социальное противоречие представляет собой именно столкновение, взаимоисключение интересов, а значит, их непримиримость. В этом смысле и неантагонистическим противоречиям свойственна непримиримость интересов, но только иных по характеру интересов, чем в случае антагонистических противоречий.

На наш взгляд, антагонистические противоречия есть расхождение, столкновение коренных жизненных интересов субъектов. Коренные жизненные интересы состоят либо в стремлении к сохранению, либо к уничтожению данной системы общественных отношений. Они поэтому и являются коренными жизненными, что существование субъектов как таковых (например, одних в качестве угнетенных, а других — угнетателей в обществах эксплуататорских, или в качестве трудящихся, владеющих средствами производства, при социализме) коренится в том или ином общественном строе. И весьма распространено мнение об антагонистических противоречиях как разрешаемых только с ликвидацией данного общественного строя, казалось бы, имеет под собой весьма серьезное основание. Но все-таки его нельзя признать верным, так как антагонизм между обществом и отдельными личностями, для которых антиобщественное поведение является способом существования, имеющий место при социализме, под подобную трактовку антагонистических противоречий не подходит. В то же

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 72.

время «личностный», или «индивидуальный», антагонизм, если можно так выразиться, есть столкновение коренных интересов таких субъектов, как общество, которое заинтересовано в ликвидации существования антисоциальных личностей, и этих личностей, стремящихся сохранить свое существование в качестве антисоциальных и саму возможность такого способа существования. Таким образом, определение антагонистических противоречий через столкновение коренных жизненных интересов позволяет характеризовать неантагонистические противоречия как столкновение интересов субъектов, у которых коренные интересы являются общими, а расходятся, притовостоят некоторые другие, менее существенные интересы.

В самое последнее время Г. М. Штраксом высказаны соображения о неправомерности выделения только двух типов социальных противоречий. Он предлагает применять категории антагонистических и неантагонистических противоречий лишь по отношению к антагонистическим общественно-экономическим формациям и переходному периоду от капитализма к социализму, а категорию неантагонистических противоречий не использовать применительно к социализму и коммунизму. Поэтому следует выделять не два, а пять типов социальных противоречий в ходе развития общества: «противоречия первобытной общности людей, антагонистические противоречия, неантагонистические противоречия, противоречия в условиях социального единства (или сокращенно — противоречия социального единства), противоречия в условиях социальной однородности общества (или сокращенно — противоречия социальной однородности)»⁴.

Такая классификация типов социальных противоречий несомненно имеет большой научный интерес. Однако выделение антагонистических, а соответственно, и неантагонистических противоречий, якобы присущих исключительно определенному периоду развития человеческого общества, периоду его деления на враждебные классы, вряд ли можно признать оправданным. Конечно, только в эксплуататорском обществе антагонизм играет определяющую роль, выражает самую глубокую сущность этого общества, но это вовсе не означает, что антагонистические противоречия начисто отсутствуют при первобытно-общинном строе и при социализме. Так, если **внутри** рода или племени имела место глубокая общность коренных интересов всех их членов, то коренные жизненные интересы **разных** племен в борьбе за охотничьи территории, пастбища и т. п. сталкивались, т. е. антагонизм присутствовал

⁴ Г. М. Штракс. Социальные противоречия (основные особенности). — В сб.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973, стр. 88.

в первобытном обществе и играл известную, а по мере развития этого общества — все возрастающую роль.

Не исчезает совершенно антагонизм и с утверждением социализма. В социалистическом обществе нет классовой борьбы, но возможен и существует антагонизм между обществом и отдельными личностями, для которых характерно антиобщественное поведение. Таких асоциальных личностей, конечно, ничтожное количество, а по мере развития социалистического общества становится все меньше, но раз они есть, имеются и антагонистические противоречия. Можно предположить, что и при коммунизме как крайне редкое, единичное явление не исключен такого рода «личностный антагонизм».

Поскольку в той или иной форме антагонизм существует не только в эксплуататорском обществе, постольку есть основание делить все противоречия общественной жизни на два типа: антагонистические и неантагонистические. Другое дело, что сами неантагонистические противоречия в различных общественно-экономических формациях отличаются определенными особенностями и их следует подразделить на несколько групп, а именно те, которые были предложены Г. М. Штраксом.

Отличия неантагонистических противоречий указанных групп друг от друга прежде всего проявляются уже по их отношению к антагонизму. Действительно, поначалу неантагонистические противоречия социальной нерасчлененности не испытывают на себе воздействия антагонистических противоречий, и только затем это воздействие все возрастает, когда неантагонистические противоречия утрачивают свое определяющее положение. И в эксплуататорских обществах они находятся под постоянным воздействием, давлением определяющих общественную жизнь антагонизмов. Но с утверждением социализма неантагонистические противоречия безраздельно определяют все функционирование и развитие общества и можно говорить лишь об их воздействии на остаточный, сходящий на нет антагонизм.

Далее, выделяя особенности неантагонистических противоречий первобытной общности людей, следует отметить их узкую сферу действия, ограничивающуюся рамками родовой общины, племени. Само единство коренных жизненных интересов здесь выступает как проявление социальной нерасчлененности, неразвитости, узости потребностей и интересов. Все это и порождает тенденцию отступления неантагонистических противоречий социальной нерасчлененности, их последующего подчинения антагонизму.

Подчиненность антагонизму неантагонистических противоречий в эксплуататорских обществах обуславливает их неразрывность в рамках этих обществ и создает объективную возможность обострения этих противоречий вплоть до острейших конфликтов.

Специфика неантагонистических противоречий социалистического общества в том именно и состоит, что они являются противоречиями общества, в котором сложилось социальное единство всех его членов как результат всего предшествовавшего развития общественного производства, общественной системы в целом. Единство, общность коренных экономических, политических интересов, основных духовных устремлений классов, социальных групп, коллективов и личностей приводит к тому, что ни одна из противоположных сторон в любом объективном неантагонистическом противоречии социализма не может быть носителем разрушительной тенденции, а стремится к сохранению целого. Социальное единство выступает базой для разрешения противоречий социализма в рамках данного общества. Таким образом, объективные противоречия в условиях социального единства выполняют только созидательную функцию. Само разрешение противоречий делает совпадение интересов, единство общества все более глубоким и многосторонним. Укрепляющееся единство в свою очередь создает предпосылки для все более быстрого и безболезненного разрешения противоречий, для постоянного снижения масштабов сталкивающихся интересов. Здесь действует тенденция, обратная той, которая имела место в эволюции противоречий социальной нерасчлененности.

Рассматривая социальные противоречия как столкновение интересов субъектов, следует заметить, что борьба субъектов является борьбой в прямом смысле, и поэтому противоречия общественной жизни в отличие от противоречий природы могут характеризоваться степенью остроты столкновения борющихся сторон. Социальные противоречия могут либо смягчаться, либо обостряться, что означает смену форм борьбы противостоящих сторон. Высшей формой обострения противоречий служит конфликт. Причем для антагонистических противоречий ход их развития через обострение вплоть до конфликта является неизбежным и обусловлен их природой, хотя сам конфликт, в зависимости от условий развития антагонистического противоречия, может быть разным по силе и формам проявления. Что же касается неантагонистических противоречий, то из их природы не вытекает обязательность обострения вплоть до конфликта. Правда, в эксплуататорских обществах существуют объективные основания для возникновения условий, когда в состоянии конфликта оказываются субъекты, выступающие противоположными сторонами неантагонистических противоречий. Например, в истории не раз случалось, что мелкая буржуазия вступала в вооруженную борьбу с рабочим классом.

Обострение неантагонистических противоречий, доходящие до конфликта, могут быть обусловлены и субъективными причинами, субъективизмом в деятельности людей в условиях

социального единства. Это может случаться в силу серьезных ошибок руководящих органов в социалистических странах, в частности, связанных с затягиванием разрешения противоречий.

Нередко острые конфликты в развитии неантагонистических противоречий рассматриваются в марксистской литературе как временные проявления антагонизма или, когда речь идет о социализме, говорят о конфликтах как антагонистических формах проявления присущих ему неантагонистических противоречий. Но с такими представлениями трудно согласиться уже потому, что они предполагают непременно критерием различения антагонистических и неантагонистических противоречий не характер сталкивающихся интересов, а степень остроты их столкновения, форму их борьбы. По существу здесь совмещаются два разных критерия. Никакого временного перехода неантагонистических противоречий в антагонистические и обратно происходить не может, так как превращение одних противоречий в другие непременно предполагает изменение природы субъектов.

Таким образом, обострение неантагонистических противоречий обусловливается не только объективными основаниями, но и субъективными причинами. Более того, субъект может выступать причиной появления новых противоречий. Такие противоречия, которые оказываются непосредственным порождением действий субъекта (личности или органов власти, управления), следует называть **субъективными**.

Свое непосредственное практическое значение выделения субъективных противоречий получает в условиях социализма, когда управление общественными процессами приобретает сознательный характер, хотя субъективные противоречия имели место и в предшествующей истории. И в связи с исследованием противоречий собственно социалистического общества в литературе появился термин «субъективные противоречия». Так, например, Л. Н. Коган и И. Д. Глазунов, подразделяя внутренние противоречия социалистического общества на три группы и выделяя в качестве одной из этих групп «противоречия, причиной которых является недостаточно полный и глубокий учет требований объективных законов и принципов развития социалистического общества», говорят, что они «носят целиком субъективный характер»⁵. Подразделяет социальные противоречия в зависимости от того, как они возникают, и Г. Глезерман, замечая, что они бывают «объективного и субъективного происхождения»⁶.

Однако более характерным для последнего времени является

⁵ Л. Н. Коган, И. Д. Глазунов. Проблема противоречий в советском обществе.— «Вопросы философии», 1955, № 6, стр. 179, 180.

⁶ Г. Глезерман. Противоречия при социализме.— «Проблемы мира и социализма», 1972, № 3, стр. 67.

ся отказ от термина «субъективные противоречия». Такой отказ мотивируется тем, что правильное говорить не о «субъективных», ибо они имеют объективные причины, а о случайных противоречиях⁷. Но подобный аргумент нельзя признать достаточно убедительным. Ведь понятие «случайные противоречия» шире понятия «субъективные противоречия». Случайные противоречия — это те, появление которых вызвано внешней случайностью. Известная часть случайных противоречий в данном социальном организме причиной своего возникновения имеет действие внешних случайностей, связанных с воздействием других обществ, народов или со всевозможными природными процессами, в частности стихийными бедствиями. Другие же случайные противоречия данного общества своим появлением непосредственно обязаны деятельности субъекта. Конечно, деятельность субъекта обусловлена общественной необходимостью, существующей системой общественных отношений, но в определенных границах субъект может поступать по-разному. Поэтому-то и нельзя признать основательным отказ называть подобные противоречия субъективными, ссылаясь на то, что действия субъекта не произвольны, а связаны с объективной необходимостью. Субъективные противоречия, безусловно, как и все случайные противоречия, всегда, в конечном счете, имеют под собой объективное основание, ибо внешние случайности, порождающие случайные противоречия, будучи внешними по отношению к данной необходимости, являются проявлением иной необходимости, необходимости другого порядка (как вообще всякое явление, будучи случайным в одном отношении, является необходимым в другом). Случайные противоречия не вообще являются нарушением нормального хода вещей, «патологией», «незаконными»⁸, а только по отношению к определенной необходимости, к определенным законам.

В развитии социалистического общества субъективные противоречия играют тормозящую роль. В субъективных противоречиях с большей очевидностью, чем в объективных, выступает противоборство, столкновение интересов субъектов. Их появление означает резкое расширение сферы сталкивающихся интересов субъектов, что задерживает реализацию свойственной социализму тенденции его развития, состоящей в возрастании единства общества, в снижении масштабов расходящихся, противостоящих интересов классов, социальных групп, коллективов, личностей. Субъективные противоречия, как и объективные, несомненно выступают импульсом, источ-

⁷ См.: К. Ю. Юзиф-заде. О роли субъективного фактора в преодолении случайных противоречий в развитии социалистического общества.— В кн.: Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества. М., 1970.

⁸ В. И. Горбач. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972, стр. 327.

ником развития, но иной, не прогрессивной направленности, а таких процессов, которые в прогрессивном движении к коммунизму вызывают отклонения, «зигзаги».

Чем дальше по пути к коммунизму станут продвигаться страны социализма, чем зрелее становится социалистическое общество, тем реже будут случаться ошибки, порождающие субъективные противоречия. Правда, люди не избавлены от ошибок, но в условиях социальной однородности они не станут причиной субъективных противоречий, которые при коммунизме перестанут существовать. Для социальных противоречий коммунистического общества станет невозможным и обострение их до степени конфликтов. Таким образом, вслед за классовой борьбой из жизни общества уйдут и конфликты. Все менее существенный характер сталкивающихся интересов обусловит и все более мягкие формы борьбы. Борьба субъектов станет подлинно человеческой.

ОТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ

Проблема социального противоречия и проблема субъекта и объекта есть лишь разные аспекты одной и той же проблемы — источника и движущих сил развития общества. По мнению Г. М. Штракса, одна из важнейших особенностей социального противоречия состоит в том, что это противоречие субъектно-объектного отношения, что противоположными сторонами социального противоречия выступают субъект и объект непосредственно или опосредованно¹.

Отношение субъекта и объекта не есть особый вид общественных отношений, существующий вне или наряду с другими общественными отношениями. Оно охватывает экономические, политические, нравственные и другие общественные отношения, где субъект — носитель сознательной целенаправленной деятельности, а объект — предмет этой деятельности. Субъектами исторического процесса в системе общественных отношений выступают различные социально-исторические общности, группы, коллективы, партии, и наконец, само общество как субъект собственной истории. Однако возможность данных общностей выступать субъектами не означает, что они являются таковыми на протяжении всей истории.

Историческое развитие общества есть историческое развитие человека. Люди, человек, в конечном итоге есть начало, причина, условие, результат и цель своей деятельности. Поскольку материальное производство, развитие производительных сил — фактор определяющий, а производительные силы общества — это не только орудия и средства производства, а прежде всего человек, трудящиеся, производители материальных благ, постольку именно народ является подлинным творцом истории.

Однако признание решающей роли народных масс в историческом развитии общества ничего не говорит о том, кто является субъектом тех или иных вполне конкретных событий в ту или иную эпоху. «Тут необходимо еще выяснить, — справедливо замечает Г. Е. Глезерман, — какие социальные силы,

¹ См.: Г. М. Штракс. Социальное противоречие (основные особенности). — В кн.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973.

вследствие своего объективного положения в обществе, организованности, сознательности и других качеств могут практически осуществить и действительно осуществляют данное историческое преобразование. Вопрос о том, кто творит историю вообще не тождественен вопросу о том, какие общественные силы сознательно осуществляют определенные исторические преобразования...»² Таким образом, необходимо различать субъект и объект исторического развития определенной общественно-экономической формации и соответственно их социальные противоречия, субъектно-объектные отношения в отдельных областях социальной жизни, субъект и объект конкретных социальных действий и, наконец, человеческого индивида как субъекта.

Субъектом исторического действия выступают лишь те социально-исторические общности или группы людей, деятельность которых, направленная на решение определенных социальных задач, является сознательной. И с прогрессивным развитием общества субъект исторического развития меняется не только качественно, но и количественно, ибо все большая и большая часть людей сознательно включается в решение определенных социальных задач. Так, В. И. Ленин говорил о народах колониальных и полуколониальных стран, что в прошлом они рассматривались «лишь как объекты, а не субъекты истории»³. В связи с этим становится ясным утверждение Маркса о том, что «вместе с основательностью исторического действия будет... расти и объем массы, делом которой оно является»⁴.

Объектом для каждой общественно-исторической общности, класса и т. д. является другая общность, другой класс, по отношению к которым направлена деятельность, преобразующая или сохраняющая существующие общественные отношения. Деятельность субъекта неизбежно приводит к тому, что объект его деятельности, будучи втянутым в определенные объективные отношения, сам сплавливается, организовывается, превращается в субъект деятельности. Таким образом, становление социальной группы, коллектива, класса как социального субъекта предполагает осознание ими своего места в социальной структуре общества, осознание своих потребностей, интересов, целей, определенную организацию, разделение и координацию функций между индивидами, входящими в данный субъект, сплочение их, выработку общих целей.

Каковы же основные противоречия общества и каково их соотношение между собой?

Если подойти к систематизации социальных противоречий

² Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967, стр. 22.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 35.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 90.

с позиций субъектно-объектного отношения, то, как нам представляется, можно выделить три основных типа, свойственных основным этапам развития общества. Это противоречия первобытнообщинного строя, противоречия классово антагонистических формаций и противоречия социалистического и коммунистического общества.

В период первобытнообщинного строя в качестве субъекта выступали род, племя. Родо-племенная общность выступала как единое целое, ибо обуславливалась общностью происхождения, общей собственностью и территорией (для жилья и охоты), общим языком, общими обычаями, традициями, верой, отсутствием частной собственности и социального неравенства и т. д. В силу этого носителями социальных противоречий выступали отдельные родо-племенные общности. Развитие орудий производства, разделение труда, возрастание роли семьи вело к тому, что данные процессы тормозились общинной собственностью и примитивным уравнительным распределением. Возникает неравенство, частная собственность, классы.

Начиная с разложения первобытнообщинного строя ведущую роль среди других социальных противоречий стала играть классовая борьба. Субъектно-объектное отношение внутри общества становится в сущности отношением классов, отношением борьбы классов. Отсюда следует, что классовые противоречия являются основными, ведущими в антагонистических формациях⁵. Все общественные отношения оказываются как бы нанизанными на стержень классовых отношений. Это и позволяет противоречия различных антагонистических общественно-экономических формаций выделить в одну группу, поскольку меняются лишь носители противоречий, но сущность их в принципе неизменна. Тем не менее, из всей совокупности различных противоречий необходимо выделить главное, основное, поскольку это позволит выяснить главную движущую силу общественного развития. «Мы не можем знать,— писал В. И. Ленин,— с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»⁶

Какой же из антагонистических классов в различные исторические эпохи является субъектом истории? Решающую роль во всех сферах общественной жизни классики марксизма отдавали господствующим классам, ибо, являясь единственным владельцем средств производства, они господствовали и в политике, и в идеологии, и в морали, в воспитании и образова-

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 32.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 142.

нии, тем самым становясь субъектом исторического развития, носителем определенных тенденций⁷. Носителем противоположной социальной тенденции потенциально, а далее и актуально выступают эксплуатируемые классы, трудящиеся. Так, пролетариат долгое время выступал в качестве объекта (в социальном плане) эксплуатации, не поднимаясь до уровня субъекта социального действия. В трудах классиков марксизма-ленинизма мы находим детальный анализ становления пролетариата как класса, как субъекта, превращения его из класса «в себе» в класс «для себя».

Действительно, развитие классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией шло в направлении от стихийных стачек, выступлений, которые выражали уже «зачатки классовой борьбы» (Ленин), к борьбе сознательной, политической. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что стихийная борьба пролетариата сама по себе и не сделается «настоящей» классовой борьбой⁸ без крепкой организации революционеров, революционной партии, задача которой состоит в том, чтобы выработать и помочь пролетариату усвоить сознание социал-демократическое, поскольку «своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»⁹. Партия, таким образом, формирует пролетариат как класс, как социальный исторический субъект, который в союзе с другими классами, совершая революцию, берет в свои руки все средства производства. «И только с этого момента, — подчеркивал Энгельс, — люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все более возрастающей мере и те следствия, которые они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹⁰.

Следствием этого исторического «скачка» является то, что по мере строительства нового общества сознательным субъектом своего собственного развития становится весь народ. Это — самый выдающийся факт в истории общественного развития, в истории становления социального субъекта. Общность коренных интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, получивших свое выражение в единстве целей, позволяет сделать вывод, что при социализме общество в целом выступает в качестве субъекта исторического развития. Народные массы из объекта истории превращаются в сознательный субъект социально-исторической практики. Таким образом, единство экономических интересов всех людей социалистического общества, их политическое единство,

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 46.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

⁹ Там же, стр. 30.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

верность коммунистическим идеалам, культурная близость, сознательная и творческая активность в производстве и социально-политической жизни привели к появлению новой исторической общности — советского народа.

Отсюда следует, что социальные противоречия классово антагонистических и социалистического обществ существенно различаются. Основное противоречие классово антагонистических формаций в его субъектно-объектном выражении — это классовая борьба, противоречия между классами¹¹, где они выступают носителем различных тенденций, и в плане структуры противоречия выступают непосредственными сторонами, носителями социального противоречия. Это противоречие определяет все остальные противоречия. При этом нельзя забывать, что противоречия общественного развития не неизменны, не даны однозначно раз и навсегда на всех этапах развития общества. Весьма примечателен в этом плане подход Маркса к анализу развития противоречий в капиталистическом обществе.

Начиная с анализа самого простого отношения буржуазного общества — обмена товаров, Маркс в дальнейшем вскрывает в этом акте все противоречия современного общества — от противоречия товара и противоречия между товаром и деньгами до противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения, которое в свою очередь развивается в открытую борьбу, конфликт между рабочим классом и буржуазией. Причем субъект в этих видах противоречия может быть представлен опосредованно, когда стороны противоречия оказываются определенными результатами практической деятельности субъекта¹². Но их суть определяется спецификой субъектно-объектного отношения и они могут быть разрешены более или менее полно лишь с качественным изменением субъектно-объектного отношения, с ликвидацией антагонизма в отношении между субъектом и объектом.

Диаметрально противоположную картину мы видим в диалектике развития социализма. Характер социалистической системы хозяйствования, изменившаяся структура социалистического общества привели к тому, что основное противоречие социализма разворачивается не между классами за овладение средствами производства. Общность коренных, существенных интересов в экономической, политической, культурной области основных социальных групп, классов социалистического общества ликвидировала основу для возникновения между ними антагонистических противоречий. Изменения в социальной структуре советского общества, еще более тесное сближение

¹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 282.

¹² См.: Г. М. Штракс. Социальное противоречие (основные особенности).

коренных интересов рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех наций и народностей привело к тому, что субъектом социального развития становится все общество. Вместе с тем социализм еще не означает абсолютной социальной однородности. Кроме того, само социалистическое производство связано, с одной стороны, с преодолением, а с другой — с порождением таких противоречий, как противоречия между уровнем развития производства и формой его организации, между достигнутым уровнем производства материальных и духовных благ и растущими потребностями людей, между равенством по отношению к средствам производства и неравенством в распределении и т. п. Тем самым, и в социалистическом обществе основные противоречия в их субъектно-объектном выражении есть отношения различных социальных групп, классов. В данном случае принципиально меняется лишь характер этих отношений, поскольку они имеют неантагонистический характер.

Таким образом, единство коренных интересов социальных групп социалистического общества, выступающих опосредованно или непосредственно носителями социального противоречия, приводит к тому, что противоречия социализма разрешаются в рамках существующего строя, поскольку их носители (социальные группы) стремятся к сознательному вскрытию, разрешению и преодолению этих противоречий. А это в свою очередь ведет к более тесному единству социальных групп и в конечном итоге к укреплению и развитию социалистического общества.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ОБЪЕКТИВНЫМ И СУБЪЕКТИВНЫМ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятия «объективное» и «субъективное» многогранны, многоаспектны. Можно выделить ряд логически субординированных их значений.

1. Понятие «субъективное» в наиболее общем значении идентично понятиям «сознание», «идеальное», а понятие «объективное» — понятиям «материя», «материальное». Соотношение объективного и субъективного в данном аспекте выступает как соотношение объективной и субъективной реальностей.

2. Объективное и субъективное раскрывают содержание субъективной реальности с точки зрения ее соответствия объективной реальности. В этом случае объективным является такое содержание субъективной реальности, которое соответствует (адекватно) объекту познания (объективная истина), а субъективным — содержание, которое не соответствует (неадекватно) объекту познания (заблуждение).

3. Объективное и субъективное выступают как характеристики объективной истины. Субъективным здесь является одностороннее, неполное знание, а объективным — знание многостороннее, относительно полное. Субъективное и объективное в данном значении конкретизируются парными понятиями «относительная истина» — «абсолютная истина», «абстрактное знание» — «конкретное знание».

Все три выделенных здесь значения объективного и субъективного являются **гносеологическими**.

4. Объективное и субъективное проявляются как объективный фактор и субъективный фактор, раскрывающие процесс детерминации деятельности людей. Объективный фактор — это те элементы социальной деятельности, которые опосредуются или не опосредуются ее субъективным фактором. Субъективный фактор — это сознание в социальной деятельности, детерминированное элементами объективного фактора и опосредующее и регулирующее их взаимодействие. В той мере, в какой сознание выступает регулятором познавательной деятельности субъекта, оно имеет гносеологическое значение, а когда оно является регулятором практической деятельности, приобретает социологическое значение.

Развитие и функционирование человеческой деятельности в целом осуществляется и определяется возникновением и разрешением противоречий между каждым из выделенных значений объективного и субъективного. Так как практика по отношению к познанию является определяющей, то и противоречия между объективным и субъективным в практике являются определяющими по отношению к противоречиям между объективным и субъективным в познании. Вместе с тем последние обладают относительной самостоятельностью и оказывают обратное воздействие на соответствующие противоречия в практике. Указанные противоречия являются формами проявления противоречий между практикой и познанием в целом¹.

В практике противоречия между объективным и субъективным факторами выступают в двоякой форме: в форме их относительного соответствия и в форме их частичного или полного несоответствия. В первом случае цели и результаты деятельности людей в основном совпадают, во втором — не совпадают (частично или полностью).

Причины, вызывающие противоречия между объективным и субъективным факторами, можно разделить на объективные и субъективные. Возникновение объективных причин противоречий связано с изменениями в объективном факторе, с действием закона отставания общественного сознания от общественного бытия, который следует различать в гносеологическом и социологическом аспектах.

Общественное бытие — это не только наличное, действительное бытие, но и те возможности, которые оно содержит (потенциальное бытие). Отражая это потенциальное бытие, сознание в гносеологическом плане, конечно, опережает бытие, но опережает не бытие вообще, а только наличное бытие. Вместе с тем, сознание в определенном отношении отстает и от наличного бытия, и от потенциального, ибо оно никогда не может охватить общественное бытие полностью. Это противоречие разрешается путем открытия новых законов и свойств предметов и все более полного учета перспектив общественного развития. Отставание сознания в социологическом плане означает несоответствие идей, взглядов, представлений, возникших в одних социальных условиях, новым, изменившимся социальным условиям. Конкретные причины проявления отставания сознания от бытия в этом отношении многообразны — это и существование социальных групп, заинтересованных в консервации старого, и отставание сознания масс от авангарда, и психику людей, стремящихся к сохранению сложившихся взглядов и др.

Из определяющей роли объективных факторов в практике,

¹ О противоречиях между практикой и познанием см.: И. Т. Якушевский. Ленинизм и «советология». Л., 1970, стр. 395—434.

в человеческой истории вытекает то, что они являются и определяющей причиной противоречий в ней. Все противоречия, возникающие между объективным и субъективным в практике, так или иначе ведут к противоречиям между практикой и познанием. В познании эти противоречия проявляются как противоречия, во-первых, между субъективным как неадекватным знанием и необходимостью в объективном, адекватном знании, во-вторых, между субъективным как абстрактным знанием и необходимостью в объективном, конкретном знании, в-третьих, между новым объектом познания (объективным фактором) и отсутствием необходимых субъективных средств, методов познания, т. е. субъективным фактором познания. Все эти противоречия между объективным и субъективным в познании еще опосредуются противоречиями между чувственным и рациональным, эмпирическим и теоретическим и др.

Анализом противоречий между объективным и субъективным факторами в практике раскрываются такие гносеологические функции практики, как цель познания и критерий истины. Первопричиной развития познания, ее движущей силой всегда является несовпадение целей и результатов практической деятельности людей, а последнее есть выражение противоречий между объективным и субъективным факторами практики, следствие их несоответствия. Именно это противоречие порождает потребность в новом знании. Через эту потребность в новом знании практика выступает как цель познания. Далее, именно в совпадении или несовпадении целей и результатов также выявляется степень соответствия субъективного фактора практики ее объективному фактору, раскрывается степень истинности того знания, которым обосновывается практическая деятельность. В этом находит свое выражение конкретный механизм проявления практики как критерия истины.

Анализом противоречий между объективным и субъективным факторами в практике раскрывается и ее социологическая или преобразовательная функция. Чем в большей мере субъективный фактор соответствует объективному, тем более эффективным является предметное воздействие субъекта на природу и общество, тем значительней результаты практической деятельности и наоборот.

Что же касается субъективных причин противоречий между объективным и субъективным факторами практики, то они коренятся в ее субъективном факторе и являются следствием противоречий между объективным и субъективным в познании. С точки зрения объективного и субъективного основным противоречием познания является противоречие между субъектом и объектом, один из аспектов которого составляет противоречие между абстрактным и конкретным знанием, разрешающееся через возникновение и разрешение противоречий между адекватным знанием и неадекватным знанием.

Влияние субъективного фактора на результаты познания определяется такими его компонентами, как мировоззрение субъекта познания, степень адекватности используемых им материальных и духовных средств познания, а также состояние эмоционально-волевой сферы его сознания. В зависимости от содержания субъективного фактора результат познания выступает в различных формах в виде адекватного или неадекватного знания. При этом следует отметить, что субъективный фактор познания выступает только в качестве непосредственной причины возникновения неадекватного знания, а стало быть, и противоречий между объективным как адекватным знанием и субъективным как неадекватным. Первопричиной же этих противоречий является нарушение диалектики объективного и субъективного (материального и идеального, объективного фактора и субъективного фактора, абстрактного и конкретного знания), проявляющееся то в абсолютизации роли субъективного при игнорировании его связи с объективным, то в абсолютизации роли объективного.

В нарушении этой диалектики — суть гносеологических корней субъективизма и объективизма. Так, если объективизм по существу игнорирует проявляющуюся через субъективный фактор активность субъекта познания и практики и абсолютизирует роль объективного, объекта, то субъективизм, наоборот, частично или полностью игнорирует объективное, материальное как основу практики и познания и абсолютизирует роль субъективного фактора, активности субъекта. Однако в познании объективизм и субъективизм представляют собой лишь только возможность, и для ее превращения в действительность всегда необходимо действие определенных социальных, классовых корней. И эти социальные корни в конечном счете являются выражением объективных противоречий. Так, если объективизм является выражением стихийности действия социальных законов (особенно экономических) в антагонистическом обществе, а также бессилия в социальной борьбе мелких собственников, то субъективизм — выражение преувеличения роли политической надстройки, роли личности в истории, мелкобуржуазной анархической революционности.

Объективизм и субъективизм, несмотря на свою противоположность в исходном пункте, превращаются друг в друга. Действительно, объективизм, давая одностороннее, искаженное знание действительности, по существу ничем не отличается от субъективизма, и наоборот, субъективизм, игнорируя связь субъективного в познании и практике с объективными законами, обнаруживает полное свое бессилие перед ними, что ведет к объективизму. В связи со сказанным представляется целесообразным всякое знание, в основе которого лежит субъективизм и объективизм, называть **субъективистским**. Тогда отношение субъективного как неадекватного и объективного как

адекватного будет выступать как отношение субъективистского и объективного.

Возможность преодоления односторонности объективизма и субъективизма создается только в условиях коммунистической общественно-экономической формации, где практическая и теоретическая деятельность трудящихся масс направляется марксистско-ленинской партией, вооруженной научной философией. Отсюда, однако, не следует, что в условиях социализма вообще исключается возможность проявления субъективизма и объективизма². Но если в условиях антагонистических формаций объективизм и субъективизм в познании и практике явления необходимые, то в условиях социализма они носят случайный характер.

Противоречия между объективным и субъективным факторами в практике вызывается также незрелым субъективным фактором (это имеет место как в обществе в целом, так и в его конкретных подсистемах) и незрелым объективным (это встречается только в конкретных подсистемах общества).

Анализ противоречий между объективным и субъективным в познании и практике и причин, вызывающих их, способствует во многом правильному решению вопроса о критериях классификации социальных противоречий на антагонистические и неантагонистические. Широко распространенное в литературе разграничение этих противоречий по различию соотношения интересов вполне правомерно. Но в связи с тем, что интересы находятся не в сфере объективного (бытия), а в сфере субъективного (сознания), не всегда можно давать однозначный ответ на вопрос: почему в одном случае в системе интересов имеет место преобладание общих интересов, а в другом — их расхождение? Правильный ответ можно дать, если указать объективные основания интересов. Ими являются социальные потребности, выражающие объективную необходимость субъекта в определенных условиях жизнедеятельности и отражающиеся в сознании в виде интересов. И коль скоро антагонистические и неантагонистические противоречия являются объективными социальными противоречиями, то объективными основаниями их различия выступает содержание социальных потребностей: исходный пункт любой социальной деятельности — потребности, а конечный — их удовлетворение. Отсюда антагонистическими противоречиями можно считать те, в которых основное содержание потребностей взаимодействующих субъектов является диаметрально противоположным, а неантагонистическими — те, в которых основное содержание потребностей субъектов в главном, основном совпадает.

² Анализ объективизма и субъективизма при социализме и условиях их преодоления см.: И. Зуев. Объективное и субъективное в познании и практической деятельности. М., 1969; Б. А. Чагин. Субъективный фактор, структура и закономерности. М., 1968, стр. 167—188.

РАЗДЕЛ 2. СТРУКТУРА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ПУТИ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

И. С. Нарский

О ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ЭВРИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПОЗНАНИЯ

Можно считать бесспорно доказанным работами философов-марксистов, что гносеологические противоречия, т. е. противоречия, присущие процессу познания как таковому, в ряде отношений отличаются от объективных диалектических противоречий, присущих самим познаваемым объектам, хотя имеют с ними также и общие характеристики.

Среди познавательных противоречий, в свою очередь, выделяются некоторые их разновидности. Прежде всего надо указать на противоречия типа асимптотического приближения одной их стороны к другой, как-то: соотношение относительной и абсолютной истины. Затем выделяются противоречия многих гносеологических категориальных пар, как-то: абстрактное и конкретное, ложь и истина, которые находятся в сложных внутренних взаимодействиях. Чрезвычайно интересной и существенно важной для теории познания разновидностью противоречий процесса познания мы считаем так называемые антиномические противоречия, которые коротко можно назвать «антиномии-проблемы». Их глубокий гносеологический смысл очерчен К. Марксом в его главном теоретическом труде — в «Капитале». И лучше всего будет разобраться в существе данного вопроса прежде всего на материалах этого классического произведения. Но поскольку антиномии-проблемы также выступают в практике познания в некоторых разновидностях, в данном случае речь пойдет о наиболее принципиально важном случае проблемных гносеологических противоречий. Это будет первая из рассматриваемых ниже антиномий.

В первом томе «Капитала» К. Маркс писал: «...капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении... Его (владельца денег. — И. Н.) пре-

вращение... в настоящего капиталиста должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения»¹. На самом деле, капитал как самовозрастающая стоимость не может возникнуть и существовать помимо процессов движения стоимостей на товарном рынке, а, с другой стороны, ни эквивалентный обмен товаров по стоимостям, ни случайности рыночного надувательства не могут быть источником его самовозрастания. «...Факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости»². Некоторые комментаторы полагают, что в приведенных формулировках перед нами истинная совокупность двух понимаемых буквально и притом истинных также и порознь утверждений об источнике возникновения капитала. Но эти комментаторы фактически не проводят здесь никакого различия между диалектическим синтезом тезиса и антитезиса и их конъюнкцией, а тем самым смешивают диалектические и формальнологические противоречия.

Но по сути дела перед нами — антиномически сформулированная К. Марксом проблема. «Заостренный», т. е. доведенный до взаимопротивопоставления двух утверждений, контрадикторно отрицающих друг друга, характер постановки этой проблемы не случаен. Он указывает на диалектическую противоречивость предмета познания (капитала) и на направление исследования, в котором данная проблема будет далее успешно разрешена. В этом смысле можно сказать, что и тезис «капитал возникает в обращении» и антитезис «неверно, что капитал возникает в обращении» порознь и в совокупности представляют собой некоторые относительные истины, но находящиеся еще на ранних этапах «созревания» истинного знания. Последнее должно «снять (aufheben)» оба эти утверждения и поднять наше знание на более высокий, чем прежде имевшийся уровень, и все это — при полном соблюдении логических законов и требований. Ведь нарушений правильного логического мышления «не должно быть ни в экономическом, ни в политическом анализе»³. При этом происходит уточнение, изменение и преобразование употребляемых в процессе анализа понятий, которое ни в коей мере не есть самоцель, но является необходимой, хотя и подчиненной, стороной мыслительного познавательного процесса, выясняющего степень и характер соучастия обращения и «не-обращения», т. е. (в данном случае) производства, в возникновении капитала.

Этот мыслительный процесс не сможет прийти к эффективному результату, если не будут учтены некоторые новые, т. е. прежде должным образом не учитывавшиеся, эмпирические

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 176.

² Там же, стр. 174.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 91.

факты, иначе говоря, если не будет обращено внимания на то, что «за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения»⁴, а именно — функционирование рабочей силы как товара особого рода, способного создавать в процессе труда новые стоимости. Рабочая сила существует «в обращении и не в обращении», но в различных, хотя и взаимообусловленных смыслах: на рынке рабочей силы она покупается предпринимателем, затем потребляется в процессе производства, превращая свои способности в труд и производя товары, которые реализуются капиталистом опять же на рынке, т. е. снова в сфере обращения. Претерпевая диалектические метаморфозы, потребительная стоимость рабочей силы превращается в стоимости и прибавочную стоимость, а стоимости ведут себя затем в сфере обращения как меновые стоимости, способствующие в конечном счете началу нового цикла расширенного капиталистического воспроизводства. Оказывается, что капитал возникает в производстве, но при непременною соучастии обращения в нескольких его видах.

Но теперь формула «...возникает... и не возникает...» приобретает уже иной смысл, входящие в нее два члена уже не отрицают друг друга противоречивым образом. Антиномия-проблема разрешена, и стороной этого разрешения явилось преодоление противоречивой (а значит, формальнологической) противоречивой познавательной ситуации. «Все условия проблемы соблюдены... Весь этот процесс, превращение его (капиталиста. — **И. Н.**) денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. **При посредстве** обращения — потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. **Не** в обращении — потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства» (подчеркнуто мной. — **И. Н.**)⁵. Теперь видно, насколько первоначальная антиномическая форма постановки проблемы была близка к искомой истине и настолько она все же не совпадала с нею. Член антиномии «капитал возникает в обращении» указывал на явление изучаемых экономических процессов буржуазного общества, а другой ее член «капитал возникает не в обращении (а значит, в производстве, так как иной возможности здесь нет)» указывал на их сущность, но для более полной истины необходимо исследование всего многообразия сторон взаимодействия капиталистических производства и обращения. И при этом Маркс строго различает (в отличие от Гегеля!) познавательное движение мысли от проблемы к ее разрешению и движение (развитие) самого познаваемого объекта, а в то же время учитывает их взаимосвязь в рамках гносеологического отражения.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 176.

⁵ Там же, стр. 206.

Результат этой взаимосвязи с точки зрения его гносеологической и логической структуры и его отношение к структуре исходной проблемы в разных случаях неодинаков. Это видно и при сравнении различных антиномий, формулируемых и разрешаемых К. Марксом уже не в 4 и 5 главах первого тома «Капитала», о которых шла у нас выше речь, а в иных томах и главах этого труда⁶. Еще более выпукло это выступает при рассмотрении совсем иной области исследования, в которой гений К. Маркса также оставил свой глубокий след.

Из «Математических рукописей» К. Маркса извлечем второй пример диалектико-материалистического анализа антиномических противоречий познания. К. Маркса заинтересовала проблема установления точной гносеологической и онтологической характеристики фундаментальных понятий математического анализа. Пока не было выяснено, что представляют собой по существу дифференциалы, «приходилось допускать существование каких-то особых, таинственных, отличных от обыкновенных, математических величин («бесконечных малых», или «моментов»), которые то можно было отбрасывать, не нарушая точности равенства, то нужно было принимать в расчет как обыкновенные величины, которые были бы, иными словами, и нулями и не нулями одновременно, без какого бы то ни было перехода, превращения из одних в другие»⁷. Иными словами, появилось и поддерживалось представление о неких актуально бесконечно малых величинах, которые по сути дела одновременно надо понимать и как обычные отличающиеся от нуля величины (их обычно называют ныне «архимедовыми») и как величины, которые «исчезают», т. е. обращаются в нули, по сравнению с конечными или бесконечно малыми величинами иных порядков (т. е. величины «неархимедовы»).

Гегель в своем анализе понятия математических дифференциалов в общем не вышел за рамки представлений о них как якобы о нулях и не нулях одновременно. Вот его вывод: «Они уже больше не суть **нечто**, если принимать нечто за определенное количество, не суть конечные разности; но они также и не суть **ничто**, не суть лишенный определения нуль»⁸. Иногда возникает впечатление, что Гегель понимает совмещение двух диаметрально противоположных характеристик дифференциалов в разных отношениях: в отношении к себе dx , dy суть нули, а в отношении друг к другу оказываются чем-то реально значимым. Это плодотворная мысль, но она осталась у Гегеля только в зародыше, ибо он не дошел до достаточно точных определений, с которыми пришлось бы посчитаться математикам: дифференциалы в соотношении друг с другом в общем

⁶ См., напр.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 435.

⁷ С. А. Яновская. О математических рукописях К. Маркса.— «Под знаменем марксизма», 1933, № 1, стр. 101.

⁸ Гегель. Соч., т. 5. М., 1937, стр. 288.

оказываются у него тем, что не есть ни нечто, ни ничто, а скорее представляют собой «определенное ничто» или «неопределенное нечто».

Если гносеологически оценить этот результат Гегеля, оказывается, что по сути дела он подменил разрешение познавательной задачи, т. е. синтез гносеологической триады, антиномически «заостренной» переформулировкой исходной задачи, т. е. обращенным в конъюнкцию изначальным соотношением тезиса и антитезиса. Мы получаем диалектически выраженную задачу, но не ее решение. И поскольку решение было отождествлено с постановкой задачи, К. Маркс охарактеризовал данный результат как «мистический фокус (Eskamotage)»⁹.

К. Маркс считает вопросы о том, что такое дифференциал и интеграл, не изначальными, а вытекающими из так называемого «оборачивания (Umschlag) метода», т. е. из вторичной стадии исследования, на которой мы в состоянии обозреть все этапы функционирования понятий анализа и даже посмотреть на них, так сказать, в обратном порядке. Прием «оборачивания метода» в данном случае означает следующее: вместо того чтобы идти в гносеологии от реальных объектов и соотношений к символам, которым, следовательно, надлежит соответствовать некоторым своим прообразами в действительном мире, предлагается двигаться в прямо противоположном направлении, т. е. исходить из факта успешного применения данной символики в исчислении и отсюда выяснять функции входящих в нее элементов и их сочетаний¹⁰. Этими функциями оказываются осуществляемые уже на собственной почве дифференциального исчисления действия (операции), так что символические дифференциальные коэффициенты «превращаются в оперативные символы, в символы процессов»¹¹.

Таким образом, синтез (разрешение) антиномически построенной проблемы оказывается для сторонников гегельянски-догматической конструкции гносеологических триад несколько неожиданным: дифференциалы не есть ни «нечто», ни «ничто» как величины, потому что они вообще не есть величины. Синтезирующее решение проблемы представляет собой в данном случае коренной выход за пределы тех понятий, с помощью которых были построены обе альтернативы, входящие в исходное гносеологическое противоречие. Мы далеко выходим за пределы первоначальной постановки вопроса, так как обнаруживается, что дифференциалы — это не величины, но операторы. Гносеологическое противоречие было в данном случае «заострено» К. Марксом до взаимной контрарикторной альтернативности обеих его сторон (иными словами, анализ имел

⁹ К. Маркс. Математические рукописи. Исторический очерк.— «Под знаменем марксизма», 1933, № 1, стр. 63, 65.

¹⁰ См.: К. Маркс. Математические рукописи. М., 1968, стр. 55—57, 67, 97.

¹¹ Там же, стр. 57.

одним из своих отправных пунктов «заострение» проблемы, прежде осуществленное Гегелем) с той предварительной целью, чтобы создать условия для последующего радикального преодоления обеих альтернатив вместе.

Не всякое гносеологическое противоречие разрешается именно так. Этого нельзя было бы сказать, например, о противоречиях между теорией и практикой и между относительной и абсолютной истиной, поскольку они вообще мало что дают от общего вложения их в антиномически «заостренные» проблемные ситуации. Но это не относится также к рассмотренной классической антиномии-проблеме возникновения капитала, где проблемная формулировка сама по себе подводила к верному решению вопроса, хотя далеко еще не составляла этого решения как такового.

Третий пример анализа антиномических противоречий познания с позиций диалектического материализма — это комментарий В. И. Ленина к знаменитой апории Зенона под названием «летающая стрела». Как известно, у этого крупнейшего философа элейской школы данная апория имела вид утверждения о том, что в каждый момент своего движения острие (или некоторая другая точка) летящей стрелы находится в некоторой жестко фиксированной точке пространства, а значит, покоится. Но отсюда вытекает, что стрела покоится во время всего своего движения, иначе говоря, она и покоится и (по определению) движется, а это есть недопустимое логическое противоречие. Ленинский комментарий возник по поводу оценки апории Зенона в гегелевской ее трактовке, но относится он по существу дела к апории Зенона как таковой.

Дело в том, что Гегель придал данной апории иной вид, поскольку он утверждал: «Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное наличное бытие. Нечто движется не поскольку оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» одновременно находится и не находится»¹². В «Лекциях по истории философии» Гегель выдвигает еще одну, отличающуюся от предшествующей, интерпретацию апории Зенона: двигаться означает «находиться в обоих местах одновременно...»¹³ Обе эти формулировки, вторая из которых в первом издании «Лекций...», прокомментированном Лениным, отсутствуют, значительно отходят от аутентичного прочтения апории Зенона, поэтому в ходе анализа естественно прежде всего возвратиться к последнему. Это и сделал Ленин в своем гносеологическом фрагменте: традиционное истолкование апории «летающая стрела» «(1)... описывает **результат** движения, а не само движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе

¹² Гегель. Соч., т. 5, стр. 521.

¹³ Гегель. Соч., т. 9, стр. 241.

возможности движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний покоя, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, завешено»¹⁴.

Обратим прежде всего внимание на выделенные Лениным термины «результат» и «покой». Ленин обращает внимание на существенное различие между движением как реальным процессом и его «результатами». О каких именно «результатах» идет речь? Очевидно, не о тех, что стрела поразила какую-то дичь, попала в цель, упала на землю и т. д. Речь идет здесь о «результатах» в смысле тех итогов мышления о движении, о которых К. Маркс сказал, что неподвижна лишь абстракция движения. Апория Зенона возникает не непосредственно из динамического или хотя бы кинематического факта движения тела. Она порождается его следствиями геометрического характера. Эти следствия состоят в том, что некоторая материальная точка тела в каждый момент, т. е. в «точку» времени, своего движения побывала в некоторой, каждый раз новой точке своего пути, и это мгновенное ее пребывание в той или иной данной точке пути фиксируется познанием как условная гносеологическая остановка. Динамическая и отчасти даже и кинематическая стороны движения остаются за бортом его описания через геометрические идеализованные абстракции «точек», «моментов» и «остановок в точках и моментах». Физическая возможность реального движения и динамических, движущих его противоречий из этого описания не вытекает, она в нем не содержится, тем более, что движение, описанное через его геометрические результаты, т. е. структуру его траектории, заменяется при этом гносеологическим «покоем» в смысле фиксированного нахождения последовательно в различных точках и отрезках пути.

Формальное противоречие в виде выражения «...движется и не движется (т. е. покоится)» возникает тогда, когда ошибочно считают, что объективное движение как физический процесс именно и есть та серия фактов нахождения материальных «точек» в определенные «моменты» в определенных «точках» пути, в виде которых (фактов) в восприятии и мышлении людей в одном из первых приближений отражается этот реальный процесс движения. Отражается, но с этим реальным процессом далеко не совпадает. Ленин указывает именно на это несовпадение «омертвленных» в идеализованных абстракциях точечных протяжений и точечного времени гносеологических результатов движения с реальным его динамическим процессом. Апория «летающая стрела» является плодом односторонности расчленения движения на составные элементы и последующе-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 232.

го фиксирования этих элементов с помощью указанных абстракций.

Но сетка этих абстракций не упраздняет полностью реального движения. Объективные противоречия движения, как пишет Ленин, «завешены» формальнологически упрощенными в их точечном «заострении» соотношениями в познании. Если употребить ленинское выражение, можно сказать, что они «прикрыты простотой»¹⁵. Иными словами, диалектика «смотрит на нас» из-за формальнологических соотношений. Но это значит также, что средства формальной логики помогают нам ее за этой завесой увидеть и эту завесу снять, т. е. устранить помехи на пути обнаружения объективных диалектических противоречий (физической непрерывности и прерывности движения, а затем динамического его механизма): эти средства «прикрывают» диалектику, но отнюдь ее не скрывают.

Логический анализ показывает, что у Зенона возникла неправомерная подмена понятий. «Находиться» в некоторой точке пространства не значит непременно в этой точке «покоиться». «Нахождение», т. е. условная гносеологическая фиксация, не есть физический покой, а с другой стороны, — оно не есть, очевидно, и движение. «Нахождение» достигается гносеологическими средствами и в случае покоя и в случае движения данного тела. Но это значит, что из состояния «нахождения», во-первых, не вытекает ни покоя, ни движения в их конкретной определенности, а во-вторых, что оно совместимо и с тем и с другим: находиться в некоторый момент времени в некоторой точке пространства может и движущаяся и физический покояющаяся материальная «точка», хотя это совсем не значит, будто движение и покой суть одно и то же.

Итак, апория Зенона есть случай антиномического противоречия познания, «заостренного» до степени контрадикторности и вполне преодолеваемого при условии точного выбора понятий. В. И. Ленин показал, что существо диалектических противоречий реального движения находится «за» антиномией Зенона, оно как бы «прикрыто» ею, но именно через ее преодоление может быть затем постепенно все более полно раскрыто в ходе последующих изысканий.

* * *

Итак, мы гносеологически оценили три классических случая антиномических противоречий познания, которые рассматривались К. Марксом и В. И. Лениным. Разрешение каждого из этих противоречий обладает своими особенностями: в первом из них сама структура антиномической задачи уже ука-

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 127.

зывала на путь ее разрешения, во втором — разрешение предполагало отказ от обеих альтернатив, в третьем — выдвинутая задача оказывается только «верхним слоем» глубинной и гораздо более сложной проблематики.

Из всего сказанного мы хотели бы сделать общие выводы. Прежде всего, следует подчеркнуть, что правильное истолкование диалектических противоречий познания, и в том числе противоречий антиномического вида, можно получить, только исходя из принципов марксистско-ленинской теории отражения и конкретно — из марксовской постановки и решения проблем антиномии капитала и сущности математического дифференциала и из ленинского анализа апории «летающая стрела». В ходе аналогичных анализов необходимо проводить строгое различие между случайными логическими «ошибками» и возникающими в силу глубоких гносеологических причин «заблуждениями», которое было метко подмечено в свое время Гегелем, еще в его «Феноменологии духа», хотя принципы отражения ему были совершенно чужды. Это различие связано с наличием двух разных видов формальнологического противоречия, из которых первый (типа «ошибок») не представляет специального интереса для теории познания, а второй возникает на определенных ступенях развития познавательного диалектического противоречия как его своеобразное «инобытие».

Из теории отражения вытекает, что среди диалектических противоречий надо строго отличать именно эти «субъективно» (познавательно)-диалектические противоречия от противоречий объективных, учитывая не только сходство, но и отличие структуры первых от последних. Тем более необходимо четко различать диалектические и формальнологические противоречия, из которых первые существуют во всех областях действительности и имеют положительные объективные прообразы, а последние существуют только в сфере познания и имеют отрицательные объективные прообразы в том смысле, что в материальной действительности не существует «существующих совместно» контрадикторных противоположностей¹⁶. Поскольку с гносеологической точки зрения формальнологические противоречия, как отмечено выше, бывают двух разных видов, в определенное соотношение с диалектическими противоречиями ставится здесь только их второй вид. Но формальнологические противоречия — «заблуждения» имеют не только отрицательные объективные прообразы, так как, в отличие от противоречий «ошибок», они не только вводят в заблуждение, но и сами же намекают на путь преодоления таковых, т. е. оказываются звеном в механизме разрешения труд-

¹⁶ Под противоположностями здесь всюду имеются в виду стороны, или «элементы» противоречия.

ностей познания. Что касается объективно-диалектических противоречий, то они, строго говоря, и не контрарны и не контррадикторны, так как одна их сторона оказывается «своим другим» второй стороны противоречия. Это хорошо понимал уже Гегель, и это очень обстоятельно было в свое время разъяснено К. С. Бакрадзе¹⁷.

Из сказанного вытекает, что формальнологические противоречия сильно отличаются от противоречий диалектических, но не отделены от них каменной стеной. В отношении объективно-диалектических противоречий связь между этими двумя видами противоречий демонстрируется фактом наличия технических приложений формальной логики, в которых действуют «запреты» на формальнологические противоречия, с которыми, стараясь получить в теории логически непротиворечивое отображение объективно-диалектических противоречий, следовательно, приходится то и дело считаться.

Но каким образом связаны формальнологические противоречия со специфическими диалектическими противоречиями процесса познания? Анализ показывает, что в некоторых случаях эти два различных вида противоречия тесно смыкаются и даже как бы совпадают. Спрашивается, когда именно? Это происходит в двух различных случаях.

Во-первых, тогда, когда речь идет о диалектических противоречиях в ткани таких наук, предмет которых сам «формален». Таковы математика и формальная логика. Поэтому-то Энгельс и Ленин считали вполне корректными такие примеры диалектического противоречия, как полярность между действиями сложения и вычитания в арифметике, между утверждением и отрицанием в формальной логике и т. п.

Во-вторых, совпадение двух, противоположных друг другу по своему качеству, противоречий происходит тогда, когда формальнологическое противоречие является способом выражения («заострения») диалектически поставленного в науке вопроса. Это и будет случай антиномических диалектических противоречий познания.

В этих противоречиях противоречия собственно формальнологические в целом оказываются временным проявлением противоречий познавательно-диалектических как сущности, которая в свою очередь в той или иной степени отражает более глубокую сущность другого диалектического, но на этот раз уже объективного, противоречия (или их группы, их структурного образования и т. п.) в самом познаваемом объекте. Антиномию-проблему можно охарактеризовать как конъюнкцию предложения и отрицания этого же самого предложения, причем данное отрицание тождественно отрицанию, употребляемому в классическом двузначном исчислении высказыва-

¹⁷ См.: К. С. Бакрадзе. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958.

ний. Но если здесь будет употреблено иное отрицание, а именно какое-либо отрицание, свойственное многозначным логикам, то статус антиномии-проблемы утрачивается и возникает нечто совсем иное,— в лучшем случае это будет формула записи некоторого объективного диалектического состояния (записи, которая уже свободна от формальнологического противоречия). Однако такой формулы записи объективного состояния, разумеется, не возникает, если по традиции в ней используется то отрицание из данного многозначного исчисления, которое соответствует именно классическому отрицанию.

В антиномии-проблеме борьба между сторонами диалектического противоречия познания, т. е. их взаимоисключающее взаимодействие, приобретает вид формальнологического отрицания, а взаимообусловленность сторон этого противоречия — вид формальнологической конъюнкции. Логически эта конъюнкция ложна, а гносеологически она либо не имеет истинностной характеристики вообще, если ее понимают именно как только запись проблемы, либо не имеет вполне определенной истинностной характеристики, если ее истолковывать как относителную истину, так как истинная информация, сообщаемая этой конъюнкцией, в целом, во-первых, невелика, а во-вторых, сильно варьируется по степени в различных конкретных случаях. Но эти два истолкования не исключают друг друга, и они объединимы в рамках более высокой мировоззренческой позиции диалектико-материалистического отражения. Сильно варьируется в различных случаях и отношение разрешения антиномии-проблемы к обеим сторонам записи этой антиномии, поскольку неодинаково по логической структуре само это разрешение, но во всех случаях разрешение антиномии нуждается в устранении той формальнопротиворечивой конъюнкции, в которой эта антиномия была предварительно воплощена. Классический пример этих гносеологических операций — рассмотренная выше знаменитая антиномия К. Маркса: «капитал возникает и не возникает в обращении».

Возвратимся теперь к упомянутому разграничению между «ошибками» и «заблуждениями». Мы отмечали, что антиномические формулировки познавательных задач суть одновременно и фиксации «заблуждений» и своего рода «путеуказания» к их преодолению. Но в истории познания судьба различных конкретных антиномий различна. В одних случаях они формулируются для того, чтобы сразу же затем быть разрешенными, а в других — от их формулировки до их разрешения проходит очень много времени, иногда долгий ряд столетий, как это и произошло с апорией Зенона «летающая стрела». Таким образом, антиномии-проблемы нередко ведут к довольно цепко удерживающимся заблуждениям, так что механизм образования этого противоречия оказывается способом сознательной или стихийной формулировки диалектической позна-

вательной трудности, а механизм последующего устранения антиномического (по форме — формальнологического) противоречия, а значит, разрешения соответствующего диалектического противоречия познания выявляется в относительной независимости от предшествовавшей формулировки познавательной трудности. Не всегда необходимо и даже не во всех случаях желательно проблему «заострять» указанным формальнологическим способом, но такое «заострение» оказывается довольно часто полезным, и именно потому Маркс в первом томе «Капитала» счел необходимым его произвести.

Но имеется опасность принять антиномические формулировки диалектических проблем за разрешение последних, что, как правило, глубоко ошибочно. Это не будет ошибкой только тогда, когда сама задача исследователя ограничена пока только поисками «заостренной» формулировки данной проблемы как таковой: в этом случае разрешить противоречие — значит его противоречиво сформулировать, и только.

Этот последний случай послужил непосредственной причиной того, что Гегель при разборе апории «летающая стрела» и вопроса, что такое дифференциал, совершил указанную ошибку подмены разрешения проблемы ее формулировкой. Рассматривая апорию Зенона, он объявил «истиной» движения, источником его осуществления ситуацию «находится и не находится одновременно в одном и том же месте», а сущностью математических дифференциалов следующую их характеристику: «Они уже больше не суть нечто... но они также и не суть ничто, не суть лишенный определения нуль»¹⁸. Эти два примера, строго говоря, не подходят под отмеченный единственный случай, почему позицию Гегеля и приходится считать ошибочной, но внешне они на него очень похожи, именно если смотреть на них глазами Гегеля: разрешить противоречие значит для него как для идеалиста понять в мышлении, как оно, это противоречие, складывается. Но это значит, что иной и более глубокой причиной указанной ошибки Гегеля явился его идеалистический принцип тождества мышления и бытия. Этот принцип сделал возможной «незаметную» подмену решения антиномии-проблемы всего лишь осознанием исходного ее состояния.

Но ошибку отождествления разрешения проблемы с ее формулировкой не могут, конечно, совершать философы-марксисты, занимающие позиции не тождества бытия и мышления, а теории отражения. В рамках отражательного процесса формулировки проблем как таковые не истинны и не ложны, но они правильно (и тогда они способствуют познанию истины) или неправильно (и тогда они вводят в сторону от познания) поставлены, тогда как решения проблем (эти решения естествен-

¹⁸ Гегель. Соч., т. 5, стр. 288.

но интерпретируются как «синтезы» диалектических триад, в которых «тезис» и «антитезис» представляют собой две «взаимозаостренных» стороны формулировки антиномии-проблемы), разумеется, являются истинными (пусть и относительно истинными) или же ложными в полном смысле слова.

Переход к «синтезу» антиномий-проблем происходит в каждом конкретном случае неодинаково, здесь нет единого шаблона. Но поэтому встает задача разработки детальной разветвленной типологии логических структур разных видов разрешения диалектических противоречий познания.

В процессе разработки такой типологии вновь и вновь встает необходимость как не упускать из виду гносеологические связи между диалектическими и формальнологическими противоречиями, так и четко их друг от друга отличать. А для этого должен быть уточнен ответ на вопрос: в одном или в разных отношениях имеют место диалектические и формальнологические противоречия? Дело в том, что до сих пор по этому вопросу продолжают споры. Подлинный же смысл его таков: как оценить отрицание одной из сторон противоречия другой его стороной при сопоставлении его с отрицанием последней посредством первой стороны данного противоречия? Иначе говоря, тождественны по характеру эти два отрицания или же они различны?

Применительно к диалектическим противоречиям характер ответа на этот вопрос будет разным, смотря по тому, об объективных или же о познавательных диалектических противоречиях идет речь. К тому же среди последних особое место занимают антиномии-проблемы, одновременно и близкие к формальнологическим противоречиям и очень далекие от них.

Прежде всего — о формальнологическом противоречии. Если бы внутри его было так, что его стороны отрицают друг друга по-разному (в разных отношениях), т. е. было бы так, что «р» отрицает «не-р» иначе, чем «не-р» отрицает «р», то тогда двойное отрицание от «р» не было бы эквивалентно «р» и классическая формальная логика (а здесь мы рассуждаем в ее рамках) была бы потрясена до основания. Но в действительности дело обстоит иначе, и гибель целой отрасли научного знания не угрожает. В формальнологическом противоречии его стороны отрицают друг друга абсолютно одинаково, т. е. стороны этого противоречия относятся друг к другу «в одном и том же смысле и отношении».

В объективном диалектическом противоречии ситуация совсем иная — здесь имеет место двуединое сложное отношение сторон, которые отрицают друг друга по-разному, но в теснейшей взаимообусловленности. Строго говоря, отрицания в объективном противоречии вообще не сопоставимы с формальнологическими отрицаниями, если только не принимать значительных огрублений. Можно сказать, что внутри объек-

тивного диалектического противоречия имеет место двуединое взаимоотношение его сторон: это хорошо видно на примере единства действия и противодействия как динамического противоречия механического движения, где стороны этого противоречия обладают различной физической природой, и одна из них является ведущей противоположностью.

Диалектическому противоречию познания также присуще двуединое взаимоотношение его сторон, но это взаимоотношение поддается приблизительному моделированию посредством формальнологических отрицаний. Что касается противоречий антиномического типа, то имеющиеся в них взаимоотрицания, поскольку они приобретают форму отрицаний формальнологических, имеют место в одном и том же смысле и отношении. Но этот их статус необходимо разрушается, как только эти противоречия переходят в стадию своего разрешения.

Своеобразным примером взаимоотрицания в разных отношениях внутри диалектических противоречий познания, где связь между противоположностями трудно выявить, являются ситуации, соответствующие известному принципу дополнительности. Этот принцип может применяться очень широко — и к случаям пространственно-временного и динамического описания состояния микрочастиц, и к ситуациям контраста между последствиями «локального» и «нелокального» способов разрешения логико-математических парадоксов, где речь идет о так называемом парадоксе устранения парадоксов. Последний состоит в том, что «локальное» их устранение ведет к появлению новых парадоксов, а более «сильное», «нелокальное» устранение устраняет не только парадоксальные (противоречивые), но и многие истинные утверждения, от чего познание терпит нежелательный урон. Принцип дополнительности может быть, кроме того, применен и к области взаимоотношений структуры и функций в биологических явлениях, а также к сфере взаимоотношений между физиологическим и психологическим исследованиями высшей нервной деятельности. Можно считать, что этот принцип утверждает факт широкого распространения ситуаций резкого, а в то же время «не очень желательного» альтернативного выбора в познании.

Мы предлагаем рассматривать ситуации действия принципа дополнительности а) как временную, преходящую фазу познавательного процесса, завершающуюся рано или поздно преодолением этой ситуации, б) либо как подготовительную ступень к обнаружению антиномии-проблемы, в) либо как одну из ступеней в процессе ее последующего разрешения. Сама эта ситуация может быть сформулирована так, что никакого формальнологического противоречия при этом не возникает, но и тогда она указывает так или иначе на глубинные диалектические противоречия в самом познаваемом объекте.

Итак, диалектические противоречия познания обладают оп-

ределенной спецификой своей логической структуры, которая не совпадает со структурой объективно-диалектических противоречий. Антиномии-проблемы — это лишь особый случай гносеологических противоречий, но случай этот — принципиально важный, ибо он помогает прояснить сложную и в условиях научно-технической революции очень актуальную проблему соотношения диалектических и формальнологических противоречий. Анализ антиномических противоречий помогает разобраться в достоинствах и недостатках гегелевской трактовки противоречий познания и намечать пути плодотворного разрешения антиномий, появляющихся в научном познании.

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Важнейшим пунктом установления отношения между формальной логикой и диалектикой является проблема противоречия. Диалектический закон единства и «борьбы» противоположностей оперирует понятием диалектического противоречия, тогда как краеугольным камнем формальной логики является принцип непротиворечия. Каким же образом диалектически-противоречивый процесс познания действительности, которая, в свою очередь, есть «живое диалектическое противоречие», объективируется в научных теориях, основным логическим (и общенаучным) требованием к которым является требование непротиворечивости?

Чтобы осмысленно решать указанную проблему, необходимо четко осознать, в каком значении употребляется термин «противоречие» в ее формулировке. Принцип непротиворечия говорит о недопустимости формальнологического противоречия в структуре научной теории. Вместе с тем в теоретическом знании отражается диалектическое противоречие — основа и причина развития объекта, изучаемого в теории. В каком отношении находятся оба эти понятия, играющие основную роль в приведенной постановке проблемы? «...Если в теоретическом выражении действительности противоречие возникло с необходимостью из самого хода исследования, — пишет Э. В. Ильенков, — то оно не есть так называемое логическое противоречие, хотя и обладает формальными признаками такового, а есть логически правильное выражение действительности. И наоборот, логическим противоречием, которого не должно быть в теоретическом исследовании, приходится признать противоречие терминологически-семантического происхождения и свойства. Такого рода противоречия в определениях и обязан выявлять формальный анализ»¹.

Следовательно, по Э. В. Ильенкову, формальнологическое противоречие есть лишь результат проникновения в исследование ошибки исследователя, смешения терминов, различных

¹ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974, стр. 248.

и даже противоположных по значению и потому такого рода противоречия не могут быть «верным отражением» объективной действительности.

Формальная логика действительно позволяет выявлять такого рода противоречия и вынуждает избавляться от них. Но формальная логика бессильна, когда сталкивается с таким противоречием, которое адекватно отражает диалектическое противоречие действительности. И хотя такие противоречия имеют вид «запрещаемого» формальной логикой выражения «А и не-А», здесь запреты последней утрачивают законодательные полномочия. Здесь, с точки зрения Э. В. Ильенкова, позволительно считать высказывания, имеющие формальные признаки противоречия, верными («логически правильными») образами действительности.

Но как же тогда быть с верно отмеченным самим Э. В. Ильенковым неоспоримым фактом, что «любая наука, если она столкнулась с противоречием в определениях предмета, всегда старается разрешить его»²? Почему наука так решительно стремится избавиться от противоречивых, но... «логически правильных» суждений? Ведь неоспорим тот факт, что именно в постоянном разрешении противоречий, а не в устранении логических ошибок заключен один из основных механизмов развития науки. И диалектическая логика не могла бы быть плодотворной основой научного познания, если бы обладала стремлением нагромождать противоречия, выдавая их за адекватные образы диалектических противоречий действительности. Поэтому допущение, будто бы диалектическое противоречие, отражаемое в науке, может быть выражено «диалектическими» формулами, имеющими формальные признаки логического противоречия, ведет к логическому противоречию, к конфликту с реальной научной практикой, а следовательно, от него нужно отказаться. Но тогда что же является адекватным образом диалектического противоречия, каковы его структура и реальное место в развитии научной теории?

За последние десятилетия некоторое распространение получило направление, которое В. Марцишевский характеризует как отождествление диалектической логики с одним из разделов формальнологической теории³. Существенную роль в этом направлении стали играть идеи и методы современной «неклассической», в частности многозначной, логики. По мнению сторонников этого направления, именно многозначная логика с ее несомненно более тонким и дифференцированным аппаратом способна описывать такие стороны действительности, которые оказываются неподвластными традиционной ло-

² Э. В. Ильенков. Диалектическая логика, стр. 233.

³ V. Marciszewski. Logika dialektyczna. 6 — "Mała Encyklopedia Logiki" Wroslaw — Varsawa — Krakov, 1970, str. 131.

гике и которые традиционно (по крайней мере, со времени Гегеля) находились в компетенции логики диалектической.

Речь идет прежде всего об адекватном логическом описании таких процессов, как движение и изменение, которые еще со времен Зенона Элейского известны как антиномические по своей природе. Парадоксы (антиномии) движения, воспроизводимые в языке в виде конъюнкции двух противоречащих друг другу утверждений, отбрасываемые логикой как тождественно-ложные высказывания, но тем не менее неустранимые из описания движения, одним фактом своего существования как бы говорили о недостаточности средств обычной логики. Но как «научить» обычную логику не бояться противоречий, т. е. сделать так, чтобы в непротиворечивой логической системе дать правила вывода, позволяющие осуществлять логически конкретные рассуждения с противоречивыми высказываниями? Формальная логика, оперирующая противоречиями, — не здесь ли ключ к построению «логической диалектики», диалектической логики?

Было выдвинуто предположение (первоначально В. Вуделем еще в 1947 г.), что цели диалектической логики (в ее гегелевском варианте) могут быть достигнуты средствами многозначной логики, т. е. сама гегелевская логика является по существу неявно выраженной, сформулированной в «досистематической форме» недвухзначной (возможно, трехзначной) логикой⁴.

Остроумная и изящная по своему логическому содержанию попытка построить формальнологическую систему, в рамках которой можно с соблюдением всех канонов логики (в том числе и принципа непротиворечия) описать процессы движения и изменения, была совершена польским логиком Л. С. Роговским. Сам Л. С. Роговский вовсе не считал созданную им логическую систему формальнологическим эквивалентом диалектической логики. По его замыслу, четырехзначная «дирекционная логика» (логика направленности) призвана лишь «дать картину логической структуры фрагмента гегелевской диалектики»⁵, другими словами, показать, «что диалектическое мышление в категориях становления, возникновения, исчезновения, движения, изменения и развития по-своему последовательно, т. е. непротиворечиво»⁶.

Однако не все логики, воспринявшие идеи Л. Роговского и путь разработки специальных (чаще всего — многозначных)

⁴ См.: V. Vudel. Powstanie wyrszej logiki — "Mys'l wspolczesna", 1947, № 3 (10); Г. Ивс, К. Ньюсом. О математической логике и философии математики. М., 1968, стр. 26.

⁵ L. C. Rogowski. Heglovska Konceptcija sprzecznosci zmiany i ruchu. — "Studia filozoficzne", 1961, N 6, str. 40.

⁶ И. С. Нарский. К вопросу об отражении диалектики движения в понятиях. — В кн.: Формальная логика и методология науки. М., 1964, стр. 20.

логических систем, призванных каким-то образом «справляться» с описанием развивающихся процессов за счет введения некоторых матрично определяемых логических функторов, были так же осторожны, делая теоретико-познавательные и методологические выводы. Так, например, П. Кийковский пишет: «Распространено мнение, будто формальная логика находится в конфликте с диалектическим описанием предметов и явлений... что формальная логика не допускает противоречий и не способна установить законы мышления, отображающие противоречия, имеющие место в действительности... Это мнение справедливо, покуда формальная логика исключает противоречивость предложений... Представленное в настоящей работе новое трехзначное исчисление высказываний, в котором противоречивость некоторых предложений является логически допустимой, может служить формальным выражением марксистской диалектики»⁷.

Такое, по-видимому, опрометчивое заявление делается автором «на основании» следующих свойств его системы:

а) основные функторы системы: Ipq — импликация, Kpq — конъюнкция, Apq — дизъюнкция, Epq — эквиваленция, Np — слабое отрицание, Vp — сильное подтверждение, Fp — сильное отрицание, Sp — функтор «диалектического противоречия»;

б) матричные определения функторов:

p	q	Ipq	Kpq	Apq	Epq	Np	Vp	Fp	Sp
1	1	2	1	1	2	3	1	3	3
1	2	3	2	1	3				
1	3	3	3	1	3				
2	1	1	2	1	3	2	3	3	2
2	2	2	2	2	2				
2	3	3	3	2	3				
3	1	1	3	1	3	1	3	1	3
3	2	1	3	2	3				
3	3	2	3	3	2				

в) определение тавтологии (общезначимой формулы): тавтология — формула, всегда принимающая значения 1 или 2, типа «диалектических» формул: $ESpKpNp$ («диалектическое

⁷ P. K i y k o v s k i. O pevnym nil — lukasieviezovym trojvartosciovym rachunku zdan. — "Studia filozoficzne", 1972, N 1, s. 181.

противоречие эквивалентно конъюнкции высказывания и его отрицания»); ЕpAVpSp («утверждение высказывания эквивалентно тому, что это высказывание является либо абсолютной истиной, либо диалектическим противоречием») и т. п.

Претенциозность заявлений об отображении диалектики в такого рода системах, на наш взгляд, очевидна. Но она требует более внимательного рассмотрения потому, что является следствием неверного представления о диалектике, о диалектическом противоречии и его роли в отображении объективной действительности.

В таком представлении «оригинальным» образом соединены две «ипостаси» — две крайние формы истолкования диалектического противоречия как конъюнкции двух взаимоисключающих утверждений или определений, выражающей «суть» изучаемого процесса — его адекватного отражения.

Первая из этих ипостасей — утверждение, что диалектическое противоречие при его правильном отражении в познании приводит к нарушению формальнологического принципа непротиворечия. «Преодоление» этого принципа достигается за счет перехода к «диалектическому истолкованию» противоречивых конъюнкций, которые должны быть истинными (вопреки формальной логике!) именно потому, что они являются образами диалектически противоречивой действительности. «По-видимому, — пишет Сава Петров, — вполне законна гипотеза, что какая-то часть объективного состояния вещей описывается адекватно именно логически парадоксальными знаниями...»⁸ Правда, автор осторожно называет свой призыв к допущению в структуру научных теорий неразрешимых противоречий «гипотезой о наличии объективных референтов у диалектических парадоксальных формул». Другие авторы (В. И. Черкесов, Д. В. Плетнев, М. В. Минасян) гораздо более категоричны в своих высказываниях: диалектически противоречивая действительность отражается в мышлении в виде «диалектически противоречивых» суждений, определений, высказываний.

Это мнение мы считаем ошибочным. Сводить процесс отражения объективного диалектического противоречия, которое само есть процесс и лишь в качестве такового является предметом диалектического мышления, к фиксации противоречивых определений — значит «омертвлять», останавливать этот процесс и вульгаризировать понятие отражения. Процесс отражения объективного противоречия состоит не только и даже не столько в обнаружении или фиксации противоречивых определений в рамках имеющегося «наличного» знания, но главным образом, в разрешении этого противоречия путем пере-

⁸ С. Петров. Парадоксы в философской интерпретации. — «Вопросы философии», 1972, № 1, стр. 116.

хода к более высокому теоретическому уровню, более глубокому познанию предмета. Он ничего общего не имеет ни с чисто формальной ликвидацией противоречия в теории, ни с отождествлением противоречивых конъюнкций с адекватными образами объективного положения вещей в мире. Суть и смысл диалектического мышления состоит не в фиксации противоречивых определений, а в уяснении процессуально-противоречивого характера действительности в раскрытии механизма возникновения и разрешения противоречий как причины и основы развития.

При этом необходимо отметить, что единство противоположных определений (например, выступающее в форме антиномии-проблемы) может и должно считаться элементом процесса отражения диалектической действительности, но не может и не должно считаться адекватным образом этой действительности. Так, известная «антиномия обращения», блестящее разрешение которой было дано К. Марксом в «Капитале», является элементом сложного процесса отражения диалектического взаимодействия противоположных сторон, тенденций, свойств капиталистического производства, но не является формальным аналогом некой противоречивой ситуации «капитал возникает и не возникает в обращении». Решение антиномии-проблемы обращения достигается К. Марксом не за счет вербально-синтаксических ухищрений и объявления этой антиномии «адекватным отражением сути капиталистического производства», а за счет преодоления ограниченности понятийного аппарата буржуазной политэкономии и перехода на качественно новый, более высокий уровень теоретического познания процессов капиталистического производства. При этом ни в коем случае не происходит нарушения законов и принципов формальной логики⁹.

Вторая «ипостась» критикуемого мнения заключена в отождествлении диалектической логики с каким-либо разделом (исчислением, системой) логики формальной; это отождествление часто происходит в форме «формализации» диалектической логики, примерами которой могут быть высказывания П. Кийковского, М. Косок, А. Раггио, Ф. Асеньо и других¹⁰. Сохраняя в неприкосновенности принцип непротиворечия как условие построения логических систем, они считают необходимым «открыть двери» таких систем для формул-аналогов «диалектического противоречия». Рецепты для образования таких формул могут быть самыми разными. Чаще всего прибегают

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 206.

¹⁰ M. Kosok. The formalization of Hegel's dialectical logic.— "International philosophical quarterly", dec., 1966, vol. N 4; A. R. Raggio. Propositional sequenci-calculi for inconsistent systems.— "Nofo Dame Journal of formal logic", 1968, vol. N 4; G. Asengio. Dialectic logic.— "Logique et analyse", 1965, N 32.

к такой семантической (многозначной) интерпретации логических функторов, чтобы указанные формулы были истинными (теоремами) в специально построенных логических системах.

Рассмотрим, в каком смысле можно считать антиномические формулы истинными. Из сказанного следует, что если понимать формулы вида «А и не-А» как высказывания, несущие утвердительную информацию о предмете А (например, как утверждение о наличии и одновременно отсутствии некоторого признака), то такие формулы как частный случай противоречия должны быть тождественно-ложными и «изгнаны» из всякой научной теории: это — формальнологические противоречия и избавление от них нисколько не обеднит науку.

Антиномия движущегося тела, как элемент отражения процесса механического движения, есть отправной пункт для критического анализа логических средств познания объективно происходящего движения (как результат такого анализа можно рассматривать, например, логику направленности Л. Роговского), но не есть противоречия конъюнкции посылок в некотором «диалектическом силлогизме», заключением которого является «синтетическое» понятие движения, как считает А. С. Богомолов¹¹. Задача, поставленная В. И. Лениным — «вопрос не в том, есть ли движение, а в том, как его выразить в логике понятий»¹², отнюдь не решается простым «выведением» движения из противоречия «тело А находится в месте В в момент Т и тело А не находится в месте В в момент Т».

Объективно происходящее механическое движение не может быть противоречивым в формальнологическом смысле. Оно противоречиво в диалектикологическом смысле — простое перемещение тела относительно других тел обнаруживает синтетическое единство таких противоположностей, как пространственно-временная дискретность и непрерывность, абсолютность и относительность и т. п. — сущностных, процессуальных характеристик движения. Но диалектическое единство противоположностей вместе с тем постигается (отражается) в формально-непротиворечивом знании, если, конечно, не смешивать диалектическое и формальнологическое противоречие, диалектическую и формальную логику. Более того, диалектика развития познания осуществляет себя в механизме возникновения, обнаружения и разрешения парадоксальных ситуаций в науке, которые возникают, как указывала С. А. Яновская, «как только выясняется, что огрубление, на котором была

¹¹ См.: А. С. Богомолов. О разрешении противоречия как способе образования понятий.— В сб.: Проблемы теории познания и логики. Материалы к XIV Международному философскому конгрессу (2—9 сентября 1968 г. Вена), представленные философами Советского Союза. Секция логики, теории познания и философского языка, вып. 2. М., 1968, стр. 20.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 230.

основана наша идеализация, не в состоянии дать нам полной картины исследуемого явления»¹³.

Но если «формулы» вида «А и не-А» служат для фиксации некоторой парадоксальной ситуации в науке и не претендуют на роль «адекватных образов», если считать их записью постановки научной проблемы, элементом отражения объективной реальности, отправным пунктом для дальнейшего исследования с целью разрешения противоречия (диалектического снятия его), — то эти формулы не следует рассматривать как частные случаи логического противоречия. Дело в том, что истинностная интерпретация логических связей, фигурирующая в этих формулах, не может базироваться на исходных абстрактных допущениях, лежащих в основе построения всяких логических систем — безусловном делении высказываний на истинные и неистинные (ложные).

Истинность обоих членов «противоречивой» конъюнкции в таких случаях — нечто совсем иное, чем значение «истинно», приписываемое пропозициональным формулам. Это истинность элемента истинного отражения или процесса познания, процесса получения истинного знания, что позволяет безусловно отличать истинность формулировки проблемы от истинности результатов ее решения. Если представить ход познания какого-либо фрагмента действительности как некоторую структуру (систему), состоящую из элементов (элементарных шагов) адекватного познания, то следует признать, что истинность не в одинаковой степени присуща всем таким элементам. Одинаковая истинность присуща лишь элементам формализованного «среза» такой структуры, где действуют весьма сильные абстракции, позволяющие игнорировать различие между относительными истинами, обеспечивающие истинность демонстративной части теории простым соблюдением логических норм, при условии допущения «неоспоримой» истинности теоретического базиса (скажем, аксиом или постулатов). Однако такие абстракции малоприменимы к процессу развития знания, где различие между относительными истинами весьма существенно.

Другое дело, что само по себе это различие становится возможным лишь в некотором смысле «ретроспективно», т. е. когда процесс отражения реальности уже как бы «дан» в виде системы, когда «элиминирована» его субъективная сторона. Но без такого различия понятие истины расплывается в полумистическом тумане.

Теперь ясно, что истинность (в указанном смысле) антиномий-проблем и истинность общезначимых формул в логических системах — совершенно разные вещи. Об истинности первых

¹³ С. А. Яновская. Преодолены ли в современной науке трудности, известные под названием «апории Зенона»? — В кн.: Проблемы логики. М., 1963, стр. 134.

можно говорить только в контексте описания процесса истинного отражения объективной действительности как об элементах этого процесса. Вырванные из этого контекста, они не только не обладают самостоятельной истинностью, но вообще являются «тупиком» познания, его параличом, тождественно-ложными выражениями. Об истинности вторых говорят в обычном смысле абстрактных допущений, на которых основаны формальнологические системы. И если «противоречивые» формулы вида «А и не-А» являются выполнимыми или даже общезначимыми в таких системах, то это означает лишь тот тривиальный факт, что матричные определения функторов, входящих в их состав, подобраны соответствующим образом.

Поэтому ни многозначная, ни какая-либо другая разновидность «неклассической» логики не способны превратить диалектическую логику в формально-дедуктивную систему, построенную по типу обычных исчислений или матричных построений. Попытки такого «синтеза» заведомо безуспешны в силу различия природы, цели и назначения формальной логики как науки о свойствах языковых феноменов (изучающей процессы мышления через посредство таковых) и диалектики как теории развития процессов природы, общества и мышления.

Сказанное отнюдь не означает, что формальная логика бесполезна при анализе диалектически развивающихся процессов. Давая науке гибкий технический аппарат, способный изменяться в зависимости от потребностей развивающихся теорий, формальная логика становится необходимой и неустраимой при разработке диалектических проблем. Она, в частности, позволяет четко выявлять антиномические ситуации, в науке, регистрируя их в качестве специального объекта исследования.

Эти ситуации нельзя смешивать с любым возникшим в теории противоречием. Появление противоречия в «живом организме» теории может, по-видимому, означать осуществление одной из следующих возможностей:

1. В процессе развертывания теории (в рассуждении, доказательстве и т. д.) допущена ошибка; тогда красный сигнал противоречия преграждает путь дальнейшему нагромождению нелепостей.

2. Логические средства, используемые в этом процессе, оказались недостаточными, неэффективными. Тогда за дело принимается аппарат современной логики, позволяющий дифференцировать логические связи, дающий возможность описывать такие состояния, которые не могли быть описаны средствами обычной логики. Иллюстрациями такого воздействия формальной логики на язык научной теории, в результате которого исчезает видимость конфликта с принципом непрото-

речия, могут служить логические системы Л. Роговского, А. А. Зиновьева¹⁴ и других.

3. Третья возможность состоит в том, что, как пишет Ст. Яськовский, «эволюция эмпирических дисциплин связана с периодами, когда теоретики не могут объяснить результаты экспериментов в однородной и непротиворечивой теории, а используют различные гипотезы, которые не всегда согласуются одна с другой, объясняя различные группы явлений». Такие рабочие гипотезы — незаменимые инструменты научного исследования. Однако «в некоторых случаях мы имеем дело с такой системой гипотез, которая, будучи подвергнута последовательному анализу, обнаруживает свою противоречивость»¹⁵.

Такие ситуации характерны для науки в тот период, когда теоретиками «нащупываются» пути объяснения огромных масс эмпирического материала. Можно ли называть «теорией» такое состояние науки — это особый разговор. Задача же логики в этих случаях, как считает Яськовский, состоит в том, чтобы, сохраняя все преимущества простой и удобной теории вывода, не дать противоречиям «растекаться» по всей ткани научной теории, предотвратить вредные последствия, которые могут при этом возникнуть в дедуктивных рассуждениях.

4. Наиболее важная для развития науки возможность — это уже упоминавшиеся антиномические ситуации. «Как только теория, опирающаяся на систему абстракций, перешагивает границы, к которым эти абстракции применимы, в ней возникают формальнологические противоречия»¹⁶. Формальная логика не «изгоняет» такие противоречия; она может лишь обеспечить их фиксацию, но не разрешение. Такие противоречия являются основой для формулировки центральных проблем данной науки, а их разрешение невозможно без перехода на более высокий теоретический уровень.

Ни в одном из перечисленных случаев формальнологическое противоречие не может служить «адекватным образом» диалектического противоречия в описываемом теорией объекте. Преодоление и разрешение противоречий в науке — это механизм отражения объективного диалектического противоречия. Адекватным образом последнего является не противоречивое знание, а целостная (и непротиворечивая) система знания о развивающемся объекте, сформулированная в научной теории и отражающая развитие и сущность данного фрагмента объективной действительности.

¹⁴ См.: А. А. Зиновьев. Логика науки. М., 1971, стр. 222—224.

¹⁵ St. Jaskowski. Propositional calculus for contradictory deductive systems.— "Studia Logica", 1969, t. XXII, p. 144.

¹⁶ М. В. Попович. Выяснение пределов теории в ходе ее развития.— В кн.: Логика научного исследования. М., 1965, стр. 217.

О СПЕЦИФИКЕ СТРУКТУРЫ И РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ АБСТРАКТНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В марксистской методологии анализу абстрактно-теоретических закономерностей мышления всегда уделялось внимание, причем центральное место неизменно занимали проблемы, связанные с анализом противоречий в познающем мышлении, особенностью их действия на теоретическом уровне развития науки. Среди многочисленных аспектов этой достаточно сложной проблемы одно из важных мест занимает анализ закономерностей разрешения противоречий теоретического мышления, ибо познание, как «отражение природы в мысли человека» надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»¹.

Противоречия на уровне абстрактно-теоретического мышления существуют в двух основных структурных видах. Это, во-первых, более широкие по сфере своего действия и разнообразные по своим структурным подвидам — диалектические; во-вторых, более узкие и совершенно лишённые внутренних разновидностей в указанном плане — формальнологические. Первые играют определяющую роль по отношению ко вторым, с которыми они теснейшим образом взаимосвязаны, но их функции, тем не менее, включают существенные различия.

Диалектическое противоречие теории в своем наиболее рациональном виде выступает как адекватное соответствующим объективным противоречиям. Но такой вид противоречия на уровне абстрактного мышления возникает в подавляющем большинстве случаев как итог исследования, приведший в своем результате к правильному теоретическому воспроизведению действительности такой, какая она есть в данном случае — объективного противоречия. Поэтому такой вид абстрактно-теоретического противоречия предстает фактически как констатация полученного в результате проведенного исследования факта (например, «в организме совершаются противоположные процессы ассимиляции и диссимиляции», «ка-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

питалистическое общество состоит из двух антагонистических классов» и др.). В исследовательском, теоретическом плане это по отношению к определенной поставленной цели уже разрешенное противоречие, ибо это достигнутая истина, которая означает не более, чем полностью «дойти до вещей, какими они существуют в действительности»². В дальнейшем под влиянием соответствующих практических потребностей, может возникнуть вопрос о необходимости разработки теории разрешения вскрытого и исследованного объективного противоречия. И здесь неизбежно возникнут свои теоретические проблемы, но это уже будет другая, последующая задача.

Поэтому в теории, в силу ее функциональной особенности — познание объективных закономерностей — основное внимание уделяется иным видам диалектических противоречий, которые также в конечном итоге являются отражением соответствующих объективных процессов, но находятся на разных «подступах» к адекватности их воспроизведения, т. е. на пути достижения абсолютной истины. Чем менее адекватно отражает абстрактно-теоретическое противоречие содержание объективных противоречий самой действительности, тем в большей степени оно носит специфический содержательный характер, присущий диалектическим особенностям лишь познающего мышления. В этом отношении крайностным видом противоречия (т. е. наименее адекватным, а точнее говоря — неадекватным, т. е. ложным воспроизведением действительных отношений) является формальнологическое противоречие, которое само по себе, вследствие своей иррациональности, диалектическим в собственном смысле слова уже не является. Поэтому в логике такая структура противоречия рационально формулируется как запрещенное противоречие (закон исключенного противоречия).

Здесь очень важным становится вопрос о том, в чем именно отличие на уровне мышления формальнологического противоречия от диалектического, если последнее брать в его наиболее развитом, адекватном виде. Отличие это связано прежде всего с различиями в тех и других логических отношениях.

Формальнологические противоречия существуют всегда в единственном виде — как наличие двух высказываний, взаимоисключающих друг друга в одном и том же отношении (и смысле), т. е. эти два высказывания должны быть совершенно тождественны по своему содержанию и отличаться лишь тем, что одно из них утвердительное, другое — отрицательное.

Тождественность формальнологических отношений (в рамках двузначных классических исчислений) проявляется в том, что двойное отрицание суждения должно быть эквивалентно его утверждению, а это возможно лишь тогда, когда противо-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 29.

положительные высказывания (« p » и «не- p ») эквивалентны по своему содержанию, и вследствие этого вторичное отрицание в отношении «не- p » превращает его снова в « p », т. е. в первоначальное высказывание. Тождественность логических отношений становится таковой только в том случае, если они отвечают требованиям трех аксиом тождественности — рефлексивности (xRx , т. е. предмет имеет отношение R с самим собой), симметричности ($xRy \rightarrow yRx$, т. е. если предмет x находится в отношении R с предметом y , то и, наоборот, y находится в таком же отношении R с x), транзитивности ($xRy \vee yRz \rightarrow xRz$, т. е. если предмет x находится в отношении R с предметом y , а последний, в свою очередь, находится в том же отношении R с предметом z , то x находится в таком же отношении R с z). В противном случае формальнологическое тождество отношений будет отсутствовать, и, например, в алгебре мы потеряем право менять одновременно знаки у обеих сторон уравнения, да и само решение уравнений станет невозможным. Поэтому основным принципом формальной логики (ее своего рода «ядром») является принцип тождества, действующий во взаимосвязи с законом исключенного противоречия, который как бы «охраняет» формальнологическое тождество отношений от каких-либо отклонений и извращений.

Принцип тождества, требующий мыслить предмет в рамках одного и того же исчисления в одних и тех же логических отношениях, может создать иллюзию, что формальнологический анализ в состоянии описать лишь покой, статику и бессилен описать динамику. В недавнем прошлом такое ошибочное мнение, основанное на неправильном, искаженном понимании существа формальнологических закономерностей, было довольно распространенным. На самом же деле логические исчисления, если они применяются на базе диалектического метода, в состоянии эффектно описать в равной мере как статику, так и динамику (как в состоянии это делать и математика с ее аналогичным же требованием при решении любого уравнения сохранять для переменной одно и то же заданное значение, иначе решение уравнения станет невозможным).

Но законы логических исчислений в рамках каждого отдельного умозаключения запрещают подмену одних мыслимых свойств, отношений другими, так что « p » в ходе решения данного исчисления должно оставаться только « p » (будет ли оно утверждаться или отрицаться в двузначном исчислении высказываний или предикатов, или ему будет придаваться третье, четвертое и т. д. значение в многозначной логике). Однако, строго говоря, это запрещение совершенно не означает, как иногда полагают, что неизменным должен признаваться сам описываемый материальный предмет. Таким образом, одним из необходимых условий абстрактно-логического воспроизведения изменяющихся (а не только покоящихся) свойств и со-

держания предмета и является соблюдение формальнологического принципа тождества и непротиворечия. Таково теоретическое содержание формальнологического понятия «одно и то же отношение».

Из него видно, что логические отношения между противоположными, взаимоотрицающими сторонами диалектического противоречия, особенно в его наиболее адекватном и рациональном виде, не могут соответствовать формальнологическому тождеству отношений, которое выступает как абсолютное по своему содержанию тождество. Было бы глубоко ошибочным и нелепым обозначить отношения, например, буржуазии и пролетариата в капиталистическом обществе как конъюнкцию «р и не-р» потому, что они не одно и то же, а разные общественные классы. Соотношение элементов такой конъюнкции не будет отвечать требованиям ни одной из аксиом тождественности. Поэтому противоречие, существующее между этими элементами, находится вне сферы действия формальнологического закона исключенного противоречия, последний не признает и не запрещает такого рода противоречия, которые не основаны на абсолютном тождестве логических отношений.

Но формальнологической конъюнкцией «р и не-р» можно было бы обозначить два, например, таких суждения: «В России начала XX века существовал пролетариат» и «В России XX века не существовал пролетариат». Оба эти суждения тождественны по своему содержанию, ибо здесь речь идет об одном и том же предмете (классе), который в одном суждении утверждается, а в другом отрицается. Однако хорошо известно, что эта конъюнкция в целом ложна, ибо верным здесь является только первое суждение и ничего диалектического в таком противоречии нет. Собственно, это и утверждается формальнологическим законом исключенного противоречия, запрещающим именно такого рода и только такого рода конъюнкции, как заведомо ложные и не соответствующие действительности.

Высказывания, составляющие во взаимосвязи друг с другом диалектическое противоречие (в его наиболее адекватном виде) на уровне абстрактно-теоретического мышления, как видим, не могут быть абсолютно тождественными по своему содержанию. Но они не могут быть и абсолютно различными, ибо в таком случае связь высказываний окажется искусственной и не будет отражением реальных связей. «Мышление,— замечает Энгельс,— если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже до этого существовало»³.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 41.

Поэтому диалектические отношения в высказываниях должны представлять собой только относительное тождество, т. е. тождество, включающее в себя различие. И само соотношение тождества и различия представляет собой здесь диалектическое единство противоположностей, которое к формальнологическому противоречию не относится, и на него не распространяется действие закона исключенного противоречия. Различие обуславливается здесь специфическими различиями самих объектов (например, «буржуазии» и «пролетариата» как двух разных классов), т. е. различие основывается на базе одних отношений. Тождество же обуславливается той единой системой для обоих различных предметов, куда они с необходимостью входят как ее относительно самостоятельные и одновременно зависимые друг от друга элементы («капиталистическое общество»), т. е. тождество в свою очередь основывается на базе других отношений, тесно связанных с первыми и составляющих с ними единство.

Следовательно, диалектические отношения, в отличие от однозначных формальнологических, являются сложными. Это **система** отношений, которая лишь в строго определенном смысле может рассматриваться как одно, точнее **единое**, отношение. Но в таком случае понятие «одно и то же отношение» (и противоречие в нем) будет, во-первых, по своему существу равнозначно понятию «предмет», который в рассматриваемом здесь плане и представляет собой систему отношений; во-вторых, такое понятие по своему логическому содержанию будет иным, чем соответствующее формальнологическое. Фактически это будут синонимы.

В таком, особом смысле иногда употреблял это понятие К. Маркс, когда говорил, что «характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; **что в рамках тех же самых отношений**, в которых производится богатство, производится также и нищета; **что в рамках тех же самых отношений**, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают буржуазное богатство...»⁴ (подчеркнуто мной. — В. А.)

Из всего контекста хорошо видно, что под выражением «тех же самых отношений» К. Маркс имеет в виду общую совокупность многочисленных отношений буржуазного общества в целом, и что последние внутри себя дифференцируются в свою очередь на разные взаимосвязанные отношения, — **с одной стороны**, производство богатства, **с другой** — производство нищеты. Причем производство богатства и нищеты концентрируется в разных классах, в руках разных лиц.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 144.

Если не учитывать возможности высказывания об отношениях в их разных смыслах, то нетрудно будет прийти к выводу, что разных отношений вообще не существует, ибо материальный мир в целом можно рассматривать как существующий в одних и тех же отношениях — материальных. Но каждое единое отношение внутри себя разное для двух своих внутренних сторон противоречия, и т. д. без конца.

Отношения, как и сама материя, неисчерпаемы в своем количественном и качественном разнообразии, и поэтому в научном познании нельзя останавливаться на каком-то лишь одном определенном уровне познания отношений, консервируя и метафизически абсолютизируя особенности одних отношений, механически при этом перенося их на другие, более глубокие, уровни познания, где существуют уже другие, соответствующим образом дифференцированные, отношения. Одним словом, существует иерархия отношений, которая позволяет в определенных условиях отношению одного уровня быть представителем целой системы другого уровня. Такова суть диалектикологического содержания противоречия, существующего в единой системе логических отношений, которая лишь при строго определенных условиях может абстрактно рассматриваться как одно и то же отношение.

Факт существования диалектических противоречий абстрактно-теоретического мышления на более абстрактном уровне (и по своей формулировке приближающееся к формальнологическому противоречию) и на более конкретном уровне (и по своему содержанию приближающегося к наиболее адекватному отражению объективных противоречий) указывает на наличие разных подвидов диалектикологических противоречий, о которых говорилось выше. Теоретическое мышление лишь в конечном итоге включает в себя диалектические противоречия, как адекватные отражения реальных противоречий. Теория в основном имеет дело с иными, так сказать, с «рабочими» подвидами диалектических противоречий, которые в своей градации, с одной стороны, бесконечно приближаются к формальнологическим, как исходной, начальной и наиболее абстрактной стадии теоретического анализа, с другой — к наиболее адекватным, как конкретным итогам познания (своего рода теоретической «товарной продукции» науки). Диалектическое противоречие только в определенных условиях познания (на его начальных стадиях) может принять вид формальнологического противоречия. Такая разновидность диалектического противоречия на уровне абстрактного мышления получила название «антиномия-проблема», разновидностью которой являются парадоксы.

Не касаясь закономерностей формирования антиномического противоречия, как исходной ступени теоретического анали-

за⁵, проанализируем только логическое содержание этой ситуации, которое заключается в том, что мышление фиксирует наличие в исследуемом предмете противоречивых, взаимоисключающих явлений, процессов, но в то же время еще отсутствует уточненность того, в каких именно условиях эти противоречивые процессы функционируют. Вследствие этого высказывания о предмете приобретают противоречивый характер как в диалектикологическом, так и в формальнологическом отношениях. Таковы высказывания «капитал возникает и не возникает в обращении», «товары продаются и не продаются по стоимости» (К. Маркс); «сознание материально и не материально», «материя по данным науки конца XIX века исчезает и не исчезает» (В. И. Ленин); «несуществующий предмет и не существует и существует» (Б. Рассел).

Антиномия-проблема не является целью познания и не может быть окончательным его результатом. Это лишь исходная ступень очередного этапа познания на пути к истине, которая посредством ряда познавательных операций должна быть теоретически **разрешена**, т. е., по меньшей мере, уточнены отношения, уровни, условия, значения, для которых правомерно каждое из противоположных высказываний. Так, в результате своего разрешения антиномия-проблема должна, с одной стороны, освободиться от формальнологического противоречия, с другой — суть диалектического противоречия должна уточниться, конкретизироваться: «капитал возникает в производстве, но через средство обращения»; «товары продаются не по стоимости, а по цене, которая не совпадает со стоимостью, но сама цена колеблется вокруг стоимости, являющейся «стержнем» цены» и т. д. Фактически любое творческое научное исследование по своей методологической основе связано в той или иной форме с формированием в процессе предшествующего развития науки исходного проблемного противоречия и его последующим разрешением. В результате этого делаются новые (часто принципиально новые) научные выводы.

Собственно объектом научного исследования всегда являлась система противоречий и их разрешение. Реализуется же эта задача (как последовательный переход от антиномии-проблемы теоретического мышления к противоречию разрешенному) в основном методом **восхождения от абстрактного к конкретному**, составляющим логику-методологическую основу и суть диалектической логики. Различные и последовательные этапы диалектического противоречия на пути его разрешения способом восхождения от антиномического до адекватного и составляют его различные подвиды. Функционирование каж-

⁵ По этому вопросу см.: И. С. Нарский. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969; Он же. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; Он же. Материалистическая диалектика как метод конкретного научного исследования. М., 1972.

дого из них связано с соответствующим методом — исторического и логического, диалектической дедукции, диалектического анализа и синтеза.

Представленная структура является самой общей и не может быть жесткой классификацией подвидов диалектических противоречий потому, во-первых, что могут быть и другие и, во-вторых, сама их типологизация зависит от особенностей предмета исследования и его практических целей. В этом, с одной стороны, высокая эффективность диалектикологического анализа, с другой — трудность его применения в каждом отдельном случае исследования⁶.

⁶ В качестве примера использования метода восхождения при выведении философского содержания новой категории см.: В. В. А г у д о в. Категории форма и структура. М., 1970.

ОТРИЦАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Рассуждая о диалектике и ее главном принципе — принципе отрицательности, буржуазные философы зачастую подменяют диалектическое отрицание формальнологическим, что совершенно запутывает вопрос о структуре диалектических противоречий, в том числе и о структуре их у Гегеля. Если, например, гегелевскую отрицательность трактовать с точки зрения формальнологического отрицания, тогда, разумеется, Гегель совершал всегда неправомерные переходы от понятия к его отрицанию и затем путем второго отрицания к некоему синтезу, который, по Гегелю, есть возвращение к первоначальному понятию, но на более высокой стадии его развития. Формальнологическое отрицание «уничтожает» отрицаемое понятие, и, конечно, при этом не может быть и речи ни о каком переходе к какому-либо положительному понятию, ни о какой генетической связи между ними, а между тем последняя — самое главное в диалектике. Хотя Гегель не провел специального дифференцирующего анализа в отношении употребляемого им понятия «отрицание» именно в отличие от его формальнологического отрицания, но из ряда его рассуждений и высказываний ясно, что оно связано, между прочим, с такими понятиями, как «ограничение», «дополнение» и т. п. Понятие «отрицание» у Гегеля всегда предполагает некую недостаточность (недостаточность выражается в конечности рассудочных определений, имеющих своей границей объективное) в отрицаемом понятии, которую надо восполнить. Поэтому отрицаемое понятие Гегель связывает с его ограничением, исходя при этом из спинозовского *determination est negation*.

А что касается конечного (рассудочного) мышления, то принцип диалектического отрицания содержится в нем самом, так как оно «состоит в соотношении со своим иным, которое является его отрицанием и представляет собой его границу»¹. Ясно, следовательно, что понятие «отрицание», которое фигурирует в гегелевской философии, — это, как правило, вовсе не формальнологическое отрицание. Отрицание, о котором идет

¹ Гегель. Соч., т. 1. М., 1937, стр. 66.

речь у Гегеля, не контрарное и не контрэдикторное в смысле формальной логики. Это хорошо показал К. С. Бакрадзе: «Противоречие между А и не-А не контрарное и не контрэдикторное... Контрэдикторные понятия, исключая друг друга, оба вместе исчерпывают класс предметов, мыслимый в родовом для них понятии; контрарные понятия, исключая друг друга, не исчерпывают класс предметов, который мыслится в родовом для них понятии...»

Противоречие, о котором говорит Гегель, не совпадает ни с одним из указанных противоречий. Формально это противоречие как бы объединяет в одно целое контрэдикторное и контрарное противоречия. Одна определенность отрицается другой, принимая форму контрэдикторного противоречия, и выражается видом А и не-А, между которыми третьего не может быть; но отрицание фактически оказывается определенным отрицанием и поэтому положительным, т. е. контрарным, и выражается видом А и В... Результат отрицания А — это такое не-А (контрэдикторное), которое вместе с тем положительное (контрарное), но не всякое контрарное (положительное), а такое, которое вместе с отрицанием дает в результате определенное целое. Отрицающая определенность — не всякое не-А как определенность, а такая определенность, которая представляет собой «свое другое» первой определенности»². И с этим нельзя не согласиться.

Таким образом, диалектическое противоречие познания, о котором мы говорим, — это, в сущности, есть противоречие между стремлением к завершенной целостности и фактической ограниченностью всякого определения мысли. Поэтому представляется излишним доказывать, что формальнологическое отрицание, например, отрицание «А» дает «не-А», а второе формальнологическое отрицание, т. е. отрицание «не-А», никак не может привести, например, к «В» или «С» и т. п., а снова ведет только к «А» и, следовательно, ни о каком движении вперед здесь не может быть и речи.

В буржуазной философской литературе, посвященной диалектике, признается только одно отрицание — именно формальнологическое и только под этим углом зрения и рассматривается диалектический метод отрицательности, который при этом оказывается логически неправомерным. Так, западногерманский католический философ Г. Веттер о диалектическом законе отрицания отрицания пишет следующее: «Тем, что А отрицается, я еще не достигаю В, но лишь не-А; правда, может случиться, что я приду к В, — этого, однако, не должно быть. Если все же достигли В, то произошло это не в силу отрицания (формальнологического. — В. М.), но в силу дру-

² К. С. Бакрадзе. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958, стр. 315—316.

того фактора. Это относится также к переходу от В к новой определенности. Через простое отрицание В я не должен necessarily вернуться к А; таким отрицанием я опять прихожу лишь ко всей бесконечной неопределенности — не-В. Если я все же вернулся к А, то опять-таки не в силу двойного отрицания, но в силу другого фактора»³.

Диалектическое отрицание имеет совершенно иной смысл, чем формальнологическое. Диалектическое отрицание — это связь одного понятия с ограничивающим его противоположным понятием, притом это такая связь, что при ней получается и развитие. Именно во внутренней связи тезиса и антитезиса — главное в диалектике, которая не только содержит в себе нормативные аспекты формальной логики, но и стремится отразить **структуру** мышления, или, по Гегелю, форму «истинного». А понятие науки, или форма «истинности», включает в себя **связь** предшествующего с последующим, что осуществляется посредством «диалектического отрицания» или «снятия», т. е. единства упразднения, сохранения и подъема на более высокий уровень развития. «Не голое отрицание, — подчеркивает В. И. Ленин, — не скептическое отрицание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»⁴.

Кроме того, не следует упускать из виду, что формальнологическое отрицание в строгом смысле слова — это также и абстракция, такая абстракция, которая намечается как тот предел, к которому стремятся при своем «заострении» отрицания, имеющие место в реальном мышлении. В реальном мышлении, когда мы что-то отрицаем, мы всегда имеем в виду что-то другое «на место» отрицаемого, но никогда не «ничто». Гегеля же живо интересовала именно логика реального мышления, которая в своем учении о понятии отражает структуру развития знания, историю его возникновения, что невозможно без движения к единству, синтезу противоречий его прошлых этапов становления⁵.

Предполагать нечто положительное вместо отрицаемого понятия (суждения) не входит в функции формальной логики как науки формальной. Совершенно ясно поэтому, что нужна дифференциация двух областей в сфере логики, которая понимается пока еще двояко: как наука формальная и нормативная и как наука, трактующая о значении, смысле, другими словами — о предметной истинности содержания мышле-

³ G. Vetter. Die Umkerung Hegels Köln, 1964, S. 68.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207. См. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 145—146.

⁵ См.: Гегель. Соч., т. 1, стр. 151, 163, 172, 187, 206 и др.

ния. Эта дифференциация необходима, в частности, и для точного оперирования разными отрицаниями и, прежде всего, для четкого различения формальнологического и диалектического отрицаний вообще и, соответственно, — формальнологического и диалектического противоречий. С другой стороны, из анализа антиномий Канта и двойственности «рассудка» у Гегеля вытекает, что граница между формальнологическими и диалектическими отрицаниями (противоречиями) бывает иногда очень подвижной и даже обнаруживает тенденцию к стиранию.

Каковы же условия этого «стирания»? Ответ на этот вопрос мы получим, дав критическую оценку взгляда, согласно которому диалектические противоречия познания не могут быть адекватно выражены при помощи средств формальной логики⁶.

Игнорирование закона исключенного противоречия формальной логики в диалектике противоречий познания ведет к полному отрицанию пользы от собственно логического анализа диалектических противоречий познания. Этот взгляд следует считать принципиально ошибочным, поскольку он означает отказ от поисков рационального в диалектике противоречий и волей-неволей возрождает интуитивистское иррационалистское в своей основе, понимание диалектики процесса познания. Правильным, по нашему убеждению, представляется только такое понимание диалектики противоречий познания, согласно которому, во-первых, познавательные противоречия неполно отражают противоречия познавательных объектов и, следовательно, отличаются от последних и, во-вторых, нормативный аспект закона исключенного противоречия формальной логики сохраняет свое действие на всем пути теоретического мышления, и поэтому в познании не могут быть ситуации, где конъюнкция тезиса и антитезиса проблемы была бы полным выражением объективной истины.

Поскольку законы и правила формальной логики имеют исключительно нормативный характер для точного и последовательного мышления, то они полностью сохраняют свою значимость для марксистской диалектической логики, ибо последняя обоснованно настаивает на рациональности своих познавательных приемов. Именно такой взгляд в трактовке познавательных противоречий проводится в концепции, согласно которой конъюнкция тезиса и антитезиса есть лишь проблемная ситуация, временная коллизия мышления, подлежащая непременно решению, что выражено уже в самом понятии

⁶ См., напр: М. П. Алексеев, Об ошибочности формулы «противоречие должно отображаться непротиворечивым образом». — В сб.: Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1967, стр. 78—79; С. П. Дудель, Закон единства и борьбы противоположностей. — «Философские науки», 1974, № 4, стр. 140—141.

«антиномия-проблема»⁷. С этой точки зрения, если формально-логическое противоречие налицо, то оно должно быть устранено: либо путем уточнения входящих в противоречие сторон противоречивого отношения, либо путем достижения новой разрешаемой познавательной позиции посредством качественного скачка, ориентир к которому и намечает правильная формулировка проблемы.

В этом смысле можно сказать, что весь процесс познания есть перманентный процесс возникновения, постановки и разрешения противоречий, и этот процесс обобщенно можно было бы назвать процессом разрешения противоречий-проблем. Это, на наш взгляд, дает возможность определенным образом унифицировать все познавательные противоречия при всех их различиях. Другими словами, структура фундаментального познавательного противоречия, а таким является «заостренная» антиномия, — одна и та же и, следовательно, имеется в принципе один общий для них метод разрешения. Метод этот должен состоять, во-первых, в совершенном освоении конкретной сферы знания, где возникает противоречие-проблема, и, во-вторых, в умело (и наиболее экономно) осуществляемом переборе разных вариантов достижения диалектического синтеза.

Не пытаясь разрешить проблему построения типологии гносеологических диалектических противоречий, можно лишь отметить здесь крайние полюса, между которыми размещаются все известные (и возможные) виды класса познавательных противоречий. Один полюс составляет самое общее противоречие познания — противоречие между познающим мышлением и реальностью, другой, противоположный полюс, — противоречие познания, которое выражается в виде «заостренного» формальнологического противоречия, тезис и антитезис которого представляют собой относительно истинные на данном этапе познания суждения (теории). Собственно это — антиномия-проблема.

Основной контраст указанных двух полюсов противоречий состоит в том, что в первом из них противоречия имеют неявно выраженный (с точки зрения закона исключенного противоречия) характер. Дело в том, что противоречие между мышлением и реальностью, понятием и предметом непосредственно не представляет собой противоречия между суждениями, к которым, собственно, и применим закон исключенного противоречия. Однако если противоречие между понятием и предметом эксплицировать, т. е. выразить, развернуть в языковой, логической форме, то мы получим противоречие

⁷ См.: Д. П. Горский. Проблема общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966, стр. 125; И. С. Нарский. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, стр. 7, 24; Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 247.

между суждениями, в одном из которых отрицается признак, который в том же смысле и отношении в другом суждении утверждается. Иначе говоря, мы получаем обычное, казалось бы, контрадикторное противоречие. Таким образом, экспликация логического содержания противоречий указанного полюса приближает нас к логической структуре противоречий противоположного полюса, т. е. как бы к их «стиранию».

С этой точки зрения, действительно, весь класс гносеологических противоречий можно расположить между отмеченными двумя полюсами, и они будут отличаться друг от друга степенью их эвристической значимости, которая будет зависеть от того, какую форму в каждом конкретном случае противоречие-проблема принимает. Ясно лишь одно: при всех их различиях, между ними нельзя провести совершенно жесткой демаркационной линии, поскольку они исходят из одного «фундамента» — реально, гибко и многообразно протекающего мышления.

Таким образом, структура гносеологического противоречия на «заостренном» полюсе типологии противоречий оказывается результатом совмещения двух сторон кардинальной противоположности между диалектическим и формальнологическим противоречиями, а разрешение этого противоречия приводит к устранению формальнологического противоречия и снятию данного диалектического противоречия.

О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИНОМИЙ-ПРОТИВОРЕЧИЙ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Научная теория — сложная, иерархическая система, элементами которой выступают не только понятия, но и подчиненные им чувственные представления. Над совокупностью рациональных образов в ней надстраивается ансамбль чувственных образов. Научная гипотеза только тогда превращается в подлинную теорию, когда становится органическим, выверенным практикой сплавом концептуальной и чувственной ее подсистем. Это означает, что система понятий и система представлений должны в общих чертах повторять, воспроизводить друг друга, отображая тем самым в конечном счете единство сущности и явлений внешнего мира.

В этой статье мы рассмотрим вопрос о согласовании между собой двух противоположных сторон научной теории, в процессе которого складываются и устраняются антиномии-противоречия.

1. Рациональная и чувственная стороны теорий — диалектические противоположности, находящиеся в постоянной «борьбе», взаимоисключающие и предполагающие друг друга. Поскольку они возникают различными путями, отображают противоположные стороны практической операции, постольку согласование между собой рациональной и чувственной моделей объекта не может быть автоматическим. Рациональная модель, согласно концепции интериоризации, вырастает из схемы действия с сетью абстрактных объектов теории, она вербализирована. Напротив, чувственная модель строится на основе запаса представлений, обусловленных эмпирическим бытием субъекта. Она далеко выходит за рамки отображения абстрактных объектов и благодаря этому может служить средством соотнесения теории с объективной действительностью.

Чувственная модель теории имеет двойную детерминацию: с одной стороны, она представляет собой интериоризацию конкретно-единичной стороны практики, «единичных операций» (не только научных, но также повседневных), а с другой стороны, детерминирована связью понятий теории. Концептуальная сторона теории как бы отбирает из кладовой человеческой памяти необходимый чувственный материал, упоря-

дочивает его в соответствии с собственной «логикой». Когда удастся построить адекватную системе понятий чувственную картину, возникает возможность определить на практике, насколько выводы, приложимые к абстрактным объектам, можно считать знанием о самом материальном мире. Речь идет, конечно, не о том, что каждому понятию следует поставить в соответствие чувственное представление. В большинстве случаев это невозможно, хотя ученые нередко и пытаются это сделать. Например, как только было введено понятие волновой функции, предпринимались попытки выразить его в чувственной модели. Шредингер предложил интерпретировать это понятие в виде «волнового пакета», Де Бройль — в виде «волны-пилота», однако их попытки не оправдались успехом. Чувственная сторона теории может отображать концептуальную сторону только в целом, высвечивая в своих гранях основные выводы теории.

Соотношение системы понятий и системы представлений очень сложно, его нельзя выразить простой формулой, согласно которой первая система доминирует над второй. Хотя эта формула и верна, она недостаточна; в ней не учитывается активность чувственной модели, недооценивается влияние чувственных представлений на формирование системы понятий. На самом деле чувственно-наглядная часть теории живет и своей жизнью, ускоряя развитие научной мысли или препятствуя ей. Но бывает и так, что наличный чувственный опыт противится принятию той или иной гипотезы, даже если гипотеза соответствует всем логическим требованиям. Вся история «сумасшедших идей» в физике может служить тому примером. «Сумасшедшая идея» всегда крайне непривычна, ее трудно себе представить в контексте предметной ситуации, она плохо согласуется с запасом наших чувственных образов, а потому вольно или невольно вызывает к себе негативное отношение многих ученых. Когда же расширяющийся чувственный опыт доставляет необходимый материал для интерпретации необычных идей, они становятся привычными, кажутся нам вполне правдоподобными, принимаются на вооружение наукой и развертываются в стройные теории.

Если чувственная и рациональная стороны научной теории находятся в отношении противоречивости (а это случается во всякой проблемной ситуации) и концептуальное содержание теории не имеет своего адекватного чувственного выражения, теория в лучшем случае представляет собой знание о незнании, но отнюдь не знание о реальности. Важнейшим условием превращения теории в знание является согласование абстрактной и наглядной моделей объекта до состояния их гносеологического сходства между собой. Более или менее адекватное отображение концептуальной системы в системе чувственных представлений достигается в процессе восхожде-

ния от абстрактного к конкретному и практической проверки теоретических следствий.

Изложенную точку зрения на процесс формирования научной теории можно изобразить графически в виде следующей схемы:

Схема показывает, что теория есть единство противоположностей, вырастающих из противоположностей научной практики. В схеме не учитываются многие другие факторы (внутренняя логика развития того или иного раздела науки, влияние мировоззренческих установок ученого на построение теории, система языковых средств и т. д.), действующие в реальном процессе познания.

Отдельные философы считают, что чувственные образы по самой своей природе не способны, пусть даже в самом приближенном виде, воспроизвести рациональное содержание теории¹. С данной точкой зрения трудно согласиться. Разве, например, геометрически наглядный образ атома не отображает концептуальное содержание атомной теории, ее логико-математический аппарат? Разве чувственная модель взаимодействия хромосомных цепей не соответствует логическим след-

¹ См., напр.: В. П. Бранский. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л., 1962.

ствиям биологической теории гена?.. Размышляя над подобными примерами, мы неизбежно приходим к выводу о том, что согласование чувственной и концептуальной систем научной теории не только в принципе возможно, но и постоянно необходимо для того, чтобы теория выполняла свою гносеологическую функцию.

Особенности современной науки, возрастание абстрактности теоретических построений приводят к существенному изменению соотношения чувственной и концептуальной подсистем теории. Если, например, в макрофизике объект познания непосредственно доступен чувственному восприятию, при изучении микромира складывается иная гносеологическая ситуация. Изучаемый объект не воспринимается непосредственно, и о его поведении судят по изменениям приборов. В связи с этим возникает проблема наглядности современного физического знания. Можно ли осуществить адекватный переход от концептуальной структуры теории о микрообъектах к чувственной? Большинство исследователей этого вопроса дают на него отрицательный ответ². Но есть авторы, придерживающиеся иного взгляда. Так, В. А. Славин, подводя некоторые итоги дискуссии, состоявшейся в философской литературе по проблеме наглядности, приходит к выводу, который, правда, раньше уже был сделан А. А. Марковым и Н. Бором, что «портрет» микрообъекта может быть выполнен только из макроскопических «деталей»³. Сказать, что нынешний портрет атомного ядра похож на оригинал, по-видимому, действительно трудно. Вместе с тем существует же проверенный опытом целый набор чувственных моделей атомного ядра: капельная, оболочечная, кристаллическая и т. д. Скорее всего, этот портрет является пока некоторой аналогией, помогающей переводить теоретические выкладки в доступные чувственному восприятию графические изображения и действовать с этими изображениями как с абстрактными объектами. Нам представляется, что в настоящее время проблему наглядности и перевода концептуальной структуры на язык неконцептуальной в современной физике решить пока трудно. Слишком мало еще выявлено закономерностей познания микромира.

С самых общих позиций можно лишь сказать, что характер используемых в современной физической науке наглядных образов изменяется. Роль восприятий пока уменьшается, роль относительно самостоятельных по отношению к предмету представлений усиливается. Чувственные представления все больше предстают как диаграммы и графики, приобретают особый характер. Но в конечном счете, чтобы проверить

² См.: Б. А. Глинский, Б. С. Грязнов, Б. С. Дынин, Е. П. Никитин. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965, стр. 96.

³ В. А. С л а в и н. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971, гл. 3.

суждение о предполагаемой сущности микрообъекта, вовсе не обязательно непосредственно наблюдать этот объект. С помощью разума можно абстрагироваться в той или иной мере от приборной ситуации, прийти к выводам о том, как будет себя вести микрообъект в таких-то условиях и какие погрешности в процесс его измерения внесут макроскопические приборы. Важно лишь чувственно себе представить на основе логических выкладок, какую приборную процедуру следует предпринять, чтобы проверить эти выкладки. Вот это-то и будет согласованием (пусть несколько иного рода, нежели в макрофизическом исследовании) рациональной и чувственной моделей объекта микрофизической теории.

В будущем особый, инструментальный, характер микрофизических чувственных представлений по своей гносеологической сути не станет отличаться от характера обычных чувственных образов, которые порождаются органами чувств, не вооруженными орудиями труда. Орган чувств — это особый прибор, только расположенный внутри человеческого организма. Что изменится, если орган чувств вооружить внешними приборами? Будет ли индивид видеть, слышать, осязать только сами материальные приборы, или продукты его чувственного отражения окажутся более информативными, воспроизводя также и то, что находится за приборами? Ответ на эти вопросы должен основываться на историческом подходе к анализу адекватности чувственных образов.

Человеческие чувства не сразу с момента рождения общества стали походить на объективные явления природы, а лишь по мере практического ее освоения. Наши чувственные образы в ходе эволюции приспособились более или менее объективно воспроизводить действительность, и в этом смысле они становились менее зависимыми от устройства органов чувств. Есть все основания предположить, что эволюция человеческой чувственности не закончилась и поныне. Она продолжается за счет усиления органов чувств внешними орудиями. Человек будущего приспособится, вероятно, более или менее правильно отражать в форме чувственных образов ныне невоспринимаемые материальные объекты с помощью новых, усложненных органов чувств и всепроникающего разума. Когда орудия труда так же органически сливаются с органами чувств субъекта, как искусственные пленки-линзы, накладываемые на зрачок, многократно усиливают остроту зрения, тогда содержание чувственных образов становится более богатым и объективным. Оно уже не столько зависит от специфики звеньев, опосредующих связь человеческой головы с материальным объектом, сколько от самого объекта. Данные соображения позволяют в определенной мере обосновывать концепцию, согласно которой научная теория, какую бы область реальности она ни описывала, всегда включает в себя

две взаиморефлектирующие противоположности — систему понятий и систему чувственных представлений. Причем рано или поздно их отображение друг в друге оказывается в общих чертах адекватным, и достигается это благодаря сближению, совпадению операций, порождающих чувства, и операций, порождающих мышление.

2. Взгляд на теорию как на единство противоположностей позволяет приблизиться к одному из возможных решений антиномии-проблемы, играющей наибольшую роль в процессе развития научного познания⁴. Одной из основных причин возникновения антиномий-противоречий в научной теории, по нашему мнению, является существенная несогласованность системы понятий с системой научных представлений.

Основным противоречием, «запускающим» процесс развития познания, является противоречие в практической деятельности людей, когда производимые субъектом действия с объектом не опираются на эффективную и соответствующую законам объекта технологию. В возникающем в ответ на практическую потребность процессе познания это основное противоречие представлено двумя противоположностями — чувством и разумом. Не противоречия внутри чувственной сферы и не внутриконцептуальные противоречия определяют основные вехи познания вообще и научного познания в частности, хотя и они играют немаловажную роль в развитии познания. Коренным внутренним противоречием познания является противоречие между сферой чувств и рациональной сферой. Поэтому логично именно в нем усматривать главную (хотя и не единственную) причину возникновения антиномий-проблем.

На первый взгляд, конъюнкция двух принципиально важных для теории, но взаимоисключающих суждений всегда кажется проявлением только внутриконцептуального противоречия. Однако дело далеко не всегда обстоит именно так. Внешне антиномичная ситуация выглядит как столкновение двух равноправных суждений, вытекающих из одной и той же системы понятий. Однако по существу эти суждения очень часто могут иметь совершенно различную природу, происходить из различных операциональных источников. Одно из них может выражать в вербализованной форме данные, непосредственно вычerpпываемые из чувственного канала, второе — концептуальное содержание теории. В конечном счете, это формальнологическое по своему внешнему виду противоречие порождено объективным диалектическим противоречием, заключенным в исходной клеточке познания — в практической операции. Оно, конечно, не тождественно объективному противоречию, свойственному самой материальной действитель-

⁴ И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969, стр. 4; Он же. Анализ антиномических проблемных противоречий процесса познания. — В кн.: Отражение и научное творчество. Свердловск, 1974, стр. 93.

ности, но тем не менее и не безразлично ему, чем-то напоминает его, отчасти вызывается им.

Антиномии-противоречия этого рода указывают на то, что чувственные представления, входящие в состав научной теории, еще не стали наглядной моделью системы абстракций, и внешнее, повседневно-практическое влияние на возникающий чувственный «портрет» объекта неизмеримо сильнее, нежели внутритеоретическое влияние. Чтобы устранить такую антиномию, нужно, следовательно, либо подыскать подчиненную рациональному содержанию теории и адекватную ей чувственную модель, либо, напротив, изменить рациональное содержание в соответствии с наличными чувственными данными (например, с фактами). Как правило, устранение антиномий-проблем проходит путем обоюдного сближения концептуальной и неконцептуальной структур теории. Поиск наглядно-чувственных моделей и «подгонка» их под абстрактное содержание — процесс трудоемкий, в особенности ныне. Исследовать стихийно найденные учеными приемы и способы этой «подгонки» — актуальная задача, стоящая перед логикой научного познания.

Простейшими примерами антиномий-противоречий описанного выше типа могут служить геометрические противоречия движения (апория «летающая стрела», проблема «кривой и прямой», противоречие прерывности и непрерывности математической функции и т. д.). Так, анализируя антиномию «кривое — прямое», Ф. Энгельс писал: «Геометрия начинается с открытия, что прямое и кривое суть абсолютные противоположности, что... они несоизмеримы между собой»⁵. Чувственный образ двух параллельных прямых наталкивает нас на суждение о том, что эти прямые никогда не пересекутся. «И тем не менее, — продолжает Ф. Энгельс, — уже вычисление круга возможно лишь в том случае, если выразить его периферию в виде прямых линий»⁶, т. е. в виде замыкающихся параллельных прямых. Возникает антиномия-проблема «линия одновременно прямая и не прямая», вызванная противоречием между чувствами и разумом. Ее разрешение было достигнуто, когда удалось избрести новую познавательную операцию — операцию асимптотического приближения⁷. Чувственная модель асимптоты стала строиться в виде графика функции, как угодно близко подходящей к координатной оси, но никогда не пересекающейся с ней. И антиномия «гладкая математическая функция прерывна и непрерывна», возникшая из-за существенной несогласованности между чувственным и концептуальными способами оперирования с функцией, заданной

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 579—580.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

на Декартовой системе координат, например, с параболой второго порядка, в свое время была снята с помощью изобретения нового математического способа действия — дифференцирования.

Таким образом, природа формальнологических противоречий сложна. За ними могут скрываться не только тривиальные или нетривиальные ошибки в осуществлении логических процедур со знаковыми моделями, понятиями и идеями, но и диалектическая противоположность чувственной и концептуальной подсистем теории, т. е. в конечном итоге, — противоречие внутри практики и неявно противоречие между сущностью и явлением в самом изучаемом материальном объекте. Находя новые схемы действия с абстрактными объектами теорий, наука устраняет антиномии-проблемы, непротиворечиво отображает объективные противоречия сущности и явления, а тем самым вооружает практику новой, более правильной и совершенной технологией.

АНТИНОМИИ ТЕОРИИ: ЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Положение о том, что разрешение любого противоречия есть конкретный синтез тезиса и антитезиса, ни у кого не вызывает сомнений. А вот вопрос о том, что является логической формой выражения конкретного синтеза, порождает острые дискуссии.

Одни исследователи полагают, что логической формой выражения конкретного синтеза тезиса и антитезиса является конъюнкция¹, другие, наоборот, считают, что конъюнкция не может быть его выражением².

Для того чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к истории развития науки, в частности, к истории развития арифметики.

Прогрессивное развитие арифметики связано с процессом последовательного обобщения понятия «число». Вначале люди оперировали только рациональными числами, так что верен был тезис А: все числа являются рациональными. С развитием арифметики оказалось, что тезис А неверен, ибо верен антитезис не-А: существуют иррациональные числа. Назревшее противоречие тезиса и антитезиса было разрешено в утверждении «А или не-А»: в зависимости от конкретного случая все числа являются либо рациональными, либо иррациональными, т. е. синтезом тезиса А и антитезиса не-А явилась дизъюнкция тезиса и антитезиса (А или не-А). Синтез тезиса А и антитезиса не-А в новом понятии «действительное число вообще» был качественно новым, высшим по отношению к «А и не-А» историческим этапом в процессе обобщения понятия «число». Оказалось, однако, что разрешение противоречия «А и не-А» равносильно возникновению нового противоречия «В и не-В», т. е. равносильно началу развития качественно новой арифметики — арифметики действительных чисел вообще. В этой новой арифметике верным был тезис В: все числа

¹ См.: Э. В. Ильенков. Дialeктическая логика. М., 1974; Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.

² См.: И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969; Он же. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.

являются действительными. С развитием арифметики, однако, оказалось, что тезис В неверен, ибо верен антитезис не-В: существуют мнимые числа. Возникла настоятельная необходимость разрешить противоречие «В и не-В», появившееся хотя и в неявном, неразвитом виде еще вначале. Исторически назревшее противоречие тезиса В и антитезиса не-В было разрешено в утверждении В или не-В: в зависимости от конкретного случая все числа являются либо действительными, либо мнимыми, т. е. синтезом тезиса В и антитезиса не-В опять оказалась дизъюнкция тезиса и антитезиса (В или не-В). Синтез тезиса В и антитезиса не-В в новом понятии — «комплексное число вообще» был качественно новым (высшим по отношению к «В и не-В») историческим этапом в процессе обобщения понятия «число».

На материале логического анализа истории развития арифметики нетрудно заметить следующие диалектикологические закономерности процесса развития знаний.

1. Начало развития любой теории А есть некоторое диалектическое противоречие-антиномия, логически выраженное в форме конъюнкции тезиса и антитезиса данной теории («А и не-А»). Всякая теория ценна тем, что дает разрешение некоторой проблемы. Поэтому началом всякой теории является постановка проблемы, разрешение которой дает эта теория. Проблема же всегда представляет собой некоторое противоречие, которое необходимо разрешить. В связи с этим всякая теория представляет собой процесс разрешения некоторого противоречия-проблемы.

2. Диалектический синтез тезиса и антитезиса теории А, т. е. разрешение противоречия, послужившего началом развития теории А, есть в абстрактно-логической форме дизъюнкция тезиса и антитезиса («А или не-А»), нуждающаяся в конкретизации в каждом отдельном случае, ибо само определение дизъюнкции содержит указание на необходимость такой конкретизации. Иначе говоря, диалектический синтез тезиса и антитезиса теории А читается так: в зависимости от конкретных условий имеет место либо А, либо не-А, т. е. «А или не-А». Причем нетрудно заметить, что «А или не-А» есть нечто более общее, нежели А и нежели не-А, так что и А и не-А являются частными, «предельными» случаями, вытекающими из «А или не-А» при определенных конкретных условиях.

3. Всякая исторически определенная теория А проходит в своем развитии от своего начала до своего конца (синтеза своего тезиса и антитезиса) следующую исторически упорядоченную совокупность этапов:

1) А и не-А: «Начало» развития теории А, т. е. диалектическое **противоречие-антиномия**, к разрешению которого стремится теория А в своем развитии;

- 2) А: «Тезис» теории А;
- 3) не-А: «Антитезис» теории А;
- 4) А или не-А: «Синтез» тезиса и антитезиса теории А, т. е. **разрешение противоречия**, возникшего в начале развития теории А.

4. Разрешение противоречия «А и не-А», возникшего в начале развития теории А (т. е. синтез «А или не-А» тезиса и антитезиса) равносильно возникновению нового противоречия (В и не-В), дающего начало развитию новой, качественно более высокой по сравнению с А теории В. Поскольку конец развития любой теории А есть начало развития качественно более высокой по сравнению с А теории В, постольку процесс познания бесконечен. Таким образом, разрешение противоречий познания и источник развития познания находятся в диалектическом единстве: разрешение противоречия предыдущей теории оказывается источником развития последующей теории. Причем разрешение противоречия является источником дальнейшего развития лишь постольку, поскольку разрешение противоречия равносильно новому противоречию.

Анализируя развитие познания, мы с необходимостью приходим к вопросу: что является источником, движущей силой, началом развития познания? Одним из наиболее аргументированных ответов на поставленный вопрос является следующее утверждение. Началом, источником развития познания является проблема, задача, вопрос, поставленный всем ходом развития познания и общественно-исторической практики³. Поскольку формальная логика абстрагируется от развития знаний, постольку вопросительные предложения (проблема и задача тоже представляют некоторый вопрос) ею не рассматриваются, точнее, рассматриваются лишь в негативном плане. Все рассмотрение сводится к констатации того факта, что по отношению к вопросительным предложениям нельзя сказать, что они либо истинны, либо ложны, ибо они не истинны и не ложны; характеристика мысли с точки зрения истинности или ложности к вопросительному предложению не применима. Иначе, на наш взгляд, дело обстоит в логике диалектической. Вопрос, будучи источником, началом развития наших знаний, должен получить в диалектической логике соответствующую характеристику и значение.

Поскольку всякий вопрос логически равносильен некоторому противоречию, постольку утверждение «источником развития познания являются противоречия» и утверждение «источником развития познания являются проблемы (вопросы)» представляют собой одно и то же утверждение. И. С. Нарский совершенно справедливо, на наш взгляд, рассматривает диалектическое противоречие как некоторую проблему (во-

³ См.: П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973.

прос), а проблему (вопрос) как некоторое противоречие, и трактует их поэтому не просто как проблему (вопрос) или противоречие (антиномию), а как «антиномию-проблему».

Рассмотрение противоречий и проблем как «противоречий-проблем» проливает свет на дискуссию о логической форме выражения конкретного синтеза тезиса и антитезиса. В связи с тем, что мы рассматриваем вопрос как соответствующее противоречие, а противоречие как соответствующий вопрос, неудивительным оказывается и то, что предлагаемое рядом исследователей «диалектическое решение» вопроса «А или не-А?» в виде противоречия «А и не-А» не представляет собой, на наш взгляд, никакого решения, ибо логически равносильно самому вопросу. Утверждая, что имеет место противоречие «А и не-А», мы не решаем тем самым конкретный вопрос «А или не-А?», а только в иной форме ставим его.

В связи с этим наиболее адекватной логической формой для выражения диалектического синтеза противоречащих ответов мы считаем не конъюнкцию, а **дизъюнкцию**, что подтверждается историей развития арифметики. Конъюнкция же, на наш взгляд, есть хорошее средство лишь для более заостренной постановки соответствующих проблем, но отнюдь не для их решения.

Тот факт, что вопрос «А или не-А?» логически эквивалентен противоречию «А и не-А», вовсе не удивителен. Логическое противоречие есть не что иное, как неопределенность различия между истиной и ложью. В логически противоречивой теории выводимо любое высказывание независимо от того, истинно оно или ложно. Что же представляет собой вопрос «А или не-А?». Он есть утверждение о том, что различие истинности и ложности по отношению к высказываниям «А и не-А» является на данном этапе неопределенным. Поэтому противоречие «А и не-А» тезиса А и антитезиса не-А оказывается логически равносильно вопросу «А или не-А?», исторически первым ответом на который является тезис А. Таким образом, рассмотренная нами ранее исторически упорядоченная последовательность этапов развития теории А может быть представлена теперь следующим образом:

- 1) (А или не-А?) (А и не-А): вопрос (проблема);
- 2) А — ответ на вопрос, первое решение проблемы;
- 3) не-А: противоположный ответ на вопрос;
- 4) «А или не-А»: конкретное разрешение противоречия «А и не-А», т. е. синтез противоположных ответов.

Неудивительно теперь, что противоречие «А и не-А» должно стоять исторически перед тезисом А и антитезисом не-А, ибо постановка вопроса (проблемы) исторически предшествует ответу на поставленный-вопрос, равно как ответ на вопрос дается после того, как вопрос поставлен. Таким образом, историю развития познания можно рассматривать как процесс

перехода от одной проблемы (вопроса) к другой проблеме (вопросу) или, что то же самое, от одного диалектического противоречия к другому. Причем этот процесс бесконечен, так как решение старых проблем (вопросов) ставит перед наукой новые проблемы (вопросы).

В связи с обсуждением формальнологического статуса диалектических противоречий познания возникает проблема: как отличить формальнологические и диалектические противоречия? По форме оба вида противоречий неразличимы: и то и другое можно выразить как «А и не-А». По этой причине, как нам представляется, абстрактно, чисто формально этот вопрос разрешить нельзя. Ответ можно дать только в результате конкретного содержательного анализа данного противоречия. Так, диалектическое противоречие возникает в теории при попытке применить ее к той предметной области, где она уже в принципе не применима. Всякая теория первоначально возникает и некоторое время существует в глазах ученых как теория, имеющая универсальную область применения, ибо пределы ее применимости еще неизвестны. Подобная неограниченная экстраполяция теорий является исторической необходимостью, законом развития познания. Даже если мы сознаем, что в соответствии с методологией науки всякая теория имеет определенную, ограниченную сферу действия, мы все равно вынуждены оперировать ею как теорией полной и универсальной, ибо нам неизвестно заранее, какие факты она объясняет, а какие — нет. Последовательная неограниченная экстраполяция теории в процессе познания и общественно-исторической практики на все более широкий круг явлений приводит в конце концов к возникновению в ней противоречия, неразрешимого средствами данной теории, требующего для своего разрешения конкретного анализа фактов, ей противоречащих. Вот это-то противоречие, указывающее на применимость данной теории лишь к ограниченному кругу явлений, и есть диалектическое, являющееся источником ее развития.

Таким образом, диалектическое противоречие, существующее в форме формальнологического противоречия «А и не-А», не означает ликвидацию теории вообще, а означает лишь ликвидацию исторически имевшей место полноты и универсальности теории, определение сферы ее применимости. В этом, собственно, и состоит, на наш взгляд, коренное отличие формальнологических противоречий, порожденных логической путаницей и непоследовательностью рассуждений, от диалектических противоречий, обусловленных исторической ограниченностью процесса познания, определяемой в свою очередь объективной ограниченностью уровня развития общественно-исторической практики.

О СПОСОБЕ РАЗРЕШЕНИЯ АНТИНОМИИ МЕНОВОЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

В советской философской литературе имеется несколько точек зрения по вопросу о способе разрешения антиномий, возникающих в ходе теоретического исследования. Одни авторы считают, что разрешение антиномий возможно только при обращении к фактам¹, другие полагают, что для разрешения противоречий достаточно «теоретически воспроизвести промежуточные звенья, опосредствующие его»², третьи же характеризуют логический переход вместе с тем и как обращение к данным живого созерцания, к действительному предмету³. В связи с этим представляется целесообразным обращение к наследию К. Маркса, чтобы в рамках данной статьи ответить на два вопроса:

1. Правомерно ли существование логических переходов между этапами исследования или в антиномичных ситуациях обязательно обращение к фактам действительности?

2. Если указанные переходы имеют место, то что они собой представляют?

В качестве предмета анализа для получения ответа на данные вопросы возьмем известное положение из «Капитала» К. Маркса: «Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении... Таковы условия проблемы»⁴.

Поскольку обращение есть «качественный процесс (движения) стоимости, как он выступает в различных формах...»⁵, то, рассмотрев эти формы как ступени развития обращения, мы выявим необходимые предпосылки для разрешения указанной антиномии. Анализируя обращение, Маркс замечает, что «деньги приводят в обращение только такие товары, которые

¹ Философские проблемы «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

² З. М. Оруджев. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968.

³ В. А. Вазюлин. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 176—177.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 2, стр. 15.

уже превращены в деньги идеально»⁶. Рассмотрим подробнее, в чем конкретно состоит эта идеальность.

Когда деньги существуют лишь как момент в самом простом обмене, как идеальный масштаб, в рамках которого происходит сравнение двух товаров как материальных образований, то мы имеем первый уровень опосредствования противоположностей — потребительной и меновой стоимостей. На этом уровне каждая из них существует лишь как свое иное и связь между противоположностями осуществляется не в виде отношения между ними, а представляет собой одну из противоположностей. Например, способность вещи удовлетворять какую-нибудь потребность имеет самодовлеющий характер и в этом смысле не нуждается в каком-то особом «оценивании», в каком-то особом отношении к меновой стоимости. Но в таком случае само отношение между потребительной и меновой стоимостями выступает как «незавершенное», как таковое оно существует не внешне, а внутри (в рамках) одной из противоположностей. При этом важно отметить, что идеальное (деньги) выступает лишь как функция материальной системы (товарного мира), как особенный способ ее существования. Структура идеального сжато воспроизводит структуру реального отрицания обращения как товара: истинное существование товара теперь имеет место при его превращении в деньги (потребительская стоимость существует лишь как меновая стоимость), товар существует лишь в деньгах (связь товарного мира с деньгами существует как деньги).

После того как деньги выступили как самостоятельная по отношению к товарам, отделившаяся от них «меновая стоимость», — отдельный товар, особенная меновая стоимость теперь снова приравнивается к деньгам, т. е. приравнивается к определенному количеству денег, выражается в виде денег, переводится на язык денег»⁷. Сравнение меновой стоимости с деньгами происходит в цене, и потому необходимо выяснить, в какой мере являются тождественными выражения: товар имеет цену и товар есть меновая стоимость. Поскольку деньги приобрели самостоятельность, то в цене товар выступает в отношении к деньгам как к чему-то вне его существующему. Но отсюда следует, что он (товар) сам идеально положен как деньги⁸. Для цены мало того, что каждый товар представляет собой овеществление всеобщего, общественного характера труда, а важно, чтобы этот всеобщий, общественный характер существовал в некотором определенном товаре, иначе цена перестала бы существовать как цена. Отсюда очевидно, что связь между потребительной стоимостью и меновой стоимо-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 131.

⁷ Там же, стр. 133—134.

⁸ Там же, стр. 134.

стью осуществляется не непосредственно, а благодаря третьему члену, через деньги. Если раньше деньги существовали идеально, то теперь они вместе с тем представляют собой реальную основу для сравнения товаров.

Новый уровень опосредования, возникающий при этом, имеет принципиально иную структуру, нежели первый. На этом уровне связь между противоположностями осуществляется как отношение их друг к другу и каждая противоположность существует лишь как сторона определенного единства. Причем это отношение противоположностей друг к другу существует лишь как внешнее, т. е. каждая противоположность не выступает как основа другой. Так, если цену любого товара можно выразить в деньгах, то «ни один товар не выражает цены денег, так как ни один из них не выражает отношения денег ко всем другим товарам, их всеобщей меновой стоимости»⁹. Деньги, выступая опосредствующим звеном, ставят в определенные рамки отношение взаимоопределения противоположностей тем, что придают ему однонаправленный характер: допустив к процессу обращения только те товары, которые превращены в деньги идеально, деньги лишили потребительную стоимость ее всеобщности. С точки зрения обращения эта всеобщность (удовлетворение потребностей) несущественна, ибо она выступает всегда в особенной форме. Товар как потребительная стоимость перестает «самостоятельно» существовать: определение его со стороны содержания «исчезает» в том смысле, что приобретает взамен природного экономическое содержание. В чем же выражается это экономическое содержание? Какая категория наиболее полно может раскрыть его суть?

Категория потребительной стоимости, как уже выяснено, пока не удовлетворяет условиям решения задачи, так как выражает несамостоятельность реальной потребительной стоимости. И категория меновой стоимости на данном уровне опосредования не может выступать в качестве истинной противоположности потребительной стоимости, поскольку последняя перестала для нее существовать как противоположность. Это во-первых.

Во-вторых, потому, что сама меновая стоимость представляет собой только всеобщую форму без содержания, поскольку ее самостоятельность основана на противоположности как отношении денег и товаров, а не как системы, в которой деньги и товары суть лишь моменты¹⁰. В товаре цена не реализована, бытие товара в цене есть его идеальное бытие, оно присутствует как момент в реальном обращении товаров. В деньгах же, напротив, цена реализована, и субстанция их (денег) есть само богатство (материальный субстрат для сравнения товаров

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, ч. 1, стр. 152.

¹⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 218.

друг с другом) как в его абстракции от особенных форм его существования (абстрактный труд), так и в его целостности (органическая совокупность видов труда). Идеальное, таким образом, существует лишь как снятое, оно имеет смысл, свое содержание в своей собственной противоположности: цена (идеальное) имеет смысл только как определенный, материальный субстрат денег, абстрактный труд имеет смысл лишь как абстракция от особенных видов труда и т. д. Иначе говоря, идеальное выступает не как функция, способ существования материальной системы, а как абстракция внутренней структуры этой системы.

Поиски экономического содержания товара, таким образом, не увенчались успехом. В лучшем случае получен еще один «образ» идеального. Если сначала деньги идеальное, товары — реальное, то теперь положение меняется: деньги получают реальное, а товары — идеальное бытие. И вполне можно согласиться, что антиномичные ситуации наиболее явственно выступают только на «фундаментальных переломных пунктах процесса познания данного объекта, которые соответствуют узловым «точкам» в развитии самого этого объекта»¹¹. Но так ли уж необходимо для разрешения данных ситуаций обращаться к фактам? Конечно, в рамках такой теоретической системы, как политическая экономия, «не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом»¹². Истинно политэкономическое исследование, во-первых, состоит в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Во-вторых, сами факты, будучи исследованы, должны представлять собой различные степени развития исследуемого объекта. В-третьих, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития. Ф. Энгельс указывал, что К. Маркс, руководствуясь фактом существования той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, исследовал все установленные до него категории. Иначе говоря, факт послужил для Маркса основой для выделения особенного (исторического) характера этих категорий. Надо также учитывать и то обстоятельство, что если найдено начало теоретической системы, то дальнейшее формирование теории идет не по пути, сообразному с исследуемым объектом, а по пути, сообразному с познанием этого объекта. Это, конечно, не значит, что структура теории не отражает структуру объекта; напротив, изучаемый объект продолжает оставаться основой исследования, но влияет на структуру теории через призму логики самой теории.

Анализируя процесс обращения, Маркс отмечал, что перво-

¹¹ Философские проблемы «Капитала» К. Маркса, стр. 124.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 20.

начально меновая стоимость по своему содержанию была овеществленным, определенным количеством труда или рабочего времени и что в этом качестве меновая стоимость через посредство обращения дошла в своем объективировании до своего бытия в качестве денег. Маркс обращает на это обстоятельство внимание, подробно анализируя результат простого обращения. Кроме негативной стороны этого результата, когда брошенные в обращение товары достигли своей цели, т. е. обменялись, существует еще «положительно-негативная» сторона. Она состоит в том, что отрицанию подвергнута та основанная на противоположности самостоятельность, та всего лишь абстрактная всеобщность, в которой фиксированы деньги¹³. Для того чтобы эта всеобщность стала конкретной, требуется не только ее идеальное существование, но и реальное, т. е. не только переход меновой стоимости в деньги, но и переход денег в меновую стоимость. Но когда деньги выступают как такая меновая стоимость, которая не только приобретает самостоятельность по отношению к обращению, но и сохраняет себя в нем, то это уже не деньги, а капитал, т. е. «меновая стоимость должна вся снова выходить из обращения»¹⁴.

Для того чтобы выйти из обращения, меновая стоимость должна сохранить себя. С одной стороны, она оказывается не лишенной субстанции, а осуществляется все в новых субстанциях, в совокупности таковых (осуществляется как индивидуальное затраченное рабочее время). С другой — меновая стоимость не теряет здесь своего определения формы, а сохраняет в каждой из различных субстанций свою тождественность с самой собой (является хоть и индивидуально затраченным, но необходимым рабочим временем)¹⁵. И эта форма очень важна, ибо указывает на специфический характер связи меновой стоимости с обращением: обращение есть процесс опосредования меновой стоимости, процесс развертывания ее в органическую систему, в которой потребительная стоимость выступала бы как определенная меновой стоимостью не только с формальной стороны, но и со стороны содержания.

На третьем уровне опосредования меновая стоимость не только идеально является в любой момент каждым из обоих моментов, заключающихся в простом обращении, но в каждом из этих определений является вместе с тем отношением к противоположному определению, т. е. идеально содержит его в себе. Таким образом, на этом этапе опосредования идеальное выступает как качество бесконечного процесса обмена товаров друг на друга, что отражает процесс становления капитала. Именно идеальность обоих определений — меновой стоимости

¹³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 212.

¹⁴ Там же, стр. 208—212.

¹⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 20.

и денег — такова суть третьего этапа опосредования противоположностей меновой и потребительной стоимостей.

Итак, анализируя процесс простого обращения товаров, К. Маркс показал, как благодаря отрицанию этого процесса в каждом из его моментов (как товар, как деньги и как отношение обоих друг к другу) происходит переход от простого обращения товаров к капиталистическому производству. Реально этот процесс представляется следующим образом.

С точки зрения содержания первоначально меновая стоимость была овеществленным определенным количеством труда или рабочего времени. С точки зрения формы меновая стоимость представляла собой затрату человеческого труда вообще. Потребительная же стоимость со стороны формы первоначально является стоимостью, ибо она есть определенное количество труда. Определение же со стороны ее природного содержания выходит за рамки экономических отношений. Приобретение экономического содержания потребительной стоимости возможно лишь благодаря тому, что она теряет самостоятельность и в каждом моменте своего содержания определяется меновой стоимостью. Но чтобы выполнять эту роль, меновая стоимость должна быть развитой, т. е. капиталом. Единственной же потребительной стоимостью, могущей по содержанию образовать противоположность капиталу, является производительный труд, создающий стоимости. Субъектом этого труда является товар особого типа — рабочий с его способностью к труду.

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ПРИРОДЫ МИКРООБЪЕКТОВ

Внедрение диалектики в естествознание переживает в настоящее время новый этап. Начиная с гипотезы Канта — Лапласа о происхождении солнечной системы, диалектика захватывает в естествознании прочные позиции. Открытие клетки, закона сохранения и превращения энергии, эволюции видов животных и растений, связей между различными явлениями живой и неживой природы привели к общему признанию диалектики природы. После выдающихся открытий XIX в. у естествовников не было сомнения, что **в природе господствует диалектика**.

Кризис в физике на рубеже XIX—XX вв., текучесть теории, относительность понятий и принципов убедили естествовников в господстве диалектики и в теории познания. Вместе с тем какие-либо попытки изменить уже существующее более двух тысяч лет отношение представителей точных наук к тезису о непротиворечивости теории встречает с их стороны решительный отпор.

Корпускулярно-волновой дуализм микрообъектов ведет к признанию господства диалектики в логике научных исследований. На некоторые стороны общей дискуссии о противоречивости теории в связи с дуализмом и будет обращено внимание в данной работе.

В 1927 г. Дэвиссон и Джермер осуществили тщательное систематическое исследование дифракции электронов. Продолжая опыты С. И. Вавилова с квантовыми флуктуациями фотонов, советские физики Л. Биберман, Н. Сушкин и В. Фабрикант показали, что волна вероятности характеризует поведение отдельно взятого электрона. По мере уменьшения интенсивности пучка электронов дифракционная картина начинает становиться менее отчетливой и, наконец, когда пучок будет состоять из отдельно летящих электронов, на экране возникает не дифракционная картина, а изображение отдельных точек. Однако, если вслед за одним электроном пропускать и другие, то одиночные точки на экране сольются в дифракционную картину, совпадающую с дифракционной картиной, возникающей

от пучка электронов¹. Анализ треков электронов при помощи камеры Вильсона и фотопластинок утверждает корпускулярный характер поведения элементарных частиц.

Таким образом, движение электрона в своей сущности противоречиво, электрон находится в одно и то же время (в данных условиях) в одной точке и не находится в ней. С одной стороны, электрон, двигаясь, как бы охватывает все пространство. Его действия неограничены, бесконечны, он проникаем. С другой стороны, его движение осуществляется по узкому каналу, его действия ограничены в пространстве, он локализован в пространстве и непроницаем. Этот клубок противоречий движения элементарных частиц носит общее название корпускулярно-волнового дуализма.

С единством противоположностей физики сталкивались и раньше. Но в отличие от противоречий познания дуализм определяет предметную область. В отличие же от противоречий предметной области, скажем, частиц и античастиц, отражающих противоположности разных объектов или их сторон, дуализм относится к одной стороне объекта — движению. Дуализм относится к тому типу противоречий, который К. Маркс определил как «различие в пределах существования одной сущности» или как «противоположные определения одной и той же сущности»². Однако физика знала и изучала действие противоположных сил и тенденций на одно и то же тело или его сторону — к примеру, притяжение и отталкивание. Но в этом случае предполагалось, что действие их всегда можно свести к нулю или к одной стороне по принципу параллелограмма. Свести же дуализм к одной стороне — либо к волне, либо к частице, несмотря на многочисленные попытки, не удалось.

Дуализм означает, что два несовместимых, взаимоисключающих явления существуют, взаимопроникают в едином целом, что только в абстракции можно говорить о волновом и корпускулярном аспектах как разных сторонах одного и того же явления. Значит, для изучения микромира, для воспроизведения его целостности необходимо применять в познании взаимоисключающие классы понятий, противоположные принципы и суждения. Противоречивость теорий из недостатка превратилась в их достоинство, — а это был совершенно неожиданный для физиков поворот событий, естественники к этому не были готовы.

Идеал точности, строгости и логичности всегда предполагал в качестве необходимого компонента непротиворечивость тео-

¹ Это обстоятельство послужило основанием связывать волну с поведением, корпускулу — со строением элементарных частиц (см., напр.: В. П. Бранский. Движение в микромире. — В сб.: Философские вопросы современного учения о движении в природе. Л., 1962, стр. 121—122).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321—322.

рий. Постулат непротиворечивости являлся своеобразным принципом запрета, в соответствии с которым отбирался научный материал, строились формальные математические и логические структуры, велись доказательства и делались выводы. Естественники не знали, как развивать противоречивые теории — у них для этого не было ни средств, ни навыков, ни психологической подготовки. Вот почему дуализм был воспринят как трудность, от которой необходимо избавиться. «Все, что мы можем требовать в этой новой области факторов, — это устранение всякого, даже кажущегося противоречия», — писал в связи с этим Н. Бор³.

В отыскании условий непротиворечивости квантовой механики принимают участие почти все ведущие физики-теоретики 20—30-х гг. XX в. Э. Шредингер сделал попытку разрешения противоречия, признав единственной реальностью в физике волны и считая частицы и кванты иллюзиями, основанными на неправильной интерпретации явлений резонанса интерферирующих волн. Он доказал возможность построения волновых групп посредством суперпозиции собственных колебаний, причем распространение этих групп подходит сколь угодно близко к классическому представлению о движущихся частицах. Для достаточно простого случая Э. Шредингер показал (речь идет о гармоническом осцилляторе), что такие волновые группы существуют даже неограниченное время. Однако вскоре В. Гейзенбергу удалось показать исключительность случая гармонического осциллятора.

В. Гейзенберг, рассматривая проблему непротиворечивости квантовой механики, установил соотношение неопределенности, согласно которому данные о состоянии атомной системы обладают своеобразной неопределенностью; поэтому-то, если даже квантовая механика и описывает действительное противоречие, то детальное его описание оказывается непротиворечивым.

Развивая соображения В. Гейзенберга, Н. Бору удалось сформулировать условия, при которых описание противоречия может быть непротиворечивым. Экспериментальный анализ дуализма обнаружил, что противоречивые стороны поведения микрочастиц проявляют себя как доминирующие друг над другом в дополнительных экспериментальных установках, так что если теория ограничивается описанием дополнительных классов экспериментальных установок, она будет непротиворечивой. Это и фиксирует принцип дополнительности Н. Бора: «В атомной физике слово «дополнительность» употребляют, чтобы характеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимоисключающих друг друга представлений»⁴.

³ Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1959, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 49.

Принцип дополнительности с целью непротиворечивости описания микромира исключает из сферы физики эксперименты и явления, в которых бы одновременно проявлялись и, следовательно, находились бы в прямом столкновении противоречивые стороны.

Таким образом, дополнительность является вынужденным средством описания противоречивой природы микрообъектов. Это подход временный, от которого откажутся, как только появятся математические структуры, построенные в соответствии с принципом противоречия. Дальнейший этап описания микромира состоит в создании логики, изучающей движение противоречий от одних суждений и выводов к другим, подобно тому, как настоящие логические исчисления исследуют сохранение предикатов «истинности», «возможности», «вероятности» в логических операциях.

Естественно, об общих контурах такой логики говорить в настоящее время рано, но уже сейчас квантовая физика демонстрирует цепь выводов из противоречия, каждый из этих выводов представлен в форме противоречия. Так, из дуализма как противоречия следует противоречивость совмещения причинного и пространственно-временного описания микропроцессов на основе классической модели. Аналогичным образом вытекает противоречивость представлений классической и квантовой физики о реальности и необходимость отказа от наивных представлений о частицах как чрезвычайно малых крупных вещества, имеющих в каждый данный момент времени определенное положение и скорость. В свою очередь, последнее утверждение обязывает модернизировать математический и гносеологический аппарат современной физики и т. д. Нетрудно видеть, что каждое из демонстрируемых суждений истинно, получено из противоречия и представляет собой противоречие.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ОБЪЕКТЕ И ПАРАДОКСЫ ПОЗНАНИЯ

Одной из форм обнаружения противоречивого характера познавательного процесса являются парадоксы познания. Одни из них выражают несоответствие между действительными определениями объекта и достигнутым уровнем знания о нем, вследствие чего по мере развития знания они будут преодолеваться; другие, наоборот, выражают объективную противоречивость (парадоксальность) познаваемых явлений, а следовательно, задача познания здесь будет состоять вовсе не в том, чтобы этот парадокс устранить, а в том, чтобы понять его объективные основания и объяснить (выразить в логике понятий).

Своеобразной формой объективной парадоксальности явлений, которая была обнаружена современной физикой, является их неопределенность. К настоящему времени проделана уже большая работа по выяснению сути понятия неопределенности¹, получен ряд важных результатов, среди которых особого внимания заслуживают два следующих вывода.

Во-первых, неопределенность не является исключительной принадлежностью одних только квантовомеханических явлений; она присуща в принципе всем другим процессам и явлениям, и в силу своей всеобщности это понятие заслуживает того, чтобы его возвести в ранг философской категории. Во-вторых, неопределенность объективна, является объективной характеристикой самих вещей и процессов.

Однако остается пока недостаточно ясным, в чем заключается объективное содержание понятия неопределенности, какие реальные связи и отношения в самих вещах, какие свойства структуры вещей оно отражает. А без этого невозможно объяснение парадоксов, обусловленных объективной неопределенностью явлений.

Анализ этого вопроса лучше всего начать с рассмотрения соотношения неопределенности и неточности.

¹ См.: Л. И. Курчиков. Познание и неопределенность. Киев, 1970 (на укр. яз.); В. С. Готт, А. Д. Урсул. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М., 1971; Они же. О категориях определенности и неопределенности.— «Вопросы философии», 1971, № 6; П. И. Визир, В. С. Готт, А. Д. Урсул. Определенность, неопределенность и их взаимосвязь с другими категориями диалектики.— «Философские науки», 1972, № 3.

На наш взгляд, следует различать субъективную неточность, объективную неточность и неопределенность. Субъективная неточность обусловлена тем, что наши органы чувств (и их продолжение — приборы) имеют предел чувствительности, вследствие чего параметры явлений фиксируются приблизительно. Объективной неточностью мы будем считать то обстоятельство, что сами параметры фиксируемого явления представляют собой неточное, приблизительное выражение соответствующих параметров интересующей нас вещи, так как на их величине сказываются воздействия других вещей (в том числе измерительных приборов). Поскольку связь и взаимодействие вещей и процессов (а значит, и воздействие одних вещей на другие) имеет всеобщий характер, то, очевидно, всегда будет существовать различие между параметрами вещи, какими они есть на самом деле (т. е. в своей действительной сущности), и параметрами вещи, какими они обнаруживаются (т. е. какие они есть в явлении). Это и обуславливает объективную неточность, которая, следовательно, есть выражение несовпадения явления с сущностью.

В отличие от субъективной и объективной неточности неопределенность есть объективная характеристика вещей как таковых, независимо от того, познаются ли они, взаимодействуют ли они с другими вещами. В отличие от объективной неточности как характеристики явления неопределенность есть характеристика сущности вещей. Если параметры вещи неопределенны, то это значит, что объективно вещь не обладает определенными («точными») параметрами и внешние воздействия со стороны других вещей (или предел чувствительности приборов или органов чувств) здесь не при чем. Открыв неопределенность параметров вещи, мы тем самым познали их такими, какие они есть на самом деле, в своей сущности, т. е. мы получили точное знание об этих параметрах. Неопределенность по сути ничего общего с неточностью не имеет: между ними лишь внешнее сходство.

Заметим, что различия между неопределенностью и объективной неточностью не всегда учитываются, что ведет к отождествлению этих понятий. «Признание существования объективной неопределенности явлений мира,— пишут В. С. Готт и А. Д. Урсул,— вытекает из признания принципа всеобщей связи и зависимости явлений мира. Поскольку эти связи бесконечны и к тому же то возникают, то исчезают, в любом свойстве явлений, обусловленном этими связями, существует неустранимая объективная неопределенность, что и проявляется в неизбежных неточностях при их измерении»². В другом месте авторы пишут: «Объективная неопределенность, на наш

² В. С. Готт, А. Д. Урсул. Определенность и неопределенность как категории научного познания, стр. 24.

взгляд, всегда связана со случайными, вероятностными, статистическими процессами»³. Здесь неопределенность отождествляется с тем, что нами было охарактеризовано как объективная неточность: она есть результат внешних, случайных воздействий на данную вещь со стороны других вещей.

Нередко неопределенность характеризуют как способность параметров вещи одновременно принимать множество разных значений⁴. Такая трактовка интересна тем, что здесь неопределенность приписывается самой вещи как ее объективная характеристика, а не как нечто привнесенное извне. Однако и она не безупречна. Во-первых, неясно, каким образом одна и та же величина в одно и то же время может принимать не одно, а много разных значений. Во-вторых, она характеризует неопределенность как своеобразную сумму многих определенных значений некоторой величины. Все имеет свою причину, и если неопределенность возникает за счет того, что одна и та же величина одновременно принимает множество разных, но определенных значений, то, очевидно, каждое из этих определенных значений будет иметь свою причину, чем-то отличающуюся от причин, обуславливающих другие значения рассматриваемой величины. Но в таком случае неопределенность есть нечто кажущееся: она имеет место постольку, поскольку упомянутые причины нам неизвестны. Если же мы их узнаем, то каждое из множества значений, которые принимает рассматриваемая величина, может быть однозначно вычислено, предсказано, поставлено в определенную зависимость от некоторых условий, и от неопределенности не останется и следа. Значит, надо отказаться от попытки изобразить неопределенность как сумму многих определенных. Некоторая величина является неопределенной не из-за того, что она одновременно принимает много разных определенных значений. Она принимает одно, но неопределенное значение, и чтобы понять, как это возможно, требуется принципиально иной подход. В нахождении его — главная трудность проблемы.

Как уже отмечалось, неопределенность присуща всем явлениям, однако только в микромире она обнаруживается непосредственно. Разумеется, это не значит, будто для микроявлений она несущественна. Суть дела здесь — в различии нашего подхода к микро- и макроявлениям. В связи с этим отметим следующее.

Для органов чувств человека свойственна ограниченность двоякого рода — количественная и качественная. Первая обусловлена тем, что каждый орган чувств имеет определенный диапазон значений воспринимаемых им сигналов, и если сигнал будет иметь величину (частоту, силу), выходящую за пре-

³ В. С. Готт, А. Д. Урсул. Определенность и неопределенность как категории научного познания, стр. 55.

⁴ См., напр.: Л. И. Курчиков. Познание и неопределенность, стр. 121.

дела этого диапазона, то его нельзя воспринять непосредственно; однако достаточно изменить его количественно, чтобы восприятие стало возможным. Качественная же ограниченность основывается на том, что для восприятия качественно разных сигналов (свойств, форм движения) требуются разные органы чувств. Но число форм движения бесконечно, тогда как набор органов чувств у человека ограничен. Как отмечает Г. В. Чефранов, мозг и органы чувств человека, являясь результатом предшествующего развития жизни на земле, в течение миллиардов лет приспособлены к восприятию лишь тех объектов (их свойств и форм движения), которые были его жизненной средой⁵. Следовательно, существуют уровни материи, а значит, свойства и формы движения, для восприятия которых у человека органы чувств не сформировались. Объекты, обладающие исключительно такого рода свойствами, будут принципиально ненаблюдаемыми (невоспринимаемыми). Чтобы сигнал, поступающий от таких объектов, мог быть воспринят, его надо преобразовать качественно. Однако если мы это сделаем, то нами будет воспринят уже не тот, а некоторый качественно иной объект (вид материи): ведь у качественно разных сигналов (форм движения) будут качественно разные носители (виды материи). Стало быть, преобразовав сигнал качественно, мы все-таки не добьемся превращения ненаблюдаемого объекта в наблюдаемый. Мы добьемся лишь выражения свойств ненаблюдаемого объекта через свойства некоторого другого (наблюдаемого) объекта, чем доказывается, что принципиально ненаблюдаемый — не значит непознаваемый.

Как известно, ненаблюдаемые объекты (частицы) были открыты при попытке обнаружить структурные элементы (составные части) элементарных частиц (которые следует отнести к принципиально наблюдаемым объектам, так как при их восприятии обнаруживается лишь количественная ограниченность наших органов чувств). Следовательно, уровень элементарных частиц — последний уровень, объекты которого принципиально ненаблюдаемы, так как их структурные элементы (субэлементарные частицы) — объекты более глубокого уровня — уже принципиально ненаблюдаемы. Значит, элементарная частица как таковая (как целое) есть принципиально наблюдаемый объект, но как сумма частей (как совокупность субэлементарных частиц) она ненаблюдаема. Это обуславливает принципиальное отличие восприятия элементарных частиц от восприятия макрообъектов. Например, электрон состоит из принципиально ненаблюдаемых частей, элементов, которые, разумеется, излучают (или отражают) какие-то сигналы, но органы чувств их не способны зарегистрировать даже после многократного их усиления. Поэтому, если бы мы, после многократ-

⁵ См.: Философские вопросы современной физики. Киев, 1964, стр. 198.

ного увеличения, зафиксировали образ электрона, то этот образ на сетчатке глаза или на экране прибора ни в коем случае не был бы совокупностью точек, каждая из которых являлась бы изображением отдельного элемента (отдельной точки) электрона. Он (образ электрона) представлял бы одну нераздельную точку, но не геометрическую, так как, подобно любой другой материальной системе, электрон должен иметь какие-то размеры, занимать некоторый объем. Но эти размеры, объем и т. п. никак не могут обнаружить себя непосредственно из-за того, что элементы (части) электрона принципиально ненаблюдаемы, а следовательно, неразличимы. Поэтому все данные наблюдений будут свидетельствовать о том, что электрон, не являясь геометрической точкой, не имеет, однако, определенных размеров, контуров и других количественных характеристик. Налицо парадокс: образ электрона должен иметь некоторые параметры и вместе с тем не может иметь определенных параметров. Парадокс разрешается так: параметры электрона имеют неопределенное значение.

Итак, неопределенность обнаруживается, если объект рассматривать лишь как целое, а не как сумму частей, т. е. она есть объективная характеристика целостного свойства предмета: целостное свойство объективно не обладает определенными параметрами. Проиллюстрируем это следующим примером.

Пусть имеется целостная система, состоящая из 100 элементов, все параметры которых известны. Необходимо определить параметры целостного свойства системы, в том числе его местонахождение. Задача на первый взгляд кажется простой: целое находится там, где и части, и, зная координаты частей, мы знаем местонахождение целого, целостного свойства. Однако это не так.

Поскольку целостное свойство несводимо к свойствам частей, то его носителем является вся система, а не какая-либо ее часть, взятая в ее относительной самостоятельности. Поэтому на первый взгляд кажется логичным допустить, что целостное свойство распределено по всему объему, занимаемому системой, т. е. в каждом из 100 элементов системы будет содержаться в среднем 1% целостного свойства. Но такой вывод применим только лишь по отношению к суммативным свойствам системы (например, масса живой клетки равна сумме масс ее молекул), а не к целостным системам.

Целостное свойство не сосредоточено в какой-либо точке и не распределено между элементами (точками) системы. Как целостное свойство, оно принадлежит сразу всей системе, т. е. оно находится сразу везде (по всей системе) и нигде в определенном ее месте. Поэтому выразить его местонахождение и другие его характеристики посредством величин, имеющих определенное значение, невозможно, ибо эти характеристики

объективно неопределенны. И если мы объявим, что «целостное свойство находится там-то» и укажем при этом определенную точку (координату), то этим самым мы неявно допустим, будто целостное свойство находится по крайней мере в этой точке, что неверно. Когда же мы объявим, что целостное свойство находится где-то в объеме, ограниченном некоторыми фиксированными точками, то этим самым мы тоже неявно допустим, будто целостное свойство распределено по этому объему, «размазано» в нем наподобие пятна и находится в том числе и в тех названных нами точках, которые ограничивают указанный объем, что тоже неверно.

Таким образом, целостное свойство вообще не может быть описано какой-либо определенной величиной. Являясь характеристикой системы как целого и только целого, оно ни в коем случае не может быть описано с помощью прямого или косвенного использования параметров системы как совокупности частей. Описывая предмет с помощью определенных величин, мы неявно осуществляем деление этого предмета на части, подменяем целое суммой частей, прерываем непрерывное. Следовательно, целостное свойство можно описать лишь с помощью неопределенностей, и такое описание будет точным, адекватным выражением параметров этого свойства.

Логический анализ примера свидетельствует, что неопределенность есть точное, адекватное выражение параметров целостного свойства, тогда как определенность, наоборот, есть выражение параметров вещи как системы элементов, как совокупности частей. В этом состоит их объективное содержание. Это не только позволяет объяснить, почему в микромире неопределенность обнаруживается непосредственно, тогда как для ее обнаружения в макроявлениях требуется обстоятельный анализ, но и открывает, на наш взгляд, путь к объяснению (выражению в логике понятий) парадоксов, открытых современной наукой (единство прерывности и непрерывности движения, пространства и времени в микромире, квантовая природа микрочастиц и т. п.).

ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Цель статьи — показать, что ядром проблемы единства физики является диалектическое противоречие. Раскрывая трехчленную структуру диалектических противоречий в физических теориях, мы в значительной степени приближаемся к пониманию новых форм единства физики. С этой целью мы выберем только три типа трехчленных структур диалектического противоречия, связь которых с проблемой единства физики более важна и очевидна.

1. Опосредствование форм симметрии в физических теориях. Классические или геометрические симметрии регулируют всю предметную область классической физики, которая не учитывает специфику конкретных типов взаимодействий. Однако современная физика развивается по пути все более глубокого учета специфики типов взаимодействий. Если в классическом случае единство теорий основывалось на едином принципе геометрических симметрий, то учет специфики типов взаимодействий ведет к расчленению теорий¹, поскольку подобного единого принципа найти пока не удастся. Каждый из типов взаимодействий описывается особой теорией и имеет свои особые негеометрические, или динамические, симметрии. Законы сохранения, связанные с ними, не являются общими для типов взаимодействий. Таким образом, к середине XX в. была обнаружена неоднородность принципов симметрии и, казалось бы, их абсолютная противоположность. Поиски связей геометрических и динамических симметрий привели к тому, что Е. Вигнер вскоре указал на возможность взаимопереходов форм симметрии через перекрестную симметрию как промежуточное звено².

Вигнер выразил уверенность, что именно благодаря промежуточному положению между геометрическими и динамическими симметриями перекрестная симметрия позволит установить внутреннюю связь их противоположностей. Промежуточ-

¹ Физики о физике. М., 1974, стр. 35, 44.

² См.: Е. Вигнер. Этюды о симметрии. М., 1971, стр. 32, 33, 51.

ное положение перекрестной симметрии проявляется в том, что она, подобно геометрической, имеет точный характер и явно не зависит от конкретных типов взаимодействий. Однако перекрестная симметрия во многом отлична от геометрической: преобразования перекрестной симметрии относятся больше к принципам ковариантности, чем инвариантности и изменяют события. С другой стороны, перекрестная симметрия сочетает в себе некоторые свойства и черты динамической, но не сводится к ней. Трехчленная структура типа геометрическая \times перекрестная \times динамическая симметрии, установленная Вигнером, очень напоминает структуру диалектического противоречия.

З. М. Оруджев выделяет три аспекта этой структуры: внешнее отношение полюсов, которые на эмпирическом уровне исследования могут казаться разобщенными; сами полюса, которые потенциально содержат в себе свою полярность; внутренняя связь самих полюсов друг с другом, которая опосредствуется промежуточными звеньями. Для этих звеньев характерно сочетание различных черт полюсов и то, что они как бы включают извне и тем самым усложняют взаимосвязь полюсов³.

Указанные идеи позволяют открыть более глубокую диалектику форм симметрии⁴.

В чем же заключается сопряжение трехчленной структуры геометрической \times перекрестной \times динамической симметрий с проблемой единства физики? Выше уже отмечалось, что физика конкретных типов взаимодействий обнаружила неоднородность принципов симметрии и вместе с тем наметила контуры взаимопереходов форм симметрии геометрической и динамической через перекрестную. Однако это только начало установления многообразия форм опосредствований геометрической и динамической симметрий. Возможно, сохранится и будет возрастать неоднородность форм симметрии, что не исключает внутренней связи между ними. Противоречие между геометрической и динамической симметриями будет возрождаться на последующих этапах развития физики в новых, более высоких формах со все новыми и новыми промежуточными звеньями, что не может не привести и к новым формам единства физики.

Так, например, открытие перекрестной симметрии в физике элементарных частиц привело к гипотезе самосогласованности в мире адронов, согласно которой ни одна частица или их группа не может занимать истинно «центрального» положения. Если эта гипотеза превратится в теорию и подтвердится,

³ З. М. Оруджев. Диалектика как система. М., 1973, стр. 153—154.

⁴ См.: В. С. Готт. Философские вопросы современной физики. М., 1972, стр. 389—393.

то это будет означать кризис концепции элементарности в физике⁵.

Кризис концепции элементарности в свою очередь означал бы, что современная физика еще дальше пошла по пути учета конкретной природы типов взаимодействий, который ведет к совершенно новой математике⁶ и к новой постановке проблемы единства физики⁷, поскольку физика становится еще более неоднородной, полицентричной (одновременный учет факторов мега-, макро- и микроуровней физического мира).

2. Опосредствование субъекта и объекта в физических теориях. Трехчленная структура типа субъект \times условия познания \times объект является исходным гносеологическим отношением любой физической теории и модифицируется в этих теориях вплоть до разного рода инверсий. Элемент «условия познания» рассматривается как промежуточное звено, которое опосредствует внутреннюю связь противоположностей субъекта и объекта. Модификация трехчлена в структуре теорий указывает на возможность классификации этих теорий по степеням относительности и дополнительности⁸.

Эти классификации выявляют неоднородность способов описания в ветвях физики: если в релятивистской физике предполагается несущественное влияние условий познания на объект, то в квантовой физике оно существенно. Данные классификации являются необходимой ступенью к пониманию единства физики, ибо они выявляют неоднородность способов описания, которая не исключает внутренней связи между ними.

Между концепциями относительности и дополнительности есть связи, взаимопереходы и опосредствования⁹. Наблюдается даже инверсия в самой постановке проблемы синтеза неоднородных теорий: если до сих пор все усилия были направлены на создание релятивистской квантовой теории, то теперь — на создание квантовой теории относительности¹⁰. Видимо, на каждом из этих противоположных путей синтеза односторонних теорий достигаются положительные результаты. Каждый из этих путей синтеза идет на основе дополнительности двух и более типов взаимодействия в генетической и функциональной структуре физического знания. Принцип соответствия (первый тип взаимодействия) и «принцип встречи» (второй тип взаимодействия) дополняют друг друга, и только во взаимном дополнении могут дать либо релятивистскую кванто-

⁵ Ю. В. Новожиллов. Элементарные частицы. М., 1974, стр. 260.

⁶ Будущее науки. М., 1968, стр. 51.

⁷ Д. Ж. Чью. Аналитическая теория S-матрицы. М., 1968, стр. 141.

⁸ П. С. Дышлевый. В. И. Ленин и философские проблемы релятивистской физики. Киев, 1969, стр. 298—347.

⁹ П. С. Дышлевый. Материалистическая диалектика и философский релятивизм. Киев, 1972, стр. 298—309.

¹⁰ В. П. Бранский. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1974.

вую теорию, либо квантовую теорию относительности (полюса инверсии).

Эти инверсные теории также дополняют друг друга в смысле полученных результатов. Если учесть все возможные инверсии на пути синтеза разнородных теорий, а также наличие всевозможных трехчленных структур, которые как бы «интерферируют» между собой, а также взаимную дополнительную указанных типов взаимодействия в структуре физики, то можно прийти к представлению о нелинейной структуре процесса конфронтации разнородных теорий, ведущего к симметричному синтезу этих теорий через «промежуточные звенья»¹¹. Такого рода правильный синтез во многом сопряжен с интерпретацией трехчленной структуры типа субъект \times условия познания \times объект, которая развивается по пути выявления активной роли субъекта в объективизации физического знания.

3. Опосредствование концепций близкодействия и дального действия. Исследования И. Я. Лойфмана показывают, что концепции близкодействия и дального действия могут не только взаимоисключать друг друга, но и находиться в отношении соотносительности, взаимопроникновения и взаимопереходов через промежуточные звенья типа дального действия-1, которые модифицируются в различных физических теориях. В электронной теории роль дального действия-1 играет запаздывающее действие; в статистической физике — угасающее действие, а в квантовой теории — виртуальное действие. Таким образом, обнаруживается структурно-функциональная связь разнородных фундаментальных физических теорий в форме параллелизма трехчленных подструктур этих теорий. Формирование принципиально новых понятий физики типа дального действия-1 ведет к «снятию» антиномии и к содержательному синтезу концепций близкодействия и дального действия посредством дального действия-1¹².

В трехчленной структуре типа близкодействие \times дальное действие-1 \times дальное действие, предлагаемой И. Я. Лойфманом, встречается как раз тот случай, когда диалектическое противоречие выступало первоначально в форме антиномии-проблемы¹³, но разрешение этого противоречия идет не путем устранения антиномии в результате изменения смысла близкодействия или дального действия, а путем «снятия» антиномии: устанавливается внутренняя связь близко- и дального действия посредством дального действия-1¹⁴.

¹¹ Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, стр. 105.

¹² И. Я. Л о й ф м а н. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973, стр. 95—96.

¹³ И. С. Н а р с к и й. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, стр. 7.

¹⁴ З. М. О р у д ж е в. Диалектика как система, стр. 232—233.

В объеме данной статьи мы очень кратко рассмотрели совместно трехчленные структуры трех типов:

геометрические \times перекрестные \times динамические симметрии;
субъект \times условия познания \times объект;

близкодействие \times далекодействие-1 \times далекодействие и нашли их линии сопряжения с проблемой единства физики. Анализ этих структур диалектического противоречия вскрыл неоднородность физики в ряде отношений, которая требует новой постановки проблемы единства физического знания. Ядром всей этой проблемы является диалектическое противоречие. Это и не удивительно, поскольку современная физика продолжает «рождать» диалектический материализм, который вместе с тем ведет к высшим формам систематизации физики.

Исследование модификаций трехчленных структур в различных физических теориях ведет к новым классификациям этих теорий и выявлению их параллелизмов, что является необходимой ступенью к пониманию единства физики. В ряде пунктов данной статьи мы упоминали о разного рода инверсиях. На наш взгляд, необходимо исследовать структурно-инверсные отношения элементов физического знания, поскольку именно в процессе инверсий происходит наиболее глубокий скачок в понимании новых форм единства физики.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ОПИСАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Историческое познание имеет дело с объектом особенно сложным. Выявление конкретного механизма познания, результатом которого становится или истинная картина исторического процесса, или его искажение,— комплексная задача методологии исторического познания. В данной работе рассматривается лишь один момент этого механизма — противоречивое единство описания и объяснения в историческом познании через сопоставление их структур и выявление их взаимосвязи как в функциональном, так и в генетическом плане.

Являясь разновидностью описания и объяснения в общенаучном смысле¹, описание и объяснение в исторической науке имеют существенную специфику. В советской философской литературе работы, относящиеся специально к этой теме, посвящены преимущественно специфике исторического объяснения². Проблема же противоречивого единства описания и объяснения применительно к историческому познанию, по существу, не исследована. Поэтому, учитывая определенный уровень разработки этого вопроса в общенаучном аспекте, необходимо осуществить анализ взаимосвязи описания и объяснения в историческом познании.

Историческое описание представляет собой фиксацию и систематизацию фактов, выведенных из содержания исторического источника. История, пожалуй, единственная наука, в которой описание фактов не является промежуточным, подготовительным звеном, как в естествознании, а составляет саму ткань исторической науки. Историческое описание осложнено тем, что образ исторического события создается на основе отрывочных и разрозненных данных, отягощенных к тому же оценкой автора источника (если источник этот письменный).

¹ Рассмотрению описания и объяснения в общенаучном плане посвящены работы: А. Маилов, М. Хасанов. Описание и объяснение. Ташкент, 1969; Е. П. Никитин. Объяснение — функция науки. М., 1970.

² См.: А. Н. Елсуков. Проблема исторического объяснения.— В кн.: Проблемы методологии современной науки. М., 1969; Он же. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании.— В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972; В. Н. Орлов. Проблема объяснения в исторической науке.— В кн.: Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970; А. И. Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, гл. 2.

Историческое объяснение — это «установление существенных связей между фактами в рамках определенной исторической теории с целью раскрытия сущности явления прошлого, причин его возникновения и развития»³. Специфической чертой исторического объяснения является интерпретация. Это обусловлено тем, что история, наука о прошлом, основана на косвенных данных опыта других людей. Поэтому составной частью самого исторического факта, а значит, и его объяснения, является оценка, интерпретация.

Но нельзя считать, что интерпретация — проявление субъективизма и произвола историка по отношению к историческим фактам. Она — закономерное выражение сознания, теоретической оснащенности той эпохи, к которой принадлежит историк. Объективное основание интерпретации состоит в многофакторном характере детерминации исторических явлений, неоднозначном, вероятностном действии этих факторов, неуклонном расширении фактического базиса исторической науки, в пересмотре процессов прошлого с точки зрения новых, более развитых форм общественных процессов, более совершенных в научном плане теоретических систем.

Особенность исторического объяснения состоит и в его описательном характере. Посылки его не выражаются в форме строгих положений, как в физике или математике, а излагаются подробно, развернуто, средствами естественного языка. Это дает повод многим буржуазным философам и историкам относить историю к разряду описательных дисциплин, которым объяснение либо вообще несвойственно, либо свойственно в качестве описания. При этом последнее истолковывается только как проникновение на мотивационно-смысловой уровень субъектов исторической активности.

Описание и объяснение в историческом познании представляют собой диалектическое единство противоположностей, которое реализуется через их синтез в процессе познания. Но остановиться на сказанном значит неконкретно подойти к вопросу. При таком подходе остаются скрытыми сложные взаимосвязи элементов описания и объяснения.

Попытаемся выделить и проанализировать эти связи через антиномичную форму постановки вопроса: описание отличается и не отличается от объяснения. Здесь в форме формально-логического противоречия выражено диалектическое противоречие процесса познания. Высказывание «описание отличается и не отличается от объяснения» противоречиво в формально-логическом смысле, так как отсутствует уточнение, в каком отношении, на каких уровнях, при каких условиях правомерны противоположные тезисы, входящие в него.

³ А. И. Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке, стр. 67.

Для решения антиномий-проблемы и устранения формально-логического противоречия необходима конкретизация и уточнение значений, для которых правомерно каждое из противоречивых высказываний. Это можно осуществить через сопоставление структур исторического описания и объяснения и выявление их взаимосвязи в функциональном и генетическом плане. Проведем такое сопоставление через выделение их сходства и различия.

Историческое описание и объяснение не различаются в том отношении, что имеют одну общую знаковую основу — естественный язык. Поскольку и описание и объяснение — этапы реконструкции специфического объекта и поскольку, в силу природы исторического познания, эта специфичность, индивидуальность объекта должна быть воспроизведена, не утрачена на всех уровнях реконструкции, то естественный язык оказывается наиболее удобной и универсальной знаковой системой для решения этой задачи.

Знаковое единство описания и объяснения обусловлено наличием общего для них структурного элемента, каковым является исторический факт. Воссоздание фактов как первоначальный этап реконструкции по своим гносеологическим функциям и составляет задачу описания; поэтому факт в структуре описания является конституирующим его элементом. Процедура объяснения, как и описания, имея дело с объектом в аспекте особенного, а не общего, уже в силу этого принципиально исключает элиминацию факта из структуры объяснения. Факт в структуре объяснения выступает не как репрезентант, не как пример, подтверждающий общее высказывание, а как неотъемлемый компонент теоретического построения, придающий ему смысл только в пределах этого единства. Это специфическое обстоятельство обусловлено той существенной закономерностью, что, чем индивидуализированней объект познания, чем он конкретней (а именно этим отличаются объекты исторической науки), тем более теоретические построения, касающиеся данного объекта, нуждаются в дополнениях конкретизирующего характера, тем более важно включение и расширение фактического материала в структуре теории⁴. Следовательно, объяснение как завершающий этап исторической реконструкции органично предполагает в своем составе описательный момент.

Однако неверно было бы на этом основании утверждать, что «объяснение естественно-исторических явлений распадается на два самостоятельных шага: создание теоретической схемы объяснения и наполнение этой схемы конкретным эмпирическим содержанием»⁵. Такое истолкование, с одной сторо-

⁴ См.: Л. С. Мерзон. Проблемы научного факта. Л., 1972, стр. 75.

⁵ А. Н. Елсуков. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании, стр. 232.

ны, рассматривает описательный компонент в составе объяснения как внешний, с другой — исключает какую-либо предпосылку объяснения уже в самом описании. Данная трактовка не объясняет, какими средствами эти «два самостоятельных шага» увязываются в объяснении как конечном результате исследования. Дело в том, что сами по себе общие понятия или теоретические схемы не дадут истолкования эмпирического базиса, из которого, как это ясно и самому А. Н. Елсукову, они непосредственно не вытекают. Поэтому естественно предположить существование некоей промежуточной концептуальной системы, обеспечивающей исходную генерализацию фактов именно на уровне исторического описания. В данном случае это тот ряд понятий, которые П. Боллхаген назвал «эмпирическими абстракциями». Например, понятие «крестьянская повинность» является элементом обобщающей системы эмпирического уровня, а понятие «феодалная рента», содержание сопряженное с первым, выступает как элемент теоретической системы.

Взаимосвязь описания и объяснения обусловлена и типологическими особенностями включенного в их состав эмпирического материала. Исторические факты структурно разнородны, так как отражают различные аспекты связей реальной действительности: целевой, функциональный, причинный, генетический. Различные типы фактов, составляющие содержание описания, определяют становление соответственно целевого, функционального, причинного и генетического описания. В свою очередь, эти типы описания предшествуют, как отмечают некоторые исследователи, аналогичным типам объяснения⁶. Следует, однако, заметить, что в историческом познании целевая, функциональная, причинная и генетическая разновидности объяснения не сосуществуют, не рядоположены, а выступают как потенциальные или реальные компоненты генетического объяснения.

В основе и описания и объяснения лежат научные представления эпохи, сложившиеся к этому времени теории, гипотезы, на основе которых и упорядочивается материал исторических источников. Поскольку исторический источник практически неисчерпаем, то, делая описание извлеченного из него фактического материала, историк не описывает все подряд, не фиксирует весь разнотипный, беспорядочный материал источника, а отбирает то, что составляет звенья одной цепи, определяемой той или иной теоретической основой. Само повествование, родившееся в ходе этого процесса — уже в какой-то мере объяснение описываемых процессов. Известно, что В. О. Ключевский, изучая в течение многих лет летописные документы — жития святых, проделал титаническую работу по их обработке.

⁶ См.: Л. С. Мерзон. Проблемы научного факта, стр. 74.

Описанию же подвергалось не все подряд, а тот материал, который мог подтвердить догадку, что главную роль в освоении новых земель Северо-Восточной Руси играли не монастыри, как это было принято считать, а промышленный люд России. С этой целью отбирался и систематизировался материал, касающийся лишь хозяйственной и экономической деятельности монастырей.

Интерпретационный момент присущ и описанию, хотя в ином виде, чем объяснению. Уже само вычленение из источника и группировка фактического материала, будучи обусловленной конкретно-теоретическими схемами, предполагает этот момент. Но он обусловлен и более глубокими основаниями, связанными с самой природой исторической науки, ее объекта. Если, как отмечал К. Маркс, «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁷, то исторические действия, затрагивая интересы людей, воспроизводятся в исторических источниках через призму этих интересов, что выражается в пристрастности изложения исторических событий авторами источников. Поэтому в самом своем истоке историческое знание носит оценочный характер.

Указанное обстоятельство явилось причиной двух альтернативных трактовок интерпретации в буржуазной методологии истории. Первая трактовка усматривает интерпретацию уже на уровне исторического источника и тем самым рассматривает историческое знание как серию воспринятых оценок. Преодолевая заключенную в данном истолковании зависимость исследователя от источника, другая трактовка закрепляет интерпретацию только за исследователем, историком, как субъектом познания. И эта противоречивая трактовка интерпретации не случайна. В ней сказывается общая оценочная природа исторического знания на всех его этапах. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с А. И. Уваровым, утверждающим, что оценочное знание детерминировано факторами современности, самим исследователем⁸, ибо детерминация актуальными факторами является условием снятия оценочного знания, идущего от источника как частицы прошлого. В то же время на уровне научного познания оценочное знание, основываясь на строгих методологических и мировоззренческих принципах, приобретает форму интерпретации.

Не случайно некоторые исследователи рассматривают интерпретацию уже на уровне источниковедческого анализа, когда нужно найти место исторического источника в онтологической

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

⁸ А. И. Уваров. Структура теории в исторической науке. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Уч. зап. Томск. ун-та, 1965. Сер. историч., т. 178, стр. 37—38.

картине исследуемого в исторической науке объекта⁹. Тем самым интерпретация источника является основой, на которой покоится первичное объяснение вычленимых из данного источника фактов на уровне исторического описания и их последующее объяснение с использованием теоретических конструкций.

Наличие интерпретационного момента на уровне описания можно подтвердить многочисленными примерами, которыми полна историческая наука. Вот как дается, например, описание деятельности Фурье известным буржуазным историком прошлого века Вебером: «...Очень странный человек, соединявший горячее сострадание к страждущему человечеству с ограниченным умом, наполненным причудливыми фантазиями и химерами. Он был воспитан для коммерческих занятий, по несчастью лишился своей наследственной собственности и был вынужден поступить бухгалтером в чужое торговое заведение; свободное от этих занятий время он употреблял на обработку своей социальной системы, которая была изложена неясным языком с придуманною самим автором новой терминологией, но, несмотря на множество нелепостей и причудливых выдумок, обратила на себя всеобщее внимание»¹⁰.

Но несмотря на общие структурные моменты, описание и объяснение в исторической науке — не одно и то же. Систематизируя и фиксируя материал исторического источника под определенным углом зрения, описание всегда шире объяснения, но последнее более глубоко отражает явления прошлого. Это обусловлено тем, что в описании фиксируется широкий спектр связей того или иного события, а также неизбежно вплетаются элементы субъективизма, идущие от составителя, автора данного источника. Объяснение же связано с установлением не любых, а существенных связей между фактами. Кроме того, оно, снимая первичную оценку, идущую от автора источника, приближает знание к объективной истине, суживая тем самым область описания и углубляя ее. В ткань описания входит неизбежно и тот фактический материал, который в рамках данной теории и в связи с данными задачами не может быть объяснен. Он найдет объяснение позднее, в рамках более содержательной теории и в сопоставлении с иным фактическим материалом.

Несовпадение исторического описания и объяснения по своему — один из элементов сложного механизма внутренней логики развития науки, включающего в себя момент преемственности знания, который осуществляется не только через идеи, но, главным образом, через фактический материал нау-

⁹ См.: Г. А. Антипов. Место источниковедения в системе историографического исследования. — В кн.: Проблемы исследования структуры научного знания. Новосибирск, 1970, стр. 217.

¹⁰ Г. Вебер. Всеобщая история, т. 15, ч. 1. М., 1892, стр. 23.

ки. Если бы описание и объяснение полностью совпадали, исчез бы в известном смысле познавательный импульс, оборвалась бы преемственная связь в научном познании. Так, например, В. О. Ключевский, в поисках фактов, подтверждающих его гипотезу о роли монастырей в колонизации русских земель, изучил около 5000 житийных тем. Сопоставляя их в процессе описания, он установил факт недостоверности житий как исторического источника, что не только не входило в планы его поисков, но даже оказалось крайне неожиданным для историка. Этот факт был зафиксирован, но нашел объяснение в иной, более содержательной теории, чем та, рамками которой определялось исследование В. О. Ключевского. Данный пример свидетельствует также о том, что принципиально новый теоретический подход ведет и к иной интерпретации прежнего источниковедческого базиса.

Описание и объяснение различаются по глубине проникновения в сущность социальных процессов прошлого. Историческое описание, останавливаясь на уровне констатации фактов, выведенных из исторического источника, ограничивается, как правило, пространственным срезом в изображении событий и следованием во времени отображающих эти события фактов. Для объяснения этого недостаточно. Чтобы раскрыть сущность, причины возникновения и развития социальных процессов прошлого, объяснение должно быть идеальным их аналогом, т. е. включать обоснование последовательности и рядоположенности событий, а также систему теоретических принципов и законов, отражающих существенные моменты развития социальных процессов.

Как было отмечено, в исторической науке интерпретация свойственна и описанию и объяснению. Однако уровень и вид интерпретации в описании и объяснении различен. Интерпретационный момент в описании выражается в селекции, отборе фактического материала, его группировке, а также в приемах и манере его фиксации, что неизбежно несет на себе отпечаток личности историка. На уровне исторического объяснения интерпретация, в основе которой лежит основополагающая идея, законы теории и общеполитические принципы, — единственно возможный способ познания сущности социальных процессов прошлого. И на уровне описания, и на уровне объяснения в интерпретации велика роль мировоззренческих и методологических принципов, но в описании доминируют первые из них, в объяснении — вторые.

После такого уточнения терминов выражение «описание отличается и не отличается от объяснения» приобретает иной смысл, при котором формальнологическое противоречие устраняется, а акцент переносится на диалектико-противоречивое единство описания и объяснения. Рассмотрим взаимосвязь исторического описания и объяснения в генетическом плане.

Объясняется всегда **что-то**, значит, должно быть **то, что** объясняется. С другой стороны, описание уже предполагает, готовит определенное объяснение. Объект и фиксируется в описании с целью определенного объяснения. Поскольку один факт сам по себе еще ничего не означает, уже в описании преследуется цель установления его связей с другими фактами. Установление в описании этих связей, соответствующих объективным связям исторических явлений, может быть достигнуто лишь при посредстве исторической теории, сердцевину которой составляет объяснение.

Объяснение материала, нашедшего отражение в описании, не может быть дано в любое время. Разрозненные детали — еще не материал для объяснения. Должен быть накоплен необходимый минимум однотипных фактов. Больше того, этот необходимый минимум фактов с необходимостью ведет к их объяснению. Это не субъективное желание ученого, а закономерное требование внутренней логики развития научного знания. Отсутствие объяснения фактов при достаточном их количестве создает ситуацию в науке, о которой говорят, что принципиально новые идеи в это время «носятся в воздухе» и непременно должны появиться.

Однако надо иметь в виду, что речь идет не о любом, а о научном описании. Одни и те же события могут быть описаны по-разному — так, что их объяснение оказывается возможным или, наоборот, невозможным. Известно описание одних и тех же событий Ф. Энгельсом и Л. Ранке (имеются в виду работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» и Л. Ранке «Немецкая история периода реформации»). Если цепь описанных Ф. Энгельсом событий позволила объяснить причины крестьянского движения и смысл идейных течений того времени, то у Л. Ранке, по выражению К. Маркса, это — «собрание анекдотов и сведение всех великих событий к мелочам и пустякам». Уже пропорции работы говорят за себя: почти из тысячи трехсот страниц лишь двадцать Ранке посвящает описанию крестьянской войны. Этот же эффект дает сопоставление работ К. Маркса и Ш. Сеньобоса, посвященных также одной теме — революции 1848 г. во Франции.

Итак, в рамках определенной исторической теории описание и объяснение — диалектические противоположности. Их синтез осуществляется в рамках новой, более содержательной теории, на основе чего создается возможность выявления новых исторических фактов, описание их в новой связи, в ином контексте, и объяснение — на более высоком научном уровне.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЭМПИРИЕЙ И ТЕОРИЕЙ И ЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

Одной из форм проявления основного противоречия человеческого познания является противоречие между эмпирическим и теоретическим знанием (фактом и его теоретическим обобщением). «Конкретизация общего исходного противоречия между субъектом и объектом,— пишет Б. М. Кедров,— приводит нас прежде всего к противоречию между фактами и их теоретическими обобщениями, возникающему постоянно в ходе научного развития и разрешающемуся, как и само исходное противоречие, в плане перестройки теории и приведения ее в соответствие с новыми фактами. Эмпирическое исследование, в результате которого наблюдаются и устанавливаются факты, есть первое, что дает непосредственный контакт человека с природой, следовательно, в чем прежде всего обнаруживается исходное, основное противоречие...»¹

Считая основными критериями различия эмпирического и теоретического знания а) характер связи с практикой (непосредственный или опосредованный) и б) характер отражения действительности (отражение на уровне явления или сущности), мы под эмпирическим понимаем определенный уровень научного знания, которое непосредственно получено в практике, направлено на описание и объяснение действительности на уровне явления, а под теоретическим — особую форму знания, фиксирующую существенные отношения действительности на основе анализа абстрактных объектов.

Следовательно, противоречие между эмпирическим и теоретическим знанием является отражением противоречий единичного и общего, явления и сущности в объективном мире. Однако при анализе этого соотношения перед нами встает проблема, которая уже неоднократно обсуждалась в философии, в том числе и в советской философской литературе: отражается ли на эмпирическом уровне общее, необходимое и существенное? Или эти характеристики появляются только в теоретическом знании?

¹ Б. М. Кедров. Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971, стр. 301.

Существует мнение, что на эмпирическом уровне отражается все богатство общего, существенного и необходимого². Безусловно, в чувственном образе отражается не только единичное, но и общее. Но при этом следует учитывать, как справедливо отмечает А. В. Славин, что на эмпирическом и теоретическом уровнях знания общее существует в разных видах. На эмпирическом уровне общее и единичное отражаются слитно, недифференцированно, и разделить их можно только на теоретическом уровне: общее на эмпирическом уровне не обладает признаками необходимости и сущности³. Данное противоречие разрешается в процессе перехода от эмпирического знания к теоретическому и даже частично разрешается на уровне эмпирического знания в процессе эмпирического обобщения. При этом надо иметь в виду различие между сущностью и существенными признаками. Сущность характеризует закон изменения, развития вещи. Существенные признаки характеризуют наличное бытие вещи и устанавливаются на уровне явления. «С точки зрения процесса познания,— пишет В. И. Чернов,— существенное есть лишь ступенька познания сущности. Сущность явления раскрывается не сразу и диалектика углубления познания состоит здесь не только в переходе от менее глубокой сущности к более глубокой, но и в том, что к сущности как форме мышления прибегают лишь на определенном уровне ее познания. Логической формой освоения содержания сущности, проникновения в сущность служит не сама сущность, а существенное. Когда сущность явления еще не определена, но наиболее характерные и важные признаки уже определились, их совокупность охватывают понятием «существенное». Это еще не сущность, но уже существенное»⁴.

Существует определенный вид научного знания, который вышел уже за рамки фактов, но не представляет еще теоретического знания. Это уровень эмпирического обобщения фактов, включающий отражение общих черт. Прав В. В. Давыдов, который считает, что «задача выделения общего только как сходного решается путем сравнения и специального анализа и подлинной абстракции не требует. Это относительно самостоятельный уровень мыслительной деятельности — эмпирический уровень»⁵. Так, например, в настоящее время собран огромный эмпирический материал по антропометрическим показателям, связанный с так называемым явлением акселерации. Перед учеными стоит задача — вскрыть сущностные

² См.: И. В. Николаев. Критика метафизического понимания непосредственного чувственного опыта.— «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1961. Сер. философ., т. 228.

³ См.: А. В. Славин. Об отражении общего в чувственных образах.— «Философские науки», 1966, № 6.

⁴ В. И. Чернов. Анализ философских понятий. М., 1966, стр. 192.

⁵ В. В. Давыдов. Виды обобщения в обучении. М., 1972, стр. 218.

механизмы акселерации путем теоретического обобщения эмпирического знания. Те обобщения, которые сделаны в настоящее время, имеют эмпирический характер, хотя и укладываются в рамки теоретического исследования о соотношении биологического и социального. Большинство ученых при анализе факторов, вызывающих акселерацию, решающую роль отводит социальным факторам, тем самым выявляя существенные признаки акселерации.

Эмпирическое знание является одним из моментов научного знания и не охватывает область всего знания. В сфере познания понятие «эмпирическое знание» имеет смысл только в связи с полярным понятием — теоретическое знание. Начиная с определенной стадии, в каждой области науки, кроме эмпирического знания, появляется его диалектическая противоположность — теоретическое знание как результат обобщения эмпирического. Граница между эмπειрией и теорией подвижна и на определенных стадиях науки соотношение между ними различно. В период ее возникновения, как правило, господствующими методами оказываются эмпирические, которые затем, по мере развития науки, дополняются теоретическим исследованием.

Ф. Энгельс отмечал, что эмпирическое естествознание в XIX в., благодаря выявлению существенных в природе связей между различными областями действительности и накоплению необъятной массы фактического материала, превратилось из эмпирической науки в теоретическую, где эмпирические методы оказались бессильными и вступили в противоречие с теоретическими. Он писал: «Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что в каждой отдельной области исследования стала прямо-таки неустранимой необходимостью упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи... Но, занявшись этим, естествознание вступает в теоретическую область, а здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление»⁶. Данное противоречие разрешается заменой метафизического способа мышления диалектическим.

Эмпирическое и теоретическое знания находятся в разных отношениях. Если теория объясняет совокупность всех фактов⁷, то между ними существует соответствие. Иначе говоря,

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366.

⁷ В философской литературе нет однозначного ответа на вопрос, что такое факт. Одни авторы отождествляют факт с реальным событием, фрагментом действительности (см.: Противоречия в развитии естествознания. М., 1965, стр. 25), другие рассматривают его как знание о событии (см.: П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, стр. 221), третьи считают необходимым признание фактов действительности той объективной основой, которую отражают факты науки (см.: Л. С. Мерзон. Проблемы научного факта. Л., 1972, стр. 47). На наш взгляд, факт — гносеологическая категория, имеющая определенное онто-

здесь имеет место временное, относительное равновесие, тождество, совпадение двух противоположностей. Так, теория происхождения человека, созданная Ч. Дарвином путем обобщения фактического материала геологии, археологии, сравнительной анатомии, эмбриологии, патологии, паразитологии и зоопсихологии, давала возможность объяснить все фактическое знание об антропологических находках черепа со скалы Гибралтар (1848), черепной крышки из Неандерталя (1856) и нижней челюсти из Ла Ноллет (1866)⁸.

Однако по мере развития познания исследователь получает новое фактическое знание, которое теория уже не может объяснить. Равновесие нарушается и при этом наступает противоречие между фактами и теорией. «В дальнейшем рано или поздно, — пишет Б. М. Кедров, — обнаруживается новый факт, выходящий за рамки установившейся теории и не объясняемый с ее помощью. Вслед за тем возникает новая форма противоречия между фактом и теорией: теория перестает соответствовать всем наличным фактам, перестает объяснять всю их совокупность. Такая форма противоречия также превращается в источник иногда весьма бурного движения науки вперед, поскольку возникает необходимость восстановить согласованность между обоими основными структурными элементами науки»⁹.

Разрешение противоречий между фактами и теорией может происходить различными путями. Прежде всего, накопление новых фактов может привести к смене теории или к созданию более обобщающей теории, как это было при создании трудовой теории антропогенеза. Так, будучи биологической теорией, теория происхождения человека Ч. Дарвина не могла объяснить некоторых фактов психологии, философии, истории, языкознания и других общественных наук, рассматривающих проблему происхождения человека и человеческого общества. Разрешение этого противоречия было связано с созданием Ф. Энгельсом трудовой теории антропогенеза, которая объясняет совокупность фактов о происхождении человека, полученных в естественных и общественных науках. Современная научная база антропологии значительно расширилась. Хорошо изучена геология четвертичного периода, археология каменного века, открыты примитивные каменные орудия. Появились новые сравнительные данные, связанные с биохимическими, гематологическими, иммунобиологическими и генетическими показателями, например, сходство человека и высших живот-

логическое основание: факт — это достоверное, непосредственное знание о событиях и фрагментах действительности. Поэтому в относительно самостоятельном эмпирическом уровне знания можно выделить такие противоположности, как фактическое знание и его эмпирическое обобщение.

⁸ См.: М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. М., 1970, стр. 17.

⁹ Б. М. Кедров. Ленин и диалектика естествознания XX века, стр. 307.

ных в частоте распределения групп крови, в строении ферментных элементов, белков крови и т. д. Значительное влияние на развитие антропологической теории оказали палеоантропологические открытия в 1959—1967 гг. в Восточной Африке, которые привели к широкой дискуссии о древности человека, о его непосредственных животных предшественниках, о грани между человеком и животными. И весь этот фактический материал объясняется с помощью трудовой теории антропогенеза.

Во-вторых, теория может изменяться, в нее вносятся поправки и уточнения с целью объяснить совокупность всех фактов. Так, в современной антропологии при обсуждении проблемы грани между человеком и животными используется основное теоретическое положение концепции антропогенеза: «труд создал человека». Благодаря появлению нового эмпирического знания стало возможным конкретизировать этот тезис путем выделения трех критериев — философского, морфологического и систематического. Философский критерий связан с признанием наличия трудовой деятельности у человека. Морфологический критерий позволяет провести разграничительную линию по объему мозга (в пределах 700—750 см³), по наружному и внутреннему его строению. Систематическим критерием «служит не сама по себе трудовая деятельность, а ее «отпечаток» на морфологическом облике гоминид, результат ее воздействия на строение мозга и других органов, возникший в процессе отбора»¹⁰. Следовательно, новое эмпирическое знание, полученное в антропологии, привело к конкретизации и уточнению некоторых положений трудовой теории антропогенеза.

И наконец, в-третьих, на основе одних и тех же фактов могут появиться различные теоретические объяснения. Так, М. И. Урысон, проанализировав фактические данные объема мозга австралопитеков и «человека умелого», пришел к выводу, что не существует резкого морфологического критерия между человеком и его животными предками¹¹. Очевидно, данное противоречие между эмпирическим знанием и его теоретическим обобщением должно быть разрешено в процессе практики путем проверки истинности одной из этих гипотез или путем создания новой теоретической конструкции.

Итак, противоречие между эмпирией и теорией является конкретизацией основного противоречия познания между субъектом и объектом. Противоречие эмпирии и теории является движением нашего познания к объекту со стороны раскрытия объективных противоречий единичного и общего, явления и сущности.

¹⁰ Я. Я. Рогинский. Проблемы антропогенеза. М., 1969, стр. 90.

¹¹ Там же, стр. 90—91.

ПРОТИВОРЕЧИЕ ФОРМАЛЬНЫХ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАУКЕ

Научные исследования могут быть разбиты на два крупных класса — содержательные и формальные, полярные по своей сущности. Поляризация распространяется и на те конкретные приемы, средства и методы, которые в своей совокупности и составляют системы содержательных и формальных исследований.

Содержательный анализ ведется при обращении и постоянном учете конкретных предметных областей во всей их сложности, цельности, неповторимости и качественном своеобразии. Вся система конкретных естественных и гуманитарных наук в конечном счете и реализует содержательный подход, поскольку все они нацелены на вполне определенные предметные области действительности.

Формальные же исследования призваны выявить закономерности, присущие целому ряду предметных областей, сторон действительности. Они вскрывают нечто общее, устойчивое, инвариантное в качественно своеобразных аспектах действительности. Характер и степень общего и тождественного при этом могут быть различными. Отвлекаясь от конкретного содержания физических, биологических, социальных и других явлений, мы можем учесть, например, только то, что все эти объекты представляют собой системы и структуры, или рассмотреть их со стороны законов функционирования. В известном смысле структурный, системный, функциональный, кибернетический, информационный и другие подходы представляют собой формальные исследования. Особенность их, не позволяющая отнести эти исследования к собственно формальным, заключается в том, что в общем, инвариантном, устойчивом они берут все-таки нечто определенное, конкретное — аспекты системный или структурный, функциональный или информационный и т. п. Эти подходы точнее было бы назвать формально-предметными (или формально-конкретными).

Особый характер имеют логические и математические исследования, что обусловлено спецификой предметов логики и математики. Объектами рассмотрения логики и математики

выступают наиболее общие закономерности предметов, свойств и отношений действительности (в математике), а также схем практических операций по овладению ими (в логике). Логические и математические методы являются самыми абстрактными исследованиями в науке; формальными в собственном смысле слова, поскольку в логико-математическом знании происходит отвлечение от всех возможных конкретностей и предметностей; математика и логика в полной мере отвлекаются от содержания качественных областей окружающего мира и познания, а также от любых конкретных их сторон и аспектов.

Именно с логико-математическими исследованиями и следует связывать метод формализации в строгом смысле слова.

Сущность процессов логико-математической формализации заключается в отвлечении от конкретно-научного содержания анализируемых теорий, выявлении их логико-математических структур, которые фиксируются в логико-математических формализмах. Функционирование выявленных логико-математических формализмов и последующая их интерпретация позволяют получать новые, ранее неизвестные знания об объектах анализируемых теорий.

Таким образом, содержательные и формальные исследования диаметрально противоположны по своему характеру. С одной стороны, принцип максимального приближения к определенности, содержательности, а с другой — полное удаление и отвлечение от конкретного содержания. Содержательные и формальные исследования имеют самостоятельные, несводимые друг к другу предметы исследования: целостное, качественно своеобразное, неповторимое в других областях явлений и т. п. доступно содержательному анализу; расчлененное, наиболее общее, фундаментальное, устойчивое — средствам формального анализа. Строго говоря, по сути своей, содержательные и формальные средства исключают друг друга и в то же время они являются взаимополагаемыми и взаимодополняемыми. Формальный анализ возможен только на базе имеющегося конкретного материала, поскольку формализации подвергается конкретное содержание. В свою очередь, формальный анализ сам по себе будет незаконченным, если он не дополняется содержательной интерпретацией формализмов, сам акт формализации мы поэтому и трактуем как процесс нерасчлененного единства символизации и интерпретации.

Формальные и содержательные исследования подчиняются принципу диалектического единства, а не принципу параллелизма, которым подчас в литературе¹ оперируют. Но на наш

¹ См.: Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев. Принцип «параллелизма формы и содержания» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. — «Докл. АПН СССР», 1960, № 2, 4.

взгляд, принцип параллелизма формы и содержания, формального и содержательного отбрасывает как излишество одну из противоположных сторон диалектического единства этих исследований, тогда как формальный и содержательный анализы как стороны диалектического единства неравноправны. И в генетическом, и в структурно-функциональном планах содержательные исследования являются определяющими, обуславливающими, первичными по отношению к формальным исследованиям.

В истории научного познания можно отметить периоды преимущества преобладания либо содержательных, либо формальных исследований. Исторически первым по времени выступает рассмотрение содержательных сторон явлений, что приводит к становлению самих наук, их предметов и специфических методов и приемов исследования. Всестороннее обращение к формальной стороне знания датируют концом XIX — началом XX в., когда чисто содержательный анализ в науках исчерпал свои возможности и стал малоэффективным. Именно в этот период «само развитие теоретического знания привело к выявлению относительной самостоятельности формы и содержания, объектов и их отношений, элементов и структуры»².

Неверно было бы, однако, считать, что до XIX в. формальная сторона знаний не изучалась. Средства и приемы логико-математической формализации развивались уже со времен Аристотеля, и развитие их не знает перерывов в истории. Большой толчок для развития приемов и средств формализации дала научная революция Нового времени³. Но до XIX в. формальные средства разрабатываются в собственной сфере, становление же их именно как методов исследования содержания других наук происходит на рубеже XIX—XX вв.

Однако проникновение и преобладание к этому времени процессов формализации вовсе не означает отсутствия содержательных исследований. Во-первых, до сих пор еще многие науки только подходят к необходимости формализации, используя пока элементарные приемы этого метода. В таких науках и в настоящий период существенное место принадлежит содержательным исследованиям. Во-вторых, в науках, в полной мере применяющих логико-математические формализмы, содержательные средства, претерпевая коренные изменения, поднимаясь на качественно новые этапы своего развития, постоянно сопровождают формальные исследования. А в науках, уже достаточно развитых в формальном отношении, на

² М. Н. Андрющенко, Б. В. Ахлибининский. О гносеологическом аспекте формализации.— В сб.: Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования, вып. 2. Л., 1970, стр. 32.

³ См.: Б. В. Бирюков, Е. С. Геллер. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973, стр. 21.

смену периоду преобладания формализации идет этап снятия их новыми содержательными методами.

Математика и логика на современном этапе их развития являются наиболее формально развитыми науками, поставляя средства для формальных исследований в других. Предпосылки для формализации математики и логики были созданы в основном во второй половине XIX в. Н. Бурбаки⁴ прослеживает историю математики именно в плане развития формальных взглядов на сущность математики, при которых предмет математики раскрывается как совокупность абстрактных математических структур (Буль, Ганкель, Кантор, Гильберт и др.). Своей кульминации формальные исследования в математике достигают в 30-е гг. XX в. в программных требованиях школы формалистов — свести всю содержательную математику к логико-аксиоматическим исчислениям. В этот период наибольшей остроты достигает борьба между формалистами и сторонниками содержательного развития математики — интуиционистами⁵.

Сущность математики и ее развитие не могут базироваться только на формальных исследованиях. Современный этап в развитии математики требует диалектического снятия результатов формального анализа содержательным рассмотрением математики. В качестве реакции на претензии формалистов появляются попытки полностью отвергнуть формализацию и ее значение в математике⁶.

Проникновение формальных исследований в логику, связанное с такими именами, как Буль, Шредер, Фреге, Морган, Рассел, Уайтхед и другие, во многом совпадает с этим процессом в математике. Формально проанализированная логика — это уже символическая (математическая) логика. Парадоксы материальной импликации и поиски их решения, построения модальной логики, логики норм и оценок, теории натурального вывода свидетельствуют об обращении логиков к реальным схемам рассуждений, что невозможно без содержательного анализа.

В одной из наиболее разработанных естественных наук — физике — отмечаются те же закономерности в соотношении формальных и содержательных средств анализа. Хотя первые элементарные шаги формализации были предприняты уже в механике, ярко выраженный формальный характер в развитии физических теорий наступает только с середины XIX в. При этом в оценке роли формализации среди физиков возникают два течения — «энергетики», которые «хотели свести физиче-

⁴ См.: Н. Бурбаки. Очерки по истории математики. М., 1963.

⁵ См.: К. Н. Суханов. Критический очерк гносеологии интуиционизма. Челябинск, 1973, стр. 193.

⁶ См.: И. Лакатос. Доказательства и опровержения. М., 1967, стр. 8—9.

скую теорию к чистому формализму»⁷, и сторонники содержательного, образного, наглядного развития физических знаний. Реальное развитие физических наук давало основания как для одной, так и для другой концепции (например, развитие квантовой теории оказало значительную поддержку позиции энергетиков). Но крупнейшие физики-теоретики (А. Эйнштейн, М. Борн, В. Гейзенберг, М. Планк, Луи де Бройль и другие) достаточно диалектично рассматривают значение полярных исследований, не переоценивая ни образно-наглядное мышление, ни формальные средства анализа в физике. Так, В. Гейзенберг справедливо отмечает: «Попытка показать, что математический анализ есть единственно возможный путь познания, кажется... столь же сомнительной, как и противоположное утверждение, что объяснение природы может быть достигнуто философским путем без знания ее формальных законов»⁸.

Аналогичная закономерность в соотношении содержательных и формальных исследований характерна и для таких наук, как биология и лингвистика. Так, если первые попытки формального анализа биологических знаний были предприняты уже в 20—30-е гг. XX в. (например, работы Томпсона о математических методах анализа роста и формы (1917), А. Лотка «Элементы физической биологии» (1924), В. Вольтерра «Лекции по математической теории борьбы за существование» (1931), Дж. Вуджер «Аксиоматический метод в биологии» (1937), работы школы Н. Рашевского и т. д.)⁹, то в такой традиционно гуманитарной науке, как лингвистика, только в 50-е гг. начинается использование формального анализа. В этих науках отчетливо выделяются представители двух направлений: в биологии — сторонники «классической», «традиционной» биологии, отстаивающие методы сугубо описательной, экспериментальной биологии и представители «новой», математической или теоретической биологии, опирающиеся преимущественно на методы логики-математической формализации; в лингвистике — сторонники «традиционной» лингвистики и представители «дескриптивной» лингвистики. Однако характер развития наук в наши дни таков, что он неуклонно ведет к необходимости рационального синтеза обоих направлений. Противоречивое единство формального и содержательного исследований пронизывает все исторические этапы развития научного познания.

Таким образом, проведенный анализ противоречивого единства формальных и содержательных исследований позволяет определенным образом предсказать ход развития наук, которые только подошли к стадии использования логики-математи-

⁷ См.: Луи де Бройль. По тропам науки. М., 1962, стр. 170.

⁸ В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики. М., 1953, стр. 33.

⁹ См.: Теоретическая и математическая биология. М., 1968.

ческих формализмов (исторические, географические, геологические, экономические и др.) И этот аспект в известной мере начинает получать свое отражение в ряде работ в современной марксистской философской литературе¹⁰.

¹⁰ См.: В. И. Кураев. Диалектика содержательного и формального в научном познании. Автореф. канд. дисс. М., 1970; Е. Н. Кириллов, В. И. Кураев. Единство содержательного и формального в процессе познания.— «Тр. Горьк. политехнич. ин-та», 1970, т. 26, вып. 3; С. А. Молоков. О формальном и содержательном методах познания. Томск, 1970; С. М. Шалютин. Содержательные и формальные аспекты познавательного процесса.— В кн.: Диалектика познания и современная наука. М., 1973; А. А. Ветров. Методологические проблемы современной лингвистики. М., 1973.

О ПРОТИВОРЕЧИИ МЕЖДУ НОВЫМИ ИДЕЯМИ И УСТОЯВШИМИСЯ ПАРАДИГМАМИ В НАУЧНОМ ПОИСКЕ

Научный поиск как идеальный процесс производства новых знаний детерминирован, в конечном счете, материальными общественными потребностями данной эпохи. Однако это не исключает, а напротив, предполагает его относительную самостоятельность, проявляющуюся, прежде всего, в наличии особых диалектических противоречий. Одним из таких противоречий, возникающих в горниле «творческих мучений», является противоречие между новыми идеями и устоявшимися парадигмами, недостаточно проанализированное в советской философской литературе¹.

Новые идеи, несмотря на их глубокую преемственную связь с предшествующими знаниями, кажутся, как правило, вначале необычными, диковинными, «странными», ибо они преодолевают инерцию, негибкость мышления, вызывают в нем глубокие внутренние «течения» и тем самым поднимают его на новый уровень.

Главная задача ученого — не только добыть истину, но также и иметь мужество отстоять ее. Творцу надо обладать огромной силой воли и уверенностью в правоте выдвинутой идеи, чтобы вступить в бой с общепринятыми представлениями и устоявшимися парадигмами, в особенности, если они были дороги его сердцу. Устоявшиеся парадигмы, общепринятые представления и составляют тот познавательный «барьер»², своеобразный «порог мышления», который, как шоры, мешает ученому разглядеть новое, непредвиденное. Особенно большое значение приобретают здесь парадигмы, определяемые Т. Куном следующим образом: «Парадигма — это то же, что принятая модель или образец»³.

¹ Из работ последних лет, в которых так или иначе ставится и решается данная проблема, назовем следующие: Научное творчество. М., 1969; Б. М. Кедров. Микроанатомия великого открытия. М., 1970; Научное открытие и его восприятие. М., 1971; Проблемы деятельности ученого и научных коллективов, вып. 4. Л., 1971.

² См.: Б. М. Кедров. О теории научного открытия. — В кн.: Научное творчество. М., 1969.

³ Т. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago and London, 1963, p. 23.

Согласно Куну, в науке на каждый определенный момент времени имеется, как правило, не одна, а целая иерархия парадигм. Причем переход от одной парадигмы к другой осуществляется в основном с помощью интуиции. Развитие науки происходит по следующей схеме: «нормальное» развитие науки (старая парадигма) → взрыв (революция) → новая парадигма.

Переход от старой парадигмы к новой есть, по Куну, кульминационный пункт в разрешении тех противоречий, которые возникают между парадигмой и «аномальными» фактами. Этот переход есть «опыт перехода в другую веру», предполагающую совершенно другое «видение мира» и другие методологические установки. Поэтому новые идеи (парадигмы) часто встречают сопротивление со стороны большинства ученых, которые вначале путем «штопания» старой теории стараются приспособить ее для объяснения новых фактов. Так, американский физик Ф. Дж. Дайсон отмечал: «Причина, по которой трудно охватить новую концепцию в любой области науки, всегда одна и та же: современные ученые пытаются представить себе эту новую концепцию в понятиях тех идей, которые существовали прежде. Сам открыватель страдает от этой трудности больше всех; он приходит к новой концепции в борьбе со старыми идеями и старые идеи еще долго потом остаются языком, на котором он думает»⁴.

Период «нормального» развития науки занимает в истории решающее место, в то время как научная революция осуществляется в течение относительно небольшого промежутка времени. Переход от старой парадигмы к новой осуществляется не постепенно, а быстрым скачком, представляющим собой интуицию. Объясняется это, согласно Куну, тем, что парадигмы несовместимы, и потому мирное сосуществование между ними невозможно. В любой момент развития науки существует монополия вполне определенной парадигмы.

Т. Кун вводит понятие артикуляции парадигмы. Артикуляция означает, что с развитием науки парадигма может изменяться, приобретая различные модификации, и в то же время она сохраняет нечто общее, что и определяет специфику стиля мышления какого-либо научного сообщества (формального или неформального).

Таким образом, в концепции Куна мы имеем дело с попыткой рационального воспроизведения методологических проблем и противоречий, возникающих в творческой деятельности ученых. Поэтому просто отмахнуться от этой концепции было бы неправильным, надо видеть в ней как позитивные, так и негативные стороны. Одним из основных недостатков его кон-

⁴ Ф. Дж. Дайсон. Новаторство в физике.— В сб.: Элементарные частицы, вып. 2. М., 1963, стр. 91.

цепции является то, что он не может наметить правильных путей перехода от социально-психологических факторов в продуктивной деятельности к логико-гносеологическим. Правильно улавливая противоположность между социально-психологическим и логико-гносеологическим, Кун не видит внутреннего единства между ними.

Парадигма, по нашему мнению, представляет собой модельную систему фундаментальных идей и методологических установок исследователя, помогающих ему осуществлять селективный отбор⁵ нужных идей и гипотез, находить правильные способы разрешения поставленных проблем. Свою конкретизацию и наиболее адекватное воплощение парадигма получает в господствующей в данное время теоретической концепции, представляющей собой «канонический образец научного объяснения» (С. Б. Крымский). Так, например, в XVIII в. функции научной парадигмы выполняла модель мира, очень похожая на огромный часовой механизм; в XIX в. такой моделью считалась машина, потребляющая и перерабатывающая вещество и энергию; и наконец, в современную эпоху реальный мир представляется в виде сложной иерархической системы, перерабатывающей информацию.

Существование познавательного «барьера», важным компонентом которого является парадигма, помогает в какой-то мере объяснить драматическую судьбу многих новых идей, тем более, что, как считает Кун, нет логических аргументов, которые бы могли убедить сторонников старой парадигмы в необходимости отказа от нее. Здесь решающую роль, по его мнению, играют не логические, а психологические и социальные факторы⁶. Существует здесь следующая закономерность: чем крупнее и значимей идея, тем с большими трудностями она завоевывает себе признание. Большое значение приобретает и временной фактор: чем крупнее научная идея, тем большего временного интервала она требует для своей победы.

Следует заметить, что противниками новых идей являются не только догматики, но и нередко крупные ученые, которые, выдвинув когда-то оригинальную концепцию, настолько сживаются с нею, настолько абсолютизируют ее, что в конце концов становятся ее полными пленниками и не могут поэтому воспринимать другие новые идеи. Таким образом, даже большие знания, накопленные большим ученым, могут служить

⁵ Об обосновании понятия селективного отбора см. работы: В. П. Бранский и И. Эвристическая роль философских принципов в создании естественно-научных теорий.— В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973, стр. 314; Он же. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973, гл. 2, § 2.

⁶ T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago and London. 1965, p. 93.

иногда препятствием для адекватной оценки им новых идей и принципов. По-видимому, избыток знаний так же вреден, как и их недостаток, нужен некий их оптимум, который для каждой науки будет своим.

Необходимо также отметить, что сами творцы не всегда могут правильно и своевременно оценить выдвинутые ими идеи. Так, М. Планк свою идею квантов рассматривал как одну из причин возникшего в начале XX в. кризиса в физике и в душе надеялся (вместе с Шредингером и др.), что рано или поздно она будет уточнена или даже опровергнута. В этой связи он неоднократно призывал обращаться с понятием кванта осмотрительно⁷. Он признал эту идею, по мнению М. Борна, «в отчаянии» — ввиду полной неспособности с помощью классических понятий объяснить свойства теплового излучения⁸.

Значительную роль, по нашему мнению, в разрешении противоречия между принципиально новыми идеями и устоявшимися парадигмами играет эвристическая интуиция⁹, помогающая преодолевать инерцию, консервативность сложившихся концептуальных схем. Выдвигая новую идею, данная интуиция помогает осуществлять переход от старой системы знаний к новой. А каково же соотношение между интуитивным и дискурсивным в научном поиске, если парадигмы представляют собой дискурсивно оформленное теоретическое знание, а интуиция, ведущая к преодолению существующих парадигм, выходит за рамки дискурсивного?

Несмотря на различие, интуитивное и дискурсивное диалектически связаны друг с другом. Диалектика здесь состоит в том, что творческое мышление ученого представляет собой органическое единство непрерывности (дискурсивная деятельность) и прерывности (эвристическая интуиция).

Дискурсивная сторона творческого мышления включает в себя формальные отношения между различными структурными элементами языка науки, где мыслительные операции осуществляются над знаками и символами. Причем оперирование логическими средствами здесь происходит в рамках заранее определенной схемы. Интуитивная же сторона базируется прежде всего на смысловых, содержательных связях между структурными элементами языка науки, в основе которых лежит деятельность по оперированию мысленными образами

⁷ См.: М. Планк. Единство физической картины мира. М., 1966, стр. 188—189; Н. Винер. Об обучающихся и самовоспроизводящихся машинах.— В сб.: Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. М., 1968, стр. 54.

⁸ См.: М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 147.

⁹ Подробнее об эвристической интуиции как специфическом и важном способе получения принципиально новых идей путем непосредственного постижения мыслимого в них содержания при некоторой неосознанности самого механизма этого постижения см.: В. И. Хорев. Эвристическая интуиция.— «Философские науки», 1974, № 1.

реальных предметов. Интуитивное мышление предполагает исследование диалектикологической природы применяемых логических средств, и в этом смысле оно выступает как самопознание. При этом интуитивное мышление имеет решающее значение, когда новая концепция только формируется, становится, набирает силы. Если же она в основном уже создана и главная задача состоит в ее дальнейшем уточнении, конкретизации и обосновании, то в этом случае на первый план выдвигается дискурсивное мышление.

Интуитивное и дискурсивное являются диалектическими противоположностями, их можно рассматривать, по нашему мнению, как парные категории. Ведущей противоположностью является интуитивное, ибо именно ему принадлежит решающая роль в выдвижении новых идей и принципов. Однако интуиция без дискурсивного обоснования может вызвать в мышлении исследователя хаос, привести к неопределенности и даже к мистике (как в интуитивизме). Дискурсивная деятельность придает мышлению системность, строгость и последовательность. Но мышление, не выходящее за рамки дискурсивного, может стать односторонним и даже догматическим. В преодолении этой односторонности, устоявшихся парадигм и состоит главная позитивная функция эвристической интуиции. Тем не менее выход интуитивного за пределы дискурсивного всегда относителен, ибо с помощью интуиции не только преодолевается устоявшаяся система знаний, но и создается новая, являющаяся такою же строгой, как и прежняя. Следовательно, относительность дискурсивного и интуитивного означает возможность их перехода при определенных условиях друг в друга: то, что интуитивно на одном этапе познания, со временем становится дискурсивным и может быть формализовано.

Помимо эвристической интуиции большое значение в преодолении познавательного «барьера», в разрешении противоречия между новыми идеями и устоявшимися парадигмами имеет так называемый «счастливый случай»¹⁰. О том, что случайность как форма проявления и дополнение необходимости действительно имеет место в творческом процессе, убедительно свидетельствует история науки. Сами ученые называют случай величайшим изобретателем¹¹.

Случай, когда новые идеи приходят к ученым, чрезвычайно многообразны и своеобразны. Но случай — не причина, а лишь повод, толчок к открытию. Открытия случайны лишь по форме, а по существу они, как необходимый продукт общест-

¹⁰ См.: Б. М. Кедров. О теории научного открытия.— В кн.: Научное творчество, стр. 78—80.

¹¹ См.: П. С. Александров. Математическое открытие и его восприятие.— В кн.: Научное открытие и его восприятие. М., 1971, стр. 69; Д. Пойа. Математическое открытие. М., 1970, стр. 442.

венно-исторической практики, являются итогом больших усилий как самого исследователя, так и его современников и предшественников. В известном смысле можно сказать, что сам случай не случаен. Поэтому при анализе творческого процесса ученого нельзя абсолютизировать ни роли необходимости, ни роли случайности, а следует рассматривать их в диалектическом единстве.

Итак, анализ одного из важных диалектических противоречий научного поиска ученого свидетельствует о том, что подобного рода противоречия являются важными внутренними пружинами развертывания и осуществления продуктивной деятельности. Разрешение их служит могучим стимулом для движения науки вперед, необходимым условием не только постановки новых проблем, но и сознательного формирования и управления творческим процессом.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Структура предметного диалектического противоречия

В. В. Ким. Возникновение и структура противоречия	3
Ю. П. Андреев. Отношение как содержательный элемент противоречия	13
В. М. Кошев. Противоречие как причина развития	19
В. Т. Себиченко. Условия, способы и формы разрешения предметного противоречия	26
Л. М. Семашко. Структура разрешения противоречия	34
Г. И. Бондарев. О специфике и структуре социальных противоречий	40
А. В. Гайда. Отношение субъекта и объекта в социальном противоречии	49
В. В. Байлук. Противоречия между объективным и субъективным в социальной деятельности	55

Раздел 2. Структура познавательных диалектических противоречий.

Пути и способы разрешения диалектических противоречий научного познания

И. С. Нарский. О диалектико-материалистическом понимании эвристических противоречий познания	60
В. Н. Порус. Формальная логика и проблема отражения диалектического противоречия	75
В. В. Агудов. О специфике структуры и разрешения противоречий абстрактно-теоретического мышления	85
В. М. Мустафин. Отрицание в структуре познавательного диалектического противоречия	93
Д. В. Пивоваров. О путях формирования антиномий-противоречий в научном познании	99
В. О. Лобовиков. Антиномии теории: логический статус и этапы развития	107
В. И. Ермаков. О способе разрешения антиномии меновой и потребительной стоимости	112
В. Н. Николко. Проблема описания противоречивой природы микрообъектов	118
В. А. Гаврилюк. Неопределенность в объекте и парадоксы познания	122
Н. З. Варисов. Опосредствование противоположностей в физических теориях и проблема единства физического знания	128
В. Т. Маклаков, Л. В. Свистова. Противоречивый характер описания и объяснения в историческом познании	133
А. Н. Аверин. Противоречие между эмпирией и теорией и его разрешение	141
Н. В. Бряник. Противоречие формальных и содержательных исследований в науке	146
В. И. Хорев. О противоречии между новыми идеями и устоявшимися парадигмами в научном поиске	152

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Выпуск 4

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Редактор *Е. Ф. Шамес*
Технический редактор *Э. А. Максимова*
Корректор *И. Ф. Александрова*

Сдано в набор 11/VI 1975 г. Подписано к печати 18/XII 1975 г. НС 32249. Тираж 600 экз.
Усл.-печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10. Цена 1 руб. Формат 60×90/16. Заказ № 375.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
имени А. М. Горького, Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.